ЕН128
Г 396

ГЕРОИЧЕСКАЯ ЮНОСТЬ

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1938

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕН 1281 р
Г396

ГЕРОИЧЕСКАЯ ЮНОСТЬ

КОМСОМОЛ И МОЛОДЕЖЬ
В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1938

К.

СЕРИЯ СБОРНИКОВ

ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
1917—1922 гг.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СССР

В ОЧЕРКАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ

☆

ЕН 1281
Г 396 Р

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при Ц.К. В.К.П.(б)

Ер. 296
2083 32

209248

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
[redacted]

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ КРАСНАЯ АРМИЯ

1918 X 1928

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик в ознаменование боевых заслуг Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи на фронтах гражданской войны в период 1919—1920 г.г., против Колчака, Деникина Юденича, белополяков и Врангеля когда всесоюзные мобилизации членов ВЛКСМ влили в ряды Красной Армии десятки тысяч революционной молодежи, доказавших свою преданность делу пролетариата героическими подвигами и отдавших свою жизнь за победу социализма— награждает его орденом КРАСНОЕ ЗНАМЯ—символом мировой социалистической революции

В удостоверение изложенного Революционным Военным Советом Союза Советских Социалистических Республик выдается настоящая грамота.

Народный Комиссар
по Военным и Морским Делам
и Председатель Революционного
Военного Совета Союза ССР

№

1928 г.

Москва

„Пусть крепко запомнит каждый из вас: орден не только награда, орден — большое обязательство, которое Ленинский комсомол принимает на себя.

Вдвойне и втройне повышается ныне ответственность каждого комсомольца перед своим союзом, перед партией большевиков и властью советов... От лица 2-миллионной армии ленинцев заявляет съезд правительству Советского Союза:

Наши знания, наши мускулы и наша жизнь принадлежат власти рабочих и крестьян. Мы не щадили их в огненные годы гражданской войны, мы без вздоха сожаления отдадим их в дни новых испытаний и побед. Ждем приказа наших командиров!"

Из обращения VIII съезда ВЛКСМ к комсомольцам, молодым пролетариям и крестьянам.

Майор ЯРОВОЙ

КОМСОМОЛЬСКАЯ РОТА

Мы стояли на берегу Днепра. Дело происходило в 1920 году. Мозырь и Речица находились в руках у поляков. Среди красноармейцев появился слух, что в стране объявлена мобилизация коммунистов на польский фронт. Рады мы были этому несказанно.

Однажды утром вызывают меня в штаб 507-го стрелкового полка, где я был командиром роты. Вновь назначенный комиссар спрашивает меня:

— Коммунист?

— Да.

— Вот и хорошо. К нам из Москвы для пополнения полка едут комсомольцы. Мы не хотим их распылять: думаем создать комсомольскую роту, а тебя назначить командиром. Эта рота должна быть лучшей в полку, на нее мы будем опираться.

★

... Перед штабом полка выстроено новое пополнение — человек 600—650.

— Комсомольцы-москвичи, выходи из строя, — вызывает начальник штаба.

Вышли 95 человек. Все из Сокольнического района.

— Принимай, товарищ Яровой.

Отвел я комсомольцев в сторону, посмотрел на них и думаю: «Дети — как их в бой вести? И их погубишь, и сам пропадешь вместе с ними».

Повел роту по квартирам, а сам и не рад, что пополнение получил. Да и товарищи разыгрывают меня, называют «комроты детдома».

Дня три я обучал ребят военному делу, а потом получил приказ вести роту в наступление на поляков. Написал последние прощальные письма (не надеялся остаться в живых с такой ротой), и в составе двух батальонов пошли мы в наступление на Горваль (это местечко в устье реки Березины, впадающей в Днепр). Моя рота впереди.

Под прикрытием нашей батареи мы переправились через Днепр и начали преследовать небольшие группы поляков. Надеялись через полчаса взять Горваль. Но не тут-то было! Поляки подпустили нас метров на двести и открыли огонь из пушек, пулеметов, минометов, винтовок. У моста через реку Березину на Горваль видны проволочные заграждения.

Перебежками, под сильным огнем противника мы продвинулись вперед, неся большие потери.

Смотрю я на своих ребят и замечаю, что идут они вперед настойчиво, невзирая на опасность и потери.

Командир батальона по условному знаку передал приказ (ракета в сторону противника) итти в атаку. Первой должна была выступить моя комсомольская рота.

Вот и сигнал — ракета.

— Рота, в атаку, за мной! Ура!..

Все как один мои ребята ринулись вперед. Поляки начали бросать окопы и удирать. Но тут они увидели, что в атаку на них идет всего горсточка людей. В наших рядах оказался предатель — командир 5-й роты, бывший колчаковец. Он отказался итти в атаку и задержал 6-ю роту. Увидев это замешательство, поляки снова открыли огонь и остановили нас в семидесяти метрах от своих окопов. Мы укрылись от пуль в наскоро вырытых песчаных окопчиках.

С наступлением темноты неприятель повел контрнаступление.

Комсомольцы поднялись и с колена открыли меткую стрельбу. Поляки, напоровшись на такое сопротивление, быстро отказались от наступления.

Но вот нас начали окружать справа и слева. Две роты нашего батальона — 5-я и 6-я — отступили. Я получил приказ отойти за Днепр.

С боем, отстреливаясь во все стороны, стали отходить, прячась в густой ржи. Когда подошли к нашей переправе, я убедился, что лодки угнаны на восточный берег, а у парома перерезаны канаты. Деваться было некуда, гибель неминуема.

К счастью, я заметил устроенные из досок мостки, по которым, видимо, пассажиры поднимались на пароходы. Осталось нас около шестидесяти человек. Даю распоряжение: бросить шинели и лопаты, одеть винтовки на спину, ломать мостки и с помощью досок спокойно и тихо плыть на свой берег.

Молча, без единого звука, все погрузились на доски. Я остался позади и, едва различая в темноте фигуры своих бойцов, стал наблюдать за переправой. Поляки заметили нас и открыли стрельбу.

Вот, наконец, передний боец встал ногами на дно — значит, он уже у самого берега. Первый, ставший на дно, начал подтягивать подплывающих товарищей. Так мы все благополучно выбрались на берег.

Командование 507-го полка и 57-й дивизии отметило героизм комсомольской роты.

★

Вспоминается другой эпизод.

Наша рота занимала участок вблизи устья реки Березины. Говорили, что на этом месте поляки часто переправлялись и заходили в тыл нашим войскам. Через ординарца получаю приказ от командира 507-го полка:

«Наша 5-я стрелковая дивизия наступает через реку Днепр с задачей взять сегодня г. Речицу. Вам первым в 16 часов переправиться через Днепр, войти в огневую связь с противником и, ствлекая его, дать возможность нашим частям перейти в наступление».

Задание было исключительно серьезное. Подползает ко мне командир взвода:

— Что случилось, товарищ комроты?

Я указал на берег противника:

— Вот их надо разбить Нам первым переправляться.

Я продумал план действий и отдал приказ приготовиться.

Бойцы сняли скатки, сумки и другие вещи, без которых можно было обойтись.

— Рота, за мной! — скомандовал я.

— А кто дневальным будет у наших вещей, товарищ командир?

Среди бойцов произошло замешательство, но никто так и не остался дневальным. Комсомольцы все поголовно рвались в бой.

— Ладно, дадим своего дневального, — сказал подошедший командир полка.

Выходим за опушку леса. Песчаный обрыв. Днепр. С нашим появлением артиллерия противника открыла огонь. Прикрывая наш маневр, загрохотала позади и наша батарея. Командую:

— Бегом, к лодкам.

Лодки были завезены на берег накануне ночью. Быстро спускаем их на воду, отталкиваемся и плывем.

Из-за канонады с обеих сторон и разрывов снарядов подать команду голосом было невозможно. От рвущихся снарядов вода в Днепре как в котле кипела. Комсомольцы изо всех сил продолжали грести к берегу. Я оглянулся — за нами плыла новая флотилия лодок. Взвод 5-й роты был придан нам в качестве пополнения. За ним следовала полковая разведка. Это всех ободрило.

Здесь я был свидетелем геройского поступка наших коммунистов. Для того чтобы перебросить весь полк, надо было освободившиеся лодки вернуть на наш берег. За это взялись коммунисты. Под ураганным огнем противника они организовали дальнейшую переправу и своим примером воодушевляли бойцов, идущих на прорыв. Огонь неприятеля усилился. Переправа прекратилась. Мы залегли и окопались. Не знаю, что стало с этими героями-коммунистами, но в полку я их больше не встречал.

Сильный вражеский огонь мешал нам подняться с земли. Только с наступлением ночи, под прикрытием тумана, мы смогли двинуться дальше для выполнения поставленной задачи. Приблизились на расстояние ста метров от польских окопов. Видны часовые. Мы находились внизу, поляки — на возвышенности. На минуту в сердце закрадывается тревога: а вдруг обнаружат? Вокруг меня собралась вся рота. Тишина. Мы даже дыхание затаили, чтобы не нарушить этой тишины. Вдруг справа слышим стрельбу, разрывы ручных гранат, крики «ура». Это был батальон 505-го стрелкового полка, который переправился через Днепр правее нас и перешел в атаку.

Только в пятнадцати метрах поляки заметили нас, но уже было поздно. Стремительная атака так напугала их, что они покинули свои окопы и побежали. Утром село Заозерье было в наших руках.

После этой операции рота сильно поредела, поэтому мне придали полковую разведку. Теперь под моим командованием было 105 человек.

Перед нами была поставлена новая задача — взять деревню Салтаново. Бойцы мои были исключительно бодры и

уверены в победе. Удача вскружила нам голову. Пренебрегая обычной осторожностью, мы не выслали вперед разведку, а ворвались в Салтаново всей ротой.

Недалеко от деревни, в лесу, мы тотчас же увидели массу польской кавалерии.

— По кавалерии залпом, рота!.. — Не успел я закончить команду, как слышу чей-то отчаянный крик:

— Кавалерия с тыла!

Оглянулся, смотрю — вся улица запружена конницей, которая мчится на нас.

Надежды на спасение не было, но мы хотели отдать свою жизнь дорогой ценой. Все собрались в каре и с колен ощетинились штыками навстречу коннице. Тем временем кавалерия подлетела вплотную к нашей роте.

Но что это? От радости я не мог произнести ни одного слова и опустился на землю. Впереди всадников мчался на коне наш комиссар 507-го полка.

Видя появление красной конницы и предполагая, что это буденновцы, поляки в панике бросились бежать, преследуемые нашей кавалерией.

Оказывается, в горячке наступления наша рота врезалась клином в расположение польских войск. Узнав об этом, комиссар полка собрал начсостав и красноармейцев, имевших лошадей, и бросился нам на выручку.

Комсомольской роте не только поручали самые ответственные задания, но ее любили и берегли.

В Салтанове полк получил пополнение и повел наступление на укрепленную неприятельскую позицию — деревню Нахов-Неглинную. Большинство комсомольцев сложило здесь свои головы, но все-таки полк выбил поляков и преследовал их до второй линии укреплений. От комсомольской роты остался один взвод — до двадцати человек кадровых бойцов. Но эта горсточка комсомольцев поднимала в опасную минуту дух всего полка.

Однажды вечером мы подошли к бывшим немецким окопам, занятым поляками. Мой комсомольский взвод шел в головной заставе.

Взвод подошел к проволочным заграждениям, состоявшим из тридцати рядов проволоки, быстро окопался и открыл меткую стрельбу по неприятельским бойницам. Всю ночь взвод не прекращал огня, а к утру у ребят не осталось ни одного патрона. Требовались патроны, нужна была пища, бинты для раненых. Однако выйти из окопов невозможно — противник держит взвод на прицеле. Кто

и как доставит моим отважным комсомольцам все необходимое? Командир полка вызвал добровольцев. Попросился я, но меня командир не пустил. Тогда вышел писарь моей роты, комсомолец.

— Я пойду. Мои товарищи ждут патронов и хлеба. Разрешите, товарищ командир, доставить.

— Как фамилия? — спросил командир.

— Мезин.

— Ну, пойдемте вместе.

Приказано было открыть усиленную стрельбу по окопам противника. Под прикрытием огня комсомолец Мезин, а за ним командир полка с комиссаром поползли к комсомольскому взводу, находящемуся впереди, у проволочных заграждений. Меня оставили руководить огнем, прикрывающим подносчиков. Через несколько минут комиссар полка вернулся, на спине он тащил командира, убитого осколком снаряда. А комсомолец Мезин продолжал ползти к окопам своих товарищей. Вдруг, вижу, метрах в двадцати-тридцати от окопов он застыл не двигаясь. Герой был убит. Вражеская пуля попала ему в глаз. Комсомольцы взяли у убитого товарища патроны и возобновили стрельбу.

Скоро наступила ночь. Посоветовавшись с новым командиром полка, мы решили выручить взвод, находящийся под жестоким огнем противника. С остатком роты поползли к ребятам. Следом двигались бойцы 5-й роты. С трудом добрались мы, наконец, до окопов. Но, оказывается, комсомольцы чувствовали себя исключительно бодро и вовсе не собирались отступать. Они успели сделать проход в неприятельских проволочных заграждениях и уговаривали нас броситься сообща в атаку на врага.

Мы согласились. Обе роты поползли следом за комсомольским взводом.

Вот и проволочное заграждение. 5-я рота осталась у прохода, а мы с комсомольцами стали пробираться сквозь заграждение. Но 5-я рота не выдержала и тоже бросилась за нами. Поляки, не ожидавшие такой внезапной атаки, растерялись и отступили.

На этих позициях в империалистическую войну гибли целые корпуса царской армии и не могли все-таки прорвать фронт, а небольшая, крепко спаянная группа комсомольцев смело открыла для Красной Армии дорогу в глубь белой Польши.

Здесь я окончательно убедился, что счастлив тот командир, у которого бойцы — комсомольцы.

В. ГОРБУНКОВА

КОЛЯ РУДНЕВ[1]

С глубокой скорбью отмечаю геройскую смерть товарища Руднева на славном посту воина с контрреволюцией. Вечная память беззаветному воину коммунизма. Месть беспощадная царским генералам и их прихвостням — есаулам.

Член Военно-революционного совета республики народный комиссар Сталин[2].

Эти строки защитники Царицына прочли на первой странице своей любимой газеты «Солдат революции» 19 октября 1918 года.

Простые, искренние, сердечные слова вождя западали глубоко в душу каждого. Они заставляли низко склонять голову перед открытой могилой молодого героя. Они звали в последний, решительный бой.

«Мы привыкли к смерти, — писал о Коле Рудневе его товарищ. — В наше время миллионы людей умирают на полях битвы... Но есть и в наше время смерти, которые заставляют нас произносить клятвы и изрыгать проклятия»[3].

Такова была смерть товарища Руднева, геройски погибшего в октябре 1918 года на царицынском фронте.

Колю Руднева знали и любили многие.

Жители села Люторичи Епифанского уезда, Тульской губернии, где он родился в семье сельского священника, будут долго помнить его — своего любимого друга и славного, неустрашимого борца за счастье народа.

Как сын священника, Коля Руднев попал в духовную семинарию. Гнусная, мертвящая обстановка поповской бурсы была отвратительна честному, открытому характеру юноши. Он вскоре ушел из духовной семинарии и сдал экзамен в шестой класс тульской гимназии.

Девятнадцатилетним юношей Руднев интересуется революционными идеями, знакомится с марксизмом.

В формировании его политического мировоззрения большую роль сыграло сближение с семьей старого тульского рабочего-марксиста. Работа в студенческих кружках Московского университета, куда он поступил в 1915 году, довершила его первоначальное марксистское образование.

---

[1] По материалам редакции «Истории гражданской войны».

[2] «Солдат революции» № 61, 19 октября 1918 г.

[3] «Солдат революции» № 68, 27 октября 1918 г.

В 1916 году Руднев был призван на военную службу и попал в Александровское военное училище.

По окончании училища он был прикомандирован к 30-му Тульскому полку в качестве ротного командира. Будучи офицером, Руднев жил одной жизнью с солдатами, был им хорошим товарищем, оказывал на них огромное влияние.

Солдаты 30-го Тульского полка сразу по заслугам оценили молодого командира. Руднев завоевал симпатии не только своей роты, но и всего полка. Солдаты полюбили его, делились с ним всеми своими невзгодами и называли не иначе, как «наш прапорщик». Все свободные от занятий часы Руднев проводил со своими солдатами.

После Февральской революции Руднев вступил в партию большевиков. Он принял горячее участие в организации ротного и полкового комитетов, провел большую работу по созданию тульской военной организации РСДРП.

Революционное настроение гарнизона росло, солдаты чутко реагировали на большевистские лозунги, усваивали их. Большевистская агитация, умелый, душевный подход Руднева превращали солдат в революционно-активную силу, в политически крепкий, волевой организм.

В мае 1917 года в Туле создалась самостоятельная большевистская организация. Первоначально это была небольшая группа, всего человек сорок, но когда к ней присоединилась военная организация во главе с Рудневым, то удельный вес большевиков в политической жизни города чрезвычайно возрос.

30-й полк, в котором служил товарищ Руднев, к тому времени уже считался большевистским. Временное правительство поспешило его изолировать. В июне 1917 года полк был переброшен в харьковский гарнизон, находившийся в то время под сильным меньшевистско-эсеровским влиянием. Вместе с полком уехал в Харьков и Руднев.

Но надежды Временного правительства на ослабление большевистского влияния в полку в новых условиях не увенчались успехом. Твердая большевистская линия полкового комитета, неутомимая энергия до конца преданного партии Руднева обеспечили боевую большевистскую устойчивость солдат. Полк послал в Харьковский совет шестнадцать депутатов-большевиков, что сразу же увеличило силы большевистской фракции в совете. В дни выборов в городскую думу солдаты 30-го полка все как один заявили, что они большевики. Вместе с Красной гвардией полк явился вооруженной опорой большевистской организации Харькова.

Николай Руднев

Руднев сыграл большую роль в создании и укреплении харьковской Красной гвардии. С его помощью красногвардейскому штабу удалось получить оружие. Благодаря его влиянию младший командный состав 30-го полка стал надежным инструкторским резервом по обучению красногвардейцев. Руднев был только командиром роты, но все в Харькове знали, что 30-й полк — это полк Коли Руднева.

Но Руднев не ограничился работой в гарнизоне.

Он начал принимать участие в работе Харьковского совета и городской партийной организации.

В октябрьские дни местная большевистская организация выдвинула Руднева на работу в революционный штаб.

... Власть была в руках рабочих, но классовый враг не сдавался. Началась гражданская война.

В ноябре 1917 года партия послала Руднева с отрядами революционных солдат и красногвардейцев на ликвидацию корниловских банд, прорвавшихся к Белгороду. На участке Белгород — Готня белогвардейские банды были разбиты.

В декабре Коля Руднев уже под станцией Лозовой воюет с гайдамаками. Боевая обстановка захватывала его, вера в победу, неиссякаемая энергия передавались бойцам и увлекали их за молодым командиром. Отряды с победой возвращались в Харьков.

Дисциплинированный член партии, Руднев безоговорочно шел туда, куда посылала его партия, целиком отдаваясь порученному делу.

В конце января 1918 года в Харькове сформировался Народный комиссариат по военным делам республики Донецкого и Криворожского бассейнов. Товарищ Руднев был назначен заместителем наркома и с головой ушел в работу по организации вооруженных сил республики. Кому приходилось бывать тогда в наркомате, тот помнит, что Руднева можно было застать за рабочим столом даже в три часа ночи.

В феврале немцы двинули свои войска на Украину. Зашевелились контрреволюционные элементы внутри страны. Белые генералы — Краснов, Мамонтов, Деникин — стали собирать всю контрреволюционную нечисть, стекавшуюся со всех сторон на Дон. Сговор с немцами, поддержка немецких штыков окрыляли белогвардейщину; немецкое оружие и снаряды давали возможность увеличивать силы контрреволюции.

Весь рабочий Донбасс встал под ружье. Под руководством большевиков организовались отряды революционного казачества. Бронированному немецкому кулаку были противопоставлены большевистская твердость, единая воля и вера в победу частей формирующейся Красной Армии. Храбро дрались за свою родину, за свое будущее донецкие шахтеры под руководством своих славных командиров, среди которых одним из самых любимых был Коля Руднев.

Десятого марта из Луганска в район Харькова прибыл 1-й Луганский социалистический отряд во главе с К. Е. Ворошиловым.

Товарищ Ворошилов приехал из Петрограда снова на Украину в марте 1918 года — в самый разгар германского наступления.

По поручению харьковской большевистской организации он выехал в Донбасс для формирования вооруженных отрядов из рабочих. Партийная организация и рабочие с огромной радостью встретили бывшего слесаря луганского завода, старого подпольщика и руководителя рабочих Донбасса.

Началась горячая работа по формированию 1-го Луганского социалистического отряда. Костяком его была Крас-

ная гвардия Луганска, организованная другом и соратником Ворошилова — Пархоменко.

Организация отряда была закончена буквально в несколько дней. Отряд насчитывал 640 человек хорошо вооруженных и обученных рабочих.

Прибыв в район Харькова для его защиты, 1-й Луганский социалистический отряд получил задание выбить немецкие войска из района Конотоп — Бахмач.

Но силы были неравны: враг вооружен до зубов. Несмотря на все усилия сдержать натиск немцев, нашим отрядам пришлось с боями отступить на Харьков.

В городе шла эвакуация. Эшелоны направлялись по линии Балашов — Купянск под беспрерывным артиллерийским обстрелом немцев. 8 апреля 1918 года наши части оставили Харьков.

Используя весь свой организаторский талант, Руднев несколько суток без сна и без отдыха провел на вокзале, налаживая бесперебойное движение эшелонов. Большевистское упорство Руднева победило. Пробка была ликвидирована, эшелоны потянулись к Купянску.

Эвакуация заканчивалась. Грузился в вагоны последний отряд, прикрывающий отступление.

Немцы уже заняли Холодную гору, мост и из пулеметов начали обстреливать вокзал. У перрона набирал пары последний паровоз последнего эшелона.

Когда произвели перекличку, оказалось, что нет начальника штаба 5-й украинской армии Руднева. Товарищ Артем заявил, что уже давно не видал его. Это внесло еще большую тревогу. Стали повсюду искать Руднева. Нигде нет... Бросились в комнату начальника станции, которая помещалась в отдельном здании. Пробираться туда уже было трудно — противник, пристрелявшись, поливал площадь обильным свинцовым дождем.

Несмотря на обстрел, бойцы пробрались через площадь. В комнате начальника станции, положив голову на руки, крепким сном спал Коля Руднев. Его встряхивали, сажали, но разбудить так и не удалось: он только что-то невнятно бормотал.

Так и пришлось вынести его спящим к эшелону. Только у вагонов он проснулся, услышав пулеметную стрельбу.

— Что такое?

— Видишь, немцы уже мост заняли.

Сна как не бывало. Коля рванулся вперед, добежал до паровоза. Там впереди стояли два пулемета. Он сел за пу-

лемет и твердой рукой взялся за спусковой рычаг. В это время поезд тронулся.

Товарищ Ворошилов встретился с Рудневым во время боев за Харьков. Энергичный, решительный, с большой силой воли, молодой большевик обратил на себя внимание Ворошилова, и он назначил его начальником штаба формирующейся 5-й украинской армии. Новая ответственная работа целиком захватила Руднева. Нужно было в боевой обстановке из отдельных отрядов создавать армию, воспитывать бойцов, налаживать дисциплину, приводить армию в полную боевую готовность.

Руднев занимался не только вопросами формирования и разработкой оперативных приказов. Он участвовал и в выполнении этих приказов. Боями же, имевшими особо важное стратегическое значение, он руководил сам.

Коля Руднев был ближайшим помощником товарища Ворошилова. Климент Ефремович поручал ему самые серьезные, самые ответственные задачи. Когда 23—25 апреля эшелоны 5-й армии Ворошилова подошли к станции Родаково, то здесь уже было множество других украинских и донецких отрядов. Германские аэропланы кружились над уходящими эшелонами и забрасывали их бомбами.

В здании родаковского вокзала состоялось совещание командиров этих отрядов. В горячей и яркой речи товарищ Ворошилов обрисовал реальное соотношение сил в сложившейся обстановке. Он доказал, что сила Красной гвардии заключается в объединении отрядов под одним руководством. Собравшиеся командиры постановили влиться в 5-ю украинскую армию и продолжать организованный отход под руководством Ворошилова.

Товарищ Ворошилов приказал Рудневу произвести точный учет людского состава, оружия, продовольствия и сформировать из собравшихся отрядов новые боеспособные части.

Всю эту работу надо было произвести в боевой обстановке, под огнем неприятеля, который ни на минуту не оставлял в покое ворошиловскую армию.

Отдельные анархически настроенные партизанские отряды не хотели выполнять распоряжений штаба 5-й армии. Их приходилось расформировывать и вливать в более устойчивые части.

Несмотря на все трудности, Руднев блестяще справился с порученной работой. Он оперативно, быстро, по-большевистски, решительно и твердо навел порядок. Быстрота выполнения сопровождалась исключительной четкостью—не было ни излишней суеты, ни ненужного дерганья. Это было

достигнуто благодаря прекрасному сочетанию у Коли Руднева таланта военного руководителя и качеств большевика, глубоко понимающего народные массы.

К 29 апреля все эшелоны сосредоточились у Миллерова. В это время немецкие войска оккупировали район Черткова. Путь на север был отрезан. Командование 5-й армии решило итти на юг от Миллерова и пробиваться через Лихую на Царицын.

Вместе с товарищами Ворошиловым, Артемом, Пархоменко и другими боевыми соратниками славного наркома Коля Руднев был всегда на передовых позициях, в самых опасных местах, поражая окружающих выдержкой и спокойствием.

«Подходя к Лихой, — пишет командир отряда 5-й армии Локотош, — мы увидели облако дыма и услышали гул артиллерийской и пулеметной канонады... При приближении к станции представилась потрясающая картина: эшелоны горят, кругом рвутся снаряды, на платформах взрываются орудия, слышны стоны раненых, крики бегущих. Я увидел Руднева, Ворошилова, Артема. Они тверды и спокойны...» [1]

Руководить боем не из штабного вагона, а непосредственно на поле сражения — этому учил товарищ Ворошилов всех своих соратников. Это качество вполне усвоил его талантливый помощник Руднев.

По мере продвижения к Царицыну, в беспрестанных боях, под руководством товарища Ворошилова рос и закалялся молодой большевик Коля Руднев.

Ворошиловская колонна с боями продолжала двигаться к Царицыну. Руднев не всегда был в штабе, он часто оставался в каком-нибудь из отрядов, там, где присутствие его было необходимо. Так, он бывал, например, в отряде Локотоша.

Однажды отряд только что отошел от станции. Вдали из-за бугра показалась кавалерия. Присмотрелись — белоказаки. Решили огня не открывать, подпустить ближе. Казаки, видя классные вагоны, по всей вероятности рассчитывали, что это или штаб или санитарный поезд. Они никак не предполагали наткнуться на отряд, в котором сорок пулеметов. Их было сотни две. Шли они на поезд без всяких предосторожностей, конной лавой.

Эшелон остановился и приготовился к бою. Пулеметы были спрятаны за колесами вагонов. Руднев был замечательным

[1] Воспоминания Локотоша.

БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ

пулеметчиком, он тотчас же лег за пулемет. Белоказаки, не подозревая опасности, бросились в атаку.

Застучали пулеметы. Неожиданность ошеломила казаков — они растерялись и кинулись врассыпную. Весь белогвардейский отряд был уничтожен.

Необыкновенно отзывчивый и сердечный, готовый отдать последнюю рубашку нуждающемуся товарищу, Коля Руднев никогда не думал о себе. В горячке работы он часто забывал есть, спать. Днем и ночью Руднев был занят только одним — подготовкой к боям и участием в боях. Он был всегда в движении. Даже во время затишья, когда большинство бойцов крепко спало в своих вагонах, он не спал. Его можно было видеть во всякое время дня и ночи верхом на лошади, проверяющим эшелоны.

Несмотря на сильное утомление, Руднев всегда был бодр, весел, всегда ласково улыбался товарищам.

В Царицын эшелоны товарища Ворошилова вступили в начале июля 1918 года. Там в это время находился товарищ Сталин. Приказом Военного совета от 25 августа 1918 года за подписью товарища Сталина Руднев был назначен заведующим отделом формирования и обучения.

Момент был чрезвычайно трудный. Красновские банды подходили все ближе и ближе, окружая город со всех сторон. Рабочие Царицына организовали несколько специальных полков. Отдельные рабочие отряды влились в состав частей 10-й армии, сформированной к осени 1918 года под руководством товарища Сталина и при активнейшем участии товарища Ворошилова.

В 1918 году Царицын был важен для нас и в политическом, и в военном, и в экономическом отношении. Посланный партией на этот важнейший участок, товарищ Сталин именно в Царицыне и его районах организовывал борьбу за хлеб, что было в тот момент важнейшей политической задачей. Именно из Царицына направлялись в революционные центры эшелоны с хлебом, сопровождаемые вооруженными рабочими отрядами.

На помощь Царицыну шли рабочие Москвы, Петрограда. Окружающие крестьянские села и станицы присылали сюда свои революционные отряды.

Перед Руднеым стояли чрезвычайно серьезные задачи. В армию просачивались нездоровые, неустойчивые, мало дисциплинированные элементы. Будучи легко подвержены панике, они терялись при всяком затруднительном положении, бежали с фронта и дезорганизовывали этим военные

действия. Некоторые из них симулировали всевозможные болезни, осаждали эвакопункты с требованием эвакуировать их вместе с ранеными. Но все эти трудности удавалось быстро ликвидировать с помощью преданных красноармейцев, ибо подавляющее большинство армии царицынского фронта было здоровым, революционно спаянным, политически надежным и боеспособным.

После неудачной попытки взять Царицын в середине августа 1918 года, в период первого окружения, красновские банды через два месяца повторили наступление. 15 октября враг подошел вплотную к городу — были заняты Воропаново, Сарепта, Бекетовка. Передовые разъезды белых появлялись уже на окраине города.

Товарищ Сталин лично руководил обороной Царицына. Вместе с Ворошиловым он появлялся на самых опасных участках фронта. Защитники города героически сражались с превосходными силами противника. С большим трудом доставалась красновцам каждая пядь земли. Царицынская большевистская организация бросила на фронт всех коммунистов, сумела организовать и послать еще несколько тысяч рабочих.

Товарищ Ворошилов дает Рудневу боевой приказ: во главе вновь сформированной бригады из одиннадцати полков восстановить положение в районе Бекетовка — Отрадное.

Пятнадцатого октября, в самый тяжелый день второго окружения, когда красновские банды подходили почти к черте города, Руднев повел наступление в расположение противника. Ожесточенные, кровавые бои шли беспрерывно. Красные войска героически отражали натиск неприятеля.

Сильно обескровленные части Морозовско-донецкой дивизии и 1-й отдельной стрелковой бригады залегли к западу от железнодорожной ветки Царицын — Сарепта. В это время стало известно, что на одном из участков фронта недавно мобилизованные бойцы 1-го и 2-го крестьянских полков под влиянием кулацкой агитации группами переходят на сторону противника.

Красноармейцы, не жалея последних патронов, открыли огонь по предателям. Белые, не поняв, в чем дело, тоже открыли стрельбу. Под этим перекрестным огнем погибло большинство изменников.

Коля Руднев бросился спасать батарею, но, не доезжая, заметил, что артиллеристы перерезают постромки и оставляют орудия. С большим трудом удалось Рудневу удержать

прислугу одного орудия. Пушка была спасена. Но в этот момент тяжело раненый Коля Руднев упал на землю.

В 24 часа 15 октября оперативная сводка сообщала:

«... Образовавшийся прорыв был ликвидирован героическими усилиями красноармейцев, верных революции, во главе с начальником бригады товарищем Рудневым, причем отбито было одно орудие. Во время ликвидации прорыва тяжело ранен Руднев. Бой продолжается, все атаки противника успешно отражаются нашими войсками».

Смертельно раненный в живот, Коля Руднев пытался отдавать распоряжения. С большим трудом удалось его вывезти с линии огня. Дорогой он задавал вопросы окружающим:

— Скажите, буду я жив, опасно я ранен?

По расстроенным лицам товарищей он догадался, что дело безнадежно. Через минуту он произнес:

— Дайте телеграмму родственникам, что я умер, борясь за революцию.

Но вдруг на мгновение в глазах его появились решимость и воля. Твердым голосом он сказал:

— Передайте в Реввоенсовет товарищу Ворошилову, что приказание выполнено, прорыв ликвидирован. — Это были его последние слова на поле сражения.

Руднева привезли в Бекетовку в лазарет. Некоторое время он оставался в сознании. Часто подзывал товарищей, отдавал приказания. Временами мучительно стонал, впадал в бред и в бреду делал всякие распоряжения.

Как только в Царицыне стало известно о ранении Руднева, товарищ Ворошилов немедленно отдал приказ в санитарное управление 10-й армии:

«Принять все меры к спасению раненого Руднева».

Санитарное управление срочно приготовило все для оперирования Руднева в лучшем госпитале Царицына. В Бекетовку был направлен паровоз с врачом. Но в Сарепте стало известно, что Коле Рудневу уже произведена операция в местном госпитале. Ранение было исключительно серьезное, и шансы на спасение могли быть лишь при условии производства операции в идеальной хирургической обстановке. Однако в фронтовых условиях этого нельзя было ожидать. Руднев был в очень тяжелом, безнадежном состоянии. Наблюдались явления перитонита (воспаление брюшины). Временами он еще узнавал окружающих, но скоро впал в забытье и, не приходя в сознание, ночью умер.

Ему было немногим больше двадцати лет.

На похороны Коли Руднева пришли трудящиеся Царицына, революционные полки царицынского фронта. У гроба собрались его друзья, красноармейцы и командиры. Все они в последний раз отдавали честь молодому герою. На траурных знаменах было написано: «Похороним и отомстим», «За тебя одного — тысячи их».

Товарищ Руднев похоронен в саду около Дома советов, рядом с лучшими большевиками — защитниками Царицына.

«Месть беспощадная царским генералам и их прихвостням — есаулам» — призывно звучали слова товарища Сталина со страниц «Солдата революции».

И защитники Царицына отомстили врагу за смерть своего любимого командира. Враг был отброшен далеко от города. Второе окружение — ликвидировано.

Именем Коли Руднева был назван один из лучших бронепоездов на южном фронте. И долго еще он метким огнем своих орудий напоминал белогвардейцам об отважном молодом воине революции Николае Рудневе.

А. МЕЛЬЧИН

МЮРИД РЕВОЛЮЦИИ[1]

1

В центре селения Гойты, на заросшей бурьяном площади, стоял одноэтажный, покрытый черепицей дом. На веранде толпились вооруженные люди. В доме помещались штаб партизанского отряда и Чеченский народный совет.

Небольшая, с низким потолком комната полна народу. За столом — Абдурашид Исаев. На выпуклом лбу его хмурые морщины, черные, в стрелку, усы подрагивают. Исаев нервничает и часто смотрит в окно.

— Когда же начнется заседание? — прозвучал чей-то голос.

— Ждем приезда Шерипова, обещал быть, — ответил Исаев.

В ту же минуту за домом послышалось цоканье копыт, и из-за угла показалась группа всадников. Впереди ехал

---

[1] По материалам редакции «История гражданской войны».

стройный молодой чеченец в длинной горской рубахе и кавказской шапке. Вся фигура этого человека дышала молодостью, здоровьем и силой. Подъехав к крыльцу совета, он спрыгнул с лошади и, придерживая на боку маузер, слегка наклоняясь, приветствовал членов совета.

— Шерипов приехал, Шерипов! — разнеслось по площади, и к совету со всех сторон стали стекаться вооруженные горцы.

★

Асланбек Шерипов родился в 1897 году в одном из красивейших уголков горной Чечни — селении Шатой. С детства горячо полюбил Асланбек суровые хребты Кавказа, покрытые лесными чащами склоны гор, быстрые речки в ущельях. Способный и резвый мальчуган рано научился читать. И когда ему исполнилось двенадцать лет, отец послал Асланбека в Полтавское кадетское училище.

В училище Асланбек много читал, изучал английский, немецкий, французский языки и латынь. Эта страсть к знанию помогла ему выносить военную муштру училища.

Приезжая летом на каникулы, Асланбек подолгу беседовал со стариками, расспрашивал их о героях освободительной борьбы горцев — Шамиле, Зелим-Хане, — заставлял рассказывать горские легенды об абреках Чечни и Кавказа. Под влиянием рассказов и книг о великих людях сложился характер Асланбека. Он умел смотреть опасности прямо в лицо, был честным и прямым, смелым и настойчивым в достижении намеченной цели. Эти его качества сказывались даже в училище, где он не раз вступал в столкновения с начальством, заступаясь за своих товарищей. Когда в 1910 году мать Асланбека, узнав о его поведении, писала ему: «Смотри, не дерись; если с тобой будут драться, тогда доложи инспектору, а сам не дерись», возмущенный Асланбек ответил ей через отца: «Отец, скажи матери, чтобы она не писала такие вещи... Я никогда не пожалуюсь инспектору и воспитателю тоже...»

В 1911 году начальство усилило муштру в училище, стало заставлять детей горцев посещать православную церковь. Асланбек добился у отца согласия на перевод в Грозненское реальное училище. Здесь он еще больше увлекся изучением истории Кавказа; в седьмом классе Асланбек написал реферат «История кавказской войны» и перевел чеченскую историческую песню-легенду «Абрек Геха». Больше десятка клеенчатых толстых тетрадей Асланбека сплошь

Асланбек Шерипов

исписано выдержками из классиков, стихами и отрывками из Пушкина, Шевченко, Лермонтова и Некрасова. Лермонтова он особенно любил. Любимые стихи и поэмы Асланбек знал наизусть. В кругу друзей он часто декламировал «Измаил-Бей» Лермонтова, «Песнь о соколе» Горького, читал свои переводы народных песен. В тетради Асланбека обведены красным карандашом строчки Коста Хетагурова:

Как долга беспросветная ночь.
Как еще далеко до восхода.
Но... и днем не могу я помочь
Безысходному горю народа.

Асланбек оказался счастливей Коста Хетагурова — он увидел зарю новой жизни, боролся за нее.

Под влиянием Великой Октябрьской революции в конце 1917 года Шерипов только что со школьной скамьи стал одним из руководителей чеченского народа в его борьбе с беками, князьями и шейхами. Вместе с группой чеченских революционеров он расколол контрреволюционный староста-

гинский меджелис [1] и создал революционный Чеченский совет в селении Гойты. В феврале 1918 года трудящиеся Чечни выбрали его на второй съезд народов Терека. На съезде Шерипов встретился с руководителем пролетарской революции на Северном Кавказе — С. М. Кировым. Эта встреча навсегда определила путь Асланбека. От товарища Кирова он узнал о путях, по которым ведет трудящихся великая партия большевиков, их вожди — Ленин и Сталин. После съезда, который установил на Тереке советскую власть, Шерипов весь отдался борьбе за укрепление этой власти.

Местная националистическая буржуазия и контрреволюционное казачество, не ограничиваясь провокационными действиями внутри Терской области, вступили в соглашение с интервентами для борьбы с большевизмом. С этой целью представители давно уже не существующего горского правительства обивали пороги турецкого султана и с его благословения объявили «самостоятельность Северокавказской республики».

Нужно было веское слово всех народов Терской области о том, что они не желают и слышать о «независимости» под германо-турецким протекторатом.

Девятого мая эти слова прозвучали грозно и убедительно на заседании Терского народного совета. Товарищ Сталин в статье «О доницине и Северном Кавказе» приводит речь Шерипова на этом заседании. В «пламенной речи оратора ингушей и чеченцев»[2] была дана должная отповедь буржуазным националистам.

«Благодаря Великой русской революции, — говорил Шерипов, — мы получили ту прекрасную свободу, за которую столетия бились наши предки и кидались на штыки побежденные. Теперь, когда мы получили гарантию права на самоопределение, это право народ никогда не отдаст. Сейчас о независимости Северного Кавказа говорят помещики, князья, провокаторы и шпионы и все те, с кем Шамиль вел смертельную борьбу в течение пятидесяти лет. Сейчас есть отдельные попытки со стороны этих врагов народа провозгласить независимость Кавказа и объявить имамство. Но я утверждаю, что предкам этих князей Шамиль рубил головы, и так он поступил бы и теперь. Наша фракция, представляющая ингушский и чеченский народ, в экстренном заседании свой взгляд на вопрос об объявлении независи-

---

[1] Меджелис — парламент, совет.

[2] Сталин, Статьи и речи об Украине, стр. 54.

мости Северного Кавказа выразила в известной резолюции» [1].

В июне 1918 года зажиточное казачество под руководством предателя меньшевика Георгия Бичерахова подняло мятеж против советской власти. Шейхи и беки помогали восставшим. Над городом Грозным — пролетарским центром Терека — нависла опасность нападения этих объединенных контрреволюционных сил. Для того чтобы предупредить Гойтинский совет и помочь ему быстрее организовать партизанские отряды, и приехал сюда Асланбек Шерипов.

Когда гул приветствий затих, Шерипов подошел к Исаеву:

— Ну, как дела, командир?

Приложив руку к шапке, сдернутой на затылок, Абдурашид отчеканил:

— Двести пятьдесят человек готовы выступить по твоему требованию, товарищ Шерипов.

— Очень рад, скоро они мне потребуются. Ну, можно начинать? — обратился он к присутствующим.

Все направились в дом. Заседание началось.

Лучи солнца, освещая комнату, переполненную людьми в шапках, черкесках, потрепанных бешметах, поблескивали на посеребренных рукоятках кинжалов.

В президиуме поднялся Шерипов. Потрогав маузер, одернув рубаху — неизменные его жесты перед началом выступления, — он, как бы подбирая слова, начал:

— Положение, товарищи, все более и более осложняется. Станица Грозненская затевает недоброе. Чтобы предупредить ее выступление, Грозненский совет считает нужным обезоружить станицу, а если потребуется, то и начать с ней войну. Но эта война будет успешной только в том случае, если чеченский народ поддержит совет и обеспечит тыл. Силы у совета небольшие, но крепкие. На старых промыслах есть Пролетарский батальон, в городе несколько рот самообороны и, — Шерипов повернулся к Исаеву, — вот ваш отряд. Давайте вместе обсудим положение и решим, как быть на случай столкновения с белоказаками.

После выступления членов совета было вынесено решение выставить в тыл станицы Грозненской 250 всадников под командой Абдурашида Исаева и на случай открытия военных действий создать продовольственную базу.

Заседание кончилось. Шерипов еще около часу оставался в совете, беседуя с членами совета.

---

[1] Сталин, Статьи и речи об Украине, стр. 54.

— Товарищ Шерипов, — спросил его один из молодых членов совета, — я слышал, что к нам приехал комиссар от самого Ленина — Серго, Серго...

— Орджоникидзе, — подсказал Асланбек.

— Вот, вот... Орджоникидзе. Скажите нам, пожалуйста, что это за человек? Многое о нем в Ингушетии говорят, будто он — настоящий джигит, ничего не боится.

Шерипов улыбнулся:

— Верно говорят. Ленин не пошлет нам плохого человека. Орджоникидзе — один из его помощников, старый большевик. Положение в республике трудное. На Дону поднялся Краснов с офицерами, здесь — Бичерахов, в Сибири — белое правительство и чехословаки. Они окружают красную столицу кольцом. Для этой цели Краснов пытается через Волгу соединиться с сибирской белогвардейщиной. Это кольцо надо разорвать и уничтожить! Поэтому Ленин посылает на фронт своих лучших помощников. В Царицын приехал комиссар по делам национальностей Сталин — большой воли человек. С ним — непобедимый командир Ворошилов. А вот сюда, на Терек, приехал Серго Орджоникидзе. Он сам — кавказец, знает, что нужно горцу, и сумеет помочь нам.

Из-за угла показался всадник. Он подъехал к Шерипову и вручил ему пакет. Шерипов быстро разорвал конверт и, прочитав письмо, начал собираться к отъезду.

— Меня вызывают в город. А в следующий раз приеду и подробно расскажу об Орджоникидзе.

Асланбек попрощался, пожав всем руки. Когда он вскочил в седло, молодой чеченец обратился к нему:

— Товарищ Шерипов, увидишь ленинского комиссара, передай ему селям[1], пусть он напишет Ленину: чеченцы скорее умрут, чем допустят к себе власть помещиков и офицеров.

— Передам, — трогая лошадь, кивнул головой Шерипов. — Обязательно передам.

Уезжая из Гойт, Шерипов был уверен в том, что трудящиеся горцы, объединенные Гойтинским советом, все как один встанут на защиту советской власти.

В действительности это было не так. Немало горцев находилось под влиянием шейхов и мулл. Совсем недавно в результате националистической агитации горских верхов почти не было связи Грозного с горными аулами. И Шерипов знал, что враги из староатагинского совета — муллы

---

[1] Селям — привет.

и шейхи — будут и впредь продолжать разжигать эту вражду между городом и аулами.

Поэтому из Грозного он неустанно следил за тем, что делается в Чечне. Однажды Асланбек, вернувшись после бурного митинга в гостиницу, в возбуждении несколько раз прошелся по комнате, подошел к окну, распахнул его. В комнату ворвалась прохлада летней ночи. Вдали за городом, за освещенной лунным светом долиной, черными громадами возвышались горы — там был родной Шатой.

Асланбек подошел к столу, открыл свою старую тетрадку и начал перелистывать страницы. В тетради были его любимые стихи, переводы чеченских песен, изречения великих мыслителей.

Взгляд его упал на строку из старинной чеченской песни:

Когда я вспоминаю о боге, то восклицаю «аллах».
Когда я вспоминаю о любимой, то обнимаю свое оружие.

— А когда я вспоминаю, — продолжал эту мысль Асланбек, — о своей родине, которую муллы и беки хотят снова поработить, то я... я борюсь за ее свободу, не покладая оружия.

Асланбек выхватил из кипы книг листки чистой бумаги, карандаш и начал писать:

«Ко всем честным чеченцам... Чеченцы...»

Фразы, одна за другой, острые, как клинок, вылетали из-под руки Асланбека.

«... Вот уже полтора года, как пало давившее вас самодержавие. И с первых же дней революции всю судьбу Чечни вы отдали в руки шейхов и мулл. Обогатившиеся вашей работой шейхи и муллы, вместо того чтобы молиться и поучать вас, стали спорить из-за власти и мирских благ, этим развращая себя и вас...

Что нужно шейхам и муллам? Им нужно, чтобы вы на них работали, как рабы, чтобы приносили им дары и чтобы им можно было жить дармоедами и богачами.

Им захотелось иметь еще власть. И они стали спорить, завидовать друг другу и ненавидеть друг друга...»

Асланбек оторвался от бумаги. Перед его глазами прошли знакомые селения, люди, которых он так любил... Он вскочил, несколько раз прошелся по комнате и опять склонился над столом.

«...Вы, чеченцы, братья между собой. Но из-за того, что ссорятся шейхи между собой из-за власти, ссоритесь и вы. Шейхи вас сделали врагами друг с другом...»

Он снова на минуту задумался, мысль его билась над тем, чтобы подобрать самые нужные слова. И он нашел.

«...Чеченцы! Вы хвалитесь тем, что у вас не было и нет князей. Неправда, шейхи и муллы в тысячу раз хуже князей. Разве не вашими трудами живут они? Разве они не говорят вам, что они — властители Чечни, и разве вы смеете выбирать себе в главари кого-нибудь другого, кроме шейхов и мулл и их ставленников? Разве вы смеете отвечать на неправый суд, на обиды и притеснения со стороны шейхов?

...Нет, нет и нет, — и потому не хвалитесь перед кабардинцами и другими народами, что у вас нет князей: у вас есть шейхи — это хуже князей...»

Написав последнюю фразу, Асланбек потер ладонью лоб и снова начал писать:

«...И с самого начала шейхи и муллы, подрядчики, купцы, помещики, спекулянты и мародеры поняли, что их интересы могут пострадать, если чеченский народ возьмет власть в свои руки. И они, поддерживая друг друга, заключили союз с казаками, не стараясь добыть для народа земли.

Почему? А потому, что шейхам, муллам, купцам и вообще богачам земля не нужна — они на ней не работают. Помещики же ее имеют достаточно и, как казаки, не хотят дать ее народу.

Мы, молодежь чеченская, все это видели и видим.

...И нам, молодежи, искренно любящей свой народ, стыдно и горько...»

Уже подкрадывался летний рассвет, а Асланбек все еще писал родному народу:

«...Проснитесь, все честные чеченцы...

Мы, молодежь, верим в то, что не погибли еще в Чечне герои и борцы за народную свободу.

...Мы пойдем на смерть за народ, но не по обязанности, а с наслаждением, с радостью. Мы верим в то, что народ проснется, он уже просыпается — возьмет в свои руки власть и сам будет творить свою жизнь, ибо...»

Асланбек на секунду задумался, махнул в воздухе рукой, как бы подыскивая нужные слова, — улыбка озарила его бледное, утомленное лицо.

«...Ибо на нашей стороне есть вера и любовь, вера в торжество правого дела, в разум чеченского народа и любовь к свободе».

Несколько минут Асланбек не двигался. Заалела утренняя заря. Где-то далеко за городом раздался выстрел...

Асланбек оторвался от стола, подошел к кровати и, усталый, повалился на постель. На столе среди вороха исписанной бумаги незакрытой осталась черная клеенчатая тетрадь.

2

Наступили трудные дни на Тереке. Контрреволюция с оружием в руках поднялась против власти советов во всех концах области. Наступление ее шло одновременно с походом Деникина на Кубань и с движением английского наймита полковника Бичерахова со стороны Баку. Окруженная такими сильными врагами, отрезанная от центра, Терская область с трудом отбивалась от этих бандитов.

В первых числах июля 1918 года бичераховцы захватили станцию Прохладную. Пятигорск оказался отрезанным от Владикавказа. Владикавказский отряд имени Терского народного совета с боем взял Прохладную обратно. Через несколько дней бичераховцы снова заняли станцию. Жестокая угроза нависла над центром республики.

В тяжелую для Терека минуту на Северный Кавказ приехал посланец Ленина и Сталина — их ближайший соратник, чрезвычайный комиссар юга России Григорий Константинович Орджоникидзе, или, как его называли в народе, товарищ Серго. 11 июля Серго из Пятигорска перешел через фронт во Владикавказ и с этого дня стал во главе терских коммунистов, во главе борьбы народов Терека.

Товарищ Орджоникидзе в первые же дни своего пребывания на Северном Кавказе успел съездить во многие аулы и станицы Терека. Отряды ингушей, осетин, трудовых казаков создавались под его личным руководством.

23 июля был созван четвертый съезд народов Терека. Он открылся докладом Орджоникидзе о текущем моменте. Серго рассказал горцам, что германская оккупация Украины, восстание Краснова на Дону и контрреволюционный мятеж Бичерахова — это звенья одной кровавой цепи, это наступление международного империализма на нашу молодую Страну советов.

В первый же день заседания съезд решил послать делегатов к Бичерахову и попытаться договориться с ним о прекращении военных действий. Орджоникидзе ясно видел, что из этой затеи ничего не выйдет, но он хотел, чтобы горцы на опыте убедились, что с контрреволюцией, восставшей с оружием в руках, можно покончить только насильственным путем.

Вечером 24 июля этот же вопрос обсуждался на заседании Терского народного совета. Среди членов казачьей фракции народного совета были не только трудовые казаки, туда попали и казаки-кулаки.

Проникнув на съезд, они с первого же дня стали подговаривать делегатов выступить против большевиков — руководителей народного совета.

Асланбек Шерипов хорошо знал эту тактику врагов. Поэтому, когда на заседании совета один из руководителей контрреволюционного казачества Фальчиков выступил против комиссара земледелия Пашковского и военного комиссара Бутырина, Асланбек гневно его оборвал:

— Мы сознаем свои интересы, и с намеченного пути нас никто не собьет. Мы выносим самый решительный протест против всех ультиматумов, которые осмеливается предъявить определенная группа казачества всем избранникам терской земли. Если казачеству не нравятся Пашковский или Бутырин, то пусть они придут сюда на съезд и поведут борьбу против них словом, а не разгромом красноармейцев, а трудовое казачество пусть отмежуется от контрреволюционных элементов, и мы тогда их встретим, как родных братьев.

На съезде народов Терека произошла вторая знаменательная в жизни Асланбека встреча. «Ленинский комиссар», старый большевик Серго Орджоникидзе, познакомившись с Шериповым, как и Киров в свое время, сразу увидел, что этот юноша, только что вступивший в ряды бойцов революции, может быть талантливым руководителем масс.

В 22-м номере гостиницы «Париж», который занимал Асланбек, открылось созванное Серго заседание горских фракций съезда. Вопрос стоял серьезный: отношение горцев к бичераховскому восстанию. В горскую фракцию так же, как к казакам, пролезло немало мулл, шейхов и кулаков. Один из них, чеченец лет пятидесяти, пытался убедить горцев сложить оружие.

— Пусть русские бьют друг друга, — говорил он, — нам, чеченцам, нечего вмешиваться.

Его поддержал мулла:

— С босяками, не имеющими ни дома, ни родных, ни бога, чеченцам не по пути. Надо вступить в переговоры с казаками.

Затем выступил Асланбек.

— Казаки землю не дадут, — твердо заявил он. — На-

циональную свободу не дадут. Шейхи и Чермоевы [1] против народа, вместе с казачьими атаманами. Советская власть — вот наш единственный путь вместе с большевиками.

Долго еще продолжались прения. Большинство членов горских фракций шло за Шериповым. Орджоникидзе убедился в том, что этот молодой чеченец ведет за собой горские массы. Серго взял слово в конце заседания, разъясняя горцам, кому выгодно сеять рознь между национальностями и травить их против большевиков.

— Они говорят, — заявил Серго, — что имеется блок «диких» с большевиками. Да, мы предпочитаем умереть с «дикими», чем итти вместе с палачами народа.

Слова руководителя терских большевиков вызвали взрыв восторга. Горцы повскакали с мест, аплодисментами и возгласами приветствуя Орджоникидзе.

На следующий день Шерипов на съезде заявил от имени горской фракции:

— Необходимо во что бы то ни стало подавить контрреволюционное движение, возглавляемое Моздокским казачье-крестьянским советом. Я говорю, что если в течение ближайших дней не будут приняты меры к созданию единого революционного фронта, то мы, трудовой народ, будем разбиты... Мюриды Шамиля не были образованы и не учились на юридическом факультете, как Мамулов [2], но зато в кровавой борьбе с русским империализмом они доказали свою любовь к свободе. Мы будем мюридами революции и обещаем, что будем бороться за свободу, как боролись шестьдесят лет назад наши предки...

Во время перерыва Серго Орджоникидзе, обняв Шерипова, долго ходил с ним по коридорам бывшего кадетского корпуса. Речь молодого революционера взволновала его, и он поставил перед Шериповым вопрос о создании фракции горских коммунистов.

— Вы вчера говорили, что вступите в партию, когда для нее наступит самый трудный момент. Этот момент наступил. Нам нужны крепкие кадры горских коммунистов, и вы должны помочь нам создать их.

Асланбек, затаив дыхание, слушал «ленинского комиссара».

Когда раздался звонок, призывавший в зал заседания, он,

---

[1] Чермоев — чеченский миллионер-нефтяник, один из руководителей националистической буржуазии Северного Кавказа.

[2] Мамулов — эсер, выступавший за примирение с Бичераховым.

сжимая руку Серго, дал обещание в ближайшие дни создать в Чечне группу стойких большевиков-ленинцев.

Делегаты съезда после бурных прений с меньшевиками и эсерами, старавшимися сорвать единство, шли обедать. Серго, заметив впереди Асланбека, тихо сказал идущим рядом товарищам:

— Дайте этому товарищу подрасти, укрепиться, он тогда покажет себя.

Орджоникидзе как бы предвидел, что через несколько дней Асланбек покажет себя на передовых позициях настоящим большевиком.

В ночь на 6 августа бичераховские прислужники полковники Беликов и Соколов напали на Владикавказ. Съезд вынужден был прекратить свою работу. Часть делегатов взялась за оружие и дралась на улицах города, другие направились в Ингушетию за помощью. Неутомимый Серго поспевал всюду. Он руководил героической борьбой Курской и Молоканской слободок и одновременно создавал ингушские отряды. Через двенадцать дней упорных уличных боев город был освобожден. Разбитые бичераховские банды ушли из Владикавказа.

Не успели еще затихнуть выстрелы над столицей Терской республики, как в соседнем пролетарском центре — городе Грозном — с новой силой разгорелась бичераховская авантюра. Началось с того, что кулаки казачьей станицы Грозненской, до зубов вооруженные Бичераховым, стали угрожать городу, требуя от совета разоружения рабочих дружин.

В ответ на это Грозненский совет 11 августа предъявил станице ультиматум сдать оружие, и, так как последовал отказ, совет вынужден был начать боевые действия.

Грозненскую поддержали Червленная и другие соседние контрреволюционные станицы.

Город оказался окруженным врагами. Войск у осажденных было немного: Пролетарский батальон из рабочих старых промыслов, рота самообороны и отряды чеченцев. На Граничной улице, отделяющей город от станицы, выросли окопы. Началась героическая стодневная оборона пролетарского Грозного от контрреволюционных банд.

Асланбек Шерипов знал о готовящемся в Грозном столкновении, он знал, что без поддержки чеченского народа грозненцам будет трудно разбить объединившуюся казачью и чеченскую контрреволюцию.

Четвертого августа Шерипов выехал в Чечню. С дороги он писал своим друзьям:

«Ваши справедливые и вполне возможные предсказания и мрачные перспективы меня не испугают. Я уже поставил свою голову на карту, и единственно, чего я хочу, — это не пролить братской крови и не пасть от братской руки... Чем все это кончится — не знаю, но пойти в сторону и остаться безучастным зрителем в событиях, имеющих решающее значение для нашей родины, я не могу и не хочу самым категорическим образом»[1].

Асланбек рванулся в гущу событий — на помощь осажденным грозненским рабочим. Он немедленно сформировал отряды и направился с ними в революционный аул Гойты, где его друг и помощник Абдурашид Исаев ждал только его приезда, чтобы повести отряды горцев на защиту Грозного.

А в Грозном уже знали — из Чечни идет помощь. Командование обороны в эти дни получило короткую, но дорогую для него записку:

«Товарищи, держитесь крепче, бейте кадетов, чеченские бедняки идут на подмогу. Асланбек».

Скоро весть об этом разлетелась по всему фронту. Велика была радость бойцов, когда они узнали, что им на помощь идет чеченская конница.

Шерипов быстро пробирался из Владикавказа к Гойтам через чеченские аулы. Там он поднимал на помощь Грозному все новые и новые отряды чеченцев. Вдалеке пылало зарево пожара. Горели нефтяные промыслы, подожженные офицерами «дикой дивизии» еще девять месяцев тому назад. С тех пор над Чечней стоял столб пламени.

И не напрасно спешил Асланбек. В Гойтах было уже известно о боях в городе. В каждом доме готовились к предстоящим схваткам. У здания совета — толпа горцев, чувствуется оживление. Абдурашид Исаев спешно проводит подготовку бойцов. Гонцы его то и дело уносятся в разные концы селения, созывая партизан. В самый разгар подготовки на всем скаку, осадив коня, к совету подъехал Шерипов.

— Вура Шерипову, марш егил Шерипов![2] — разнеслось по всей площади, уже переполненной конниками.

— Вура, вура! — В лучах солнца сверкнули выхваченные из ножен шашки и кинжалы.

Шерипов отдал приказание выстроить отряд и быть готовым к выступлению. Со всех концов селения подъезжали группы всадников, подходили отряды пеших бойцов. Когда

---

[1] Архив ИГВ, дело № 5 штаба терских повстанческих войск.
[2] Да здравствует Шерипов!

вся масса вооруженных людей выстроилась, Шерипов и Исаев выехали на середину.

Шерипов, потрепав шею коня, приподнялся на стременах, осмотрел собравшихся и, когда установилась тишина, обратился к ним с волнующей речью:

— Помните, как боролся Ассир-абрек. Помните, как должны умирать герои:

Полвека бились. Много пало горных героев
Под взмахом беспощадной косы красавицы смерти.
Падали самые сильные из сынов свободного Кавказа.
Так под серпом падают самые крепкие,
Твердые и прямые стебли полевых злаков.
И, сгибаясь, спасаются слабые и гнилые из них [1].

— Чеченцы! Не будем похожи на увядающие стебли. Не согнем свои гордые головы перед врагом, встретим его с открытой грудью, победим или умрем смертью героев! — закончил Асланбек свою пламенную речь.

— Умрем или победим! — ответили десятки голосов.

— Веди нас, Асланбек, веди, чеченцы не покоряются врагу!

Асланбек махнул рукой. Исаев пришпорил коня, выехал на дорогу и, показывая обнаженной шашкой на город, скомандовал:

— Становись!

Окруженный провожающими, отряд выступил по направлению к городу.

Отряд Шерипова и Исаева пришел во-время. В Грозном шли упорные бои.

3

Чеченская конница Шерипова и Исаева вписала немало славных страниц в героическую оборону Грозного. Она всегда успевала быть там, где всего труднее становилось выдержать атаку врага, и стремительным натиском расстраивала ряды белоказаков.

Гонцы Шерипова ездили по Чечне, скупая патроны, которые были так необходимы для обороны. Деньги на покупку патронов прислал Орджоникидзе. В конце сентября он через Ингушетию и Чечню и через фронт белоказаков прибыл в осажденный город. Это очень подбодрило защитников Грозного. Серго дал указания, как дальше вести оборону, и обещал выслать на помощь революционных казаков.

Он видел, с каким героизмом сражается кучка рабочих и чеченцев с многочисленным врагом.

---

[1] Отрывок из народной песни об абреке. Перевод А. Шерипова.

Но Серго не мог здесь долго оставаться. Его ждали серьезные дела на Тереке. В день его приезда в Грозном были созваны командиры отрядов, и Серго, выслушав от них сообщения о состоянии фронта, коротко рассказал об общем положении страны и Терской республики.

Отрезанные от всего мира, командиры осажденной армии жадно слушали речь комиссара. Радостью наполняла их сердца весть о победах Красной Армии на Волге, гневно сжимались кулаки при известии о покушении на Ленина и о злодейском убийстве Урицкого.

«Как здоровье Ильича?» — билась у всех единая мысль, и весь зал облегченно вздохнул, когда Орджоникидзе сказал, что здоровье вождя улучшается.

Чрезвычайный комиссар рассказал о бичераховском фронте, поделился опытом борьбы с полковником Беликовым в августовские дни во Владикавказе.

Командиры внимательно слушали речь комиссара, записывая на клочках бумаги. До них не доходили центральные газеты, и сообщения Орджоникидзе оставались на долгое время самыми точными известиями о положении дел в стране. На десятках собраний, в окопах, в перерывах между боями командиры передавали бойцам речь «ленинского комиссара». В листовках распространялась она среди белоказаков.

Серго с руководителем обороны отправился на фронт. Он внимательно осматривал укрепления на Граничной улице, подолгу останавливался в окопах, беседовал с бойцами.

Когда Орджоникидзе и руководители обороны были в центре позиции, на левом фланге раздалась перестрелка: белоказаки начали наступление.

— Идем туда, — заторопился Орджоникидзе, увлекая сопровождавших его.

— Товарищ Орджоникидзе, там опасно, казаки могут прорвать фронт, — отговаривали его.

— Вот для того, чтобы не прорвали, мы и должны быть там.

Орджоникидзе и его группа быстро направились к месту, где все ближе и ближе раздавалась трескотня пулемета. По дороге они услышали конский топот и громкие крики.

— Кто это? — спросил Серго.

— Конница Шерипова скачет на помощь.

Пригибаясь к луке седла, впереди небольшого отряда скакали два всадника.

— Это Шерипов? — спросил Орджоникидзе.

— Да, и его помощник Абдурашид Исаев.

— Что за безобразие, они же лезут прямо на пулеметы,— возмутился чрезвычайный комиссар. — Прикажите Шерипову остановиться, это же безумие.

— Ничто не поможет, товарищ Орджоникидзе. С Шериповым во время боя сладу нет. Он скачет всегда в самые опасные места, — отвечал командующий.

Громкое «ура» прервало разговор. Перед глазами Орджоникидзе разыгралась одна из удивительнейших сцен героической обороны. Шериповцы быстрее молнии под огнем пулемета промчались через Граничную улицу и, скрывшись за углом, с гиканьем ударили в тыл врагу. Смолкли пулеметы. Из окопов выскочили роты самообороны и тоже бросились в атаку.

Левый фланг не только удержал свои позиции, но благодаря стремительному налету Шерипова выбил белоказаков из занимаемого ими квартала и обеспечил себе небольшую передышку.

— Молодец, Шерипов, — сказал молодому командиру Орджоникидзе, когда тот, вытирая рукавом разгоряченное лицо, подъехал к нему. — Я видел, как ты умеешь бить врага словами с трибуны. Теперь я увидел, что и в бою ты так же храбр и решителен. Хорошо провел операцию. Только советую впредь таких штук не повторять. Нельзя под пулеметным огнем скакать по улице. Твоя жизнь еще пригодится, и рисковать так не к чему.

Орджоникидзе крепко пожал руку Шерипову и Исаеву, поздравил бойцов с блестящей победой и, сопровождаемый конниками, поехал к штабу.

К вечеру шериповцы проводили его в Чечню, откуда чрезвычайный комиссар направился во Владикавказ, уверенный, что грозненцы смогут отстоять город.

Третий месяц длилась оборона. К белоказакам все подходили и подходили свежие силы, а у осажденных иссякали патроны, редели ряды бойцов. На других фронтах борьба с Бичераховым подходила к концу. Контрреволюционное восстание доживало последние дни. В начале ноября товарищ Орджоникидзе двинул на помощь Грозному отряд революционных казаков, а сам снова поехал в осажденный город, чтобы возглавить решающие бои.

Весь командный состав вместе с Орджоникидзе не покидал позиций. Конница Шерипова совершала молниеносные налеты в тыл врага. Справа двигался Пролетарский батальон.

Белая станица защищалась отчаянно. Были брошены на фронт все силы.

Особенно много беспокойства доставлял красным войскам броневой автомобиль. На нем засело несколько офицеров. Они второй день, не переставая, поливали ряды наступающих свинцовым дождем.

В ночь на 10 ноября команда белоказачьего броневика, закончив одну из успешных операций на Великовском мосту, решила отдохнуть. Достали где-то вина и, поставив броневик во двор окраинной хаты, открыли пир. Но скоро вина нехватило. У господ офицеров вышли все деньги.

— Разрешите, я вам достану вина, — предложил свои услуги шофер броневика Николай Зайцев.

Офицеры согласились, и Зайцев, истратив свои последние деньги, купил несколько четвертей водки.

К утру команда была пьяна. Офицеры валялись на полу хаты. Тогда Зайцев решился на смелый поступок. Он знал, какую роль играет броневик, и давно думал, как бы перебраться к своим (он был красноармейцем, взятым в плен и насильно принужденным водить машину против красных). Убежать сам он мог, но не хотел оставлять броневик, а сегодня представился вдруг случай увести машину.

Удостоверившись, что вся команда перепилась, он, притворив снаружи двери дома, где спали офицеры, быстро выехал со двора.

На Граничной улице уже шел бой. Батарея красных бомбардировала станицу. Зайцев знал, что, как только покажется броневик, артиллерия будет направлена на него. Но иного выхода не было.

«Пробраться бы через огонь к своим, — думал он, — а там разберемся».

Бесстрашный шофер, дав третью скорость, помчался навстречу рвущимся снарядам, но попал в грязь, и машина стала. С помощью подбежавших красноармейцев броневик вытащили, и он в целости и сохранности был доставлен к штабу красных.

Узнав о поступке Зайцева, Орджоникидзе вынес ему благодарность и наградил денежной премией. В сообщении Терскому совнаркому он писал:

«Герой-шофер.

Сегодня, 10 ноября, утром шофер Николай Зайцев, подвергая себя опасности быть расстрелянным нашей батареей, угнал бронированный автомобиль из станицы Грозненской.

Товарищу Зайцеву выражена за его преданность советской власти товарищеская благодарность от имени Центрального совнаркома и выдано пять тысяч рублей»[1].

Вечером 11 ноября комиссары разнесли по частям радостную весть — в Германии началась революция.

Фронт забурлил, заволновался. Больших усилий стоило командирам удержать бойцов, рвавшихся в бой.

Двенадцатого ноября 1918 года судьба восставших была решена. На помощь осажденным подошли революционные казаки товарища Дьякова, уже несколько недель пробивавшиеся к Грозному со стороны станиц Слепцовской и Карабулакской. Они не только храбро сражались, оттягивая этим большие силы бичераховцев, но посылали в тыл врага своих лазутчиков. Сотни трудовых казаков, поняв провокационность бичераховского восстания, с оружием покидали фронт и вливались в отряды Дьякова.

4

Командующий чеченской Красной Армией Асланбек Шерипов с честью нес это звание. В стодневных боях он образцово организовал вооруженный отпор бичераховцам и проявил чудеса храбрости. Руководя обороной Грозного, Шерипов не забывал и о борьбе с врагами в горной Чечне. Воспользовавшись тем, что пролетарский центр Чечни был изолирован от трудящихся горцев, националистическая буржуазия и духовенство вели открытую агитацию против советской власти. Их успеху сопутствовало и то обстоятельство, что лучшая революционная часть трудящихся горцев — молодежь и фронтовики — в рядах Красной Армии защищала Грозный. В горах нехватало сил, чтобы раскрыть подлый обман националистов. Не без их помощи в состав Гойтинского совета был введен ряд шейхов и мулл. Подчинив своему влиянию колеблющихся, они повели борьбу с той частью совета, которая под руководством Шерипова с оружием в руках защищала трудовую Чечню. Не жалея денег на подкупы и агитацию, враги чеченского народа сумели провести перевыборы Гойтинского совета и потребовали отзыва из Терского народного совета ранее выбранных представителей Чечни и замены их другими. Гойтинский народный совет окончательно подпал под влияние буржуазных националистов и, прикрываясь названием революционного совета, в действительности творил контрреволюционные дела.

---

[1] «Известия Грозненского совета» 11 ноября 1918 г.

Узнав об этом, Шерипов был вынужден выехать из Грозного во Владикавказ, чтобы разоблачить изменническую тактику Гойтинского совета.

Тринадцатого октября в газете «Народная власть» появляется заявление народного комиссара по национальным делам Терской республики и командующего чеченской Красной Армией Асланбека Шерипова, в котором он слагает с себя обязанности командующего чеченской Красной Армией.

На этот шаг Шерипов решился только потому, что, сражаясь бок о бок с грозненскими рабочими, с большевиками, он в огне борьбы сумел создать из своих отрядов не только стойких бойцов, но и группу чеченцев-большевиков. Шерипов решил порвать с Гойтинским советом:

«...Теперь пришло время, когда на сцену революции в Чечне должна выступить новая, действительно революционная сила, — это чеченская молодежь, ибо за два года ложные шейхи и муллы, купцы и т. д. блестяще дискредитировали себя. Спасение чеченского народа заключается в том, чтобы этой новой силе дать дорогу и свободу.

Я знаю, что моя отставка и мое мнение о необходимости действительной революции в Чечне послужат для провокации клеветы и сплетен всех цветов и оттенков, и потому я также заявляю, что я слагаю с себя звание командующего чеченской Красной Армией, но я не слагаю звания борца за интересы трудовой Чечни, ибо эту борьбу я буду продолжать бесстрашно, беззаветно, вопреки всем провокациям».

Выступая на заседании Терского народного совета, Шерипов говорил:

«У нас в Чечне только теперь начинается революция. До сих пор господствовала политика «куда ветер дунет»...

...Смею вам сказать, что Гойтинский народный совет не выявляет воли чеченского трудового народа.

В последнее время в Чечне образовалась советская партия, которая ведет агитацию за созыв съезда чеченского народа для перевыборов в Гойтинский совет. Против этой-то партии и направлено постановление Гойтинского совета о новых членах в народный совет. Я утверждаю, что Гойтинский совет — не советская организация, а союз мародеров, спекулянтов, купцов, лавочников, мулл с гор...

Я предлагаю, если народный совет утвердит новых членов народного совета, предоставить место представителю политической партии в Чечне, образовавшейся теперь».

Твердая и решительная политика товарища Орджоникидзе, беседы с ним не прошли даром. Асланбек Шерипов ясно понимал, что, только решительно отделившись от всех, кто действует соглашательски, кто не ведет беспощадной борьбы с врагами народа, только создав чеченскую политическую партию (так он называл большевиков), можно будет победить в разгоравшейся гражданской войне и вывести чеченский народ на верную дорогу.

В то время как борьба с внутренней контрреволюцией на Тереке к концу ноября 1918 года разрешилась полным разгромом бичераховщины, Деникин со стороны Кубани развивал свое наступление на группу Минеральных вод. Успеху Деникина способствовало тяжелое состояние 11-й Красной Армии, командарм которой — Сорокин — оказался предателем и авантюристом. 27 октября он предательски захватил и расстрелял руководство Северокавказской республики: председателя крайкома партии товарища Крайнева, председателя краевого ЦИК товарища Рубина и ряд ответственных работников. Авантюру удалось быстро ликвидировать, но это отразилось на состоянии армии. К тому же начались холода, а снабжение фронта было поставлено из рук вон плохо. Развивалась эпидемия тифа. Несмотря на героизм, проявленный бойцами и командирами, 11-я армия с трудом удерживала напор деникинских офицерских частей. Предстояли новые упорные бои за советскую власть на Тереке.

Националистическая буржуазия — чеченский нефтепромышленник Чермоев, Коцев и другие деятели горского правительства почувствовали приближение Деникина и снова оживили свою подлую работу.

Чтобы подвести итоги борьбе с бичераховщиной и на основе этого опыта подготовить трудовые массы Терека к новой борьбе, во Владикавказе 28 ноября собирается пятый съезд народов Терека.

Во вступительной речи Орджоникидзе указал, что трудящиеся массы Терской республики могут гордиться своими победами, что единая семья трудовых чеченцев, ингушей, кабардинцев и казаков непобедима, если она не пойдет на провокацию буржуазии, если ею руководит большевистская партия. Но одновременно с этим Орджоникидзе предупреждал:

— Указывая на опасность Чермоева, я должен обратиться исключительно к чеченцам, ибо не может Чермоев вступить на нашу землю, если на то не будет воли чеченского народа... Я наблюдал, когда ездил в Грозный, что чеченская масса

за Чермоевым не пойдет, но и среди нее есть свои Бичераховы...[1]

Орджоникидзе обращает внимание съезда на то, что Чермоевы и компания, стремясь вернуть обратно свои капиталы, готовы продать свою страну кому угодно. По их приглашению на Кавказ пришли англичане, турки и немцы. Трудящиеся горцы, трудовые казаки Терской республики должны еще крепче объединиться, чтобы дать отпор и интервентам и Чермоевым.

Командующий чеченской Красной Армией, назначенный теперь на эту должность уже не Гойтинским советом, а Терским народным советом, Асланбек Шерипов заверил Орджоникидзе и съезд, что чеченская Красная Армия, весь чеченский народ как один встанут на борьбу против нового врага.

— Я помню, — говорил Шерипов, — когда товарищ Дьяков поднимал вопрос о пропаганде среди казачества. Я откровенно признаюсь, что в успех этой пропаганды я не верил. Но теперь мы убедились, что великая идея проникла и в глубину казачества, и мы являемся свидетелями той борьбы, на которую пошли сыновья казаков против своих отцов. Хотя я чеченец — сын того народа, в котором жила историческая вражда к казакам из-за земли, — но я радуюсь единению трудовых масс казачества с чеченцами...

Эти слова вызвали взрыв энтузиазма среди делегатов чеченской и казачьей фракций. Они поднялись с мест, а один пожилой чеченец выхватил кинжал и, взяв его за острие, в знак дружбы подал казаку, сидевшему рядом с ним. У казака от волнения выступили слезы на глазах. Он бережно взял кинжал, махнул им несколько раз в воздухе и ловко вложил в ножны старого чеченца. После этого они под приветственные крики всего зала поцеловались.

— ...Если в словах горского правительства, — продолжал Шерипов, — сверкали звезда и полумесяц, то теперь в них блестит британский лев, а он идет не для защиты мусульман от христиан, не для утверждения шариата, а для утверждения своего империализма. В чеченском шейхе и спекулянте и в английской короне сидит один и тот же страх — боязнь распространения советской власти. Шейхи и муллы будут поставлены у нас в такие же рамки, в какие русские крестьяне поставили свою буржуазию, и в это мы верим больше, чем они верят в коран и шариат. Может быть, нашей Красной Армии придется погибнуть в этой борьбе,

---

[1] Архив Пятигорского истпарта.

но мы погибнем гордо, зная, что гибнем за землю и волю, а не как наемники английского капитала. Заканчивая свою речь, я должен сказать, что здесь не говорится речь, как речь, а дается серьезное обещание в том, что случится в ближайшие дни. Чеченская Красная Армия не за страх, а за совесть просит послать ее на любой фронт и в любое время будет бороться с контрреволюцией [1].

Бурными аплодисментами ответил съезд на речь-клятву вождя чеченской бедноты. Военком Бутырин предложил перевести на все языки Кавказа речь первого марксиста Чечни и распространить среди горцев.

Пятый съезд прошел с исключительным подъемом. Это была яркая демонстрация сплочения народов многонационального Терека, замечательный итог борьбы большевиков, руководимых С. М. Кировым и Серго Орджоникидзе, с северокавказской контрреволюцией.

Закрывая съезд, Орджоникидзе так охарактеризовал его:

— Чем отличается этот съезд от четвертого? Что вызывает такой колоссальный подъем, такие громовые аплодисменты, преподнесение букетов и т. д.? Это вызывается тем, что на этой стороне сидят трудовые казаки. Я верю также, что в Чечне вокруг товарища Шерипова, которого мы считаем коммунистом, создастся группа коммунистов. Среди ингушей есть коммунисты. И все эти бедняки — чеченцы, кабардинцы и т. д. — объединятся с русскими бедняками, казаками и вместе пойдут против Чермоева, Арсанова и против всех предателей...[2]

Слова Орджоникидзе оправдались. Очень скоро трудящимся Терека пришлось на деле доказать свою сплоченность, свою верность большевистской партии, советской власти, отстаивая свою свободу от нашествия Деникина.

5

Оторванная от центра, не получавшая ниоткуда ни боеприпасов, ни снаряжения, ни медикаментов, 11-я армия, более чем наполовину подкошенная тифом, медленно, с боями, отступала. 20 января 1919 года белые заняли Пятигорск. Армия начала отходить к Кизляру, в астраханские степи.

В начале февраля под Владикавказом шли кровопролитные бои. Терские коммунисты во главе с Орджоникидзе

---

[1] Архив Пятигорского истпарта.
[2] Там же.

отступили в горы Ингушетии. Отряд грозненских рабочих, пришедший на помощь Владикавказу, потерпел поражение и отступил в Грозный. 4 февраля был оставлен и Грозный.

Накануне отступления из Грозного Шерипов вместе с группой чеченской революционной молодежи вступил в ряды большевистской партии. Он сдержал свое слово, данное Орджоникидзе. Организовав чеченскую Красную Армию, подготовив в ее рядах много преданных советской власти революционеров, он в самый трудный момент вступил в партию. Руководитель горского трудового народа отныне навсегда связал свою жизнь с жизнью партии Ленина—Сталина, он сделал это не в момент ее победы, а в момент хотя и временного, но тяжелого ее поражения.

Отступив из Грозного, Шерипов с чеченской Красной Армией ушел в горы; бойцы вынуждены были скрываться в революционных аулах Гойты, Гехи и Алхан-Юрт. Командующий деникинскими частями на Кавказе генерал Шатилов приказал чеченцам выдать укрывавшихся у них красноармейцев. Чеченцы ответили возмущенным отказом.

Асланбек Шерипов в это время в глубоком тылу деникинской армии собирал силы для продолжения борьбы. В Алхан-Юрте вырос партизанский отряд в тысячу человек. Из Алхан-Юрта Асланбек сообщил в штаб партизанских отрядов Чечни:

«Я прибыл сегодня, говорил в организации, все прошло великолепно, меня встретили даже салютом. Важно то, что теперь я могу все-таки работать. Со мной прибыли горцы, прибудут еще. Общее настроение наступательное».

Деникинцы знали о партизанах Чечни. 17 марта 1919 года на Алхан-Юрт наступали крупные белые части — 13 тысяч штыков, 5 980 сабель и 30 артиллерийских орудий. Три белых генерала — Дроценко, Николаенко и Попов — командовали этими силами.

Целый день длился жестокий бой. Партизаны защищались упорно. В борьбе принимало участие все население аула — женщины, дети, старики. Все они поклялись умереть, но не отступить. Только поздней ночью, уничтожив почти весь отряд героических партизан Алхан-Юрта, деникинцы заняли и сожгли аул.

Еще упорнее защищались Гойты. Здесь было много грозненских рабочих и красноармейцев. Они возглавляли оборону. Сюда же приехал после боя под Алхан-Юртом и Шерипов. В момент, когда над революционным центром нависла угроза белогвардейского разгрома, Шерипов и один молодой грозненский рабочий создали в Гойтах кружок

молодежи из семи человек. Эта небольшая группа юных революционеров Чечни, руководя обороной аула, находила время для бесед о задачах трудовой молодежи, о расширении своего влияния на другие аулы. Она положила начало зарождению Ленинского комсомола Чечни и Ингушетии и сквозь годы борьбы с белогвардейщиной гордо и честно пронесла знамя революционной молодежи. После победы советской власти члены этой группы явились организаторами коммунистического союза молодежи в горах Северного Кавказа. А пока они храбро сражались с деникинцами, не пуская последних в глубь Чечни.

В долине перед аулом Гойты нашли свою бесславную смерть несколько тысяч деникинцев. После трехдневных боев враг должен был отказаться от мысли пробраться в горную Чечню силой оружия. Но у деникинцев были верные помощники — деятели Атагинского совета во главе с Чуликовым, председателем совета, и предателем чеченского народа генералом Алиевым, назначенным Деникиным правителем Чечни.

О том, до какой степени обнаглели деникинцы и зажиточные казаки, можно судить по следующему документу-ультиматуму, предъявленному ингушам и чеченцам Большим войсковым кругом казачьего войска:

«Взыскать все убытки, понесенные от ингушей и чеченцев жителями станиц от краж и грабежей за время с 1914 года.

Взыскать с ингушей и чеченцев за каждого ими убитого казака или казачку по 15 тысяч рублей за время с 9 июля 1914 года по 1919 год...

Поручить атаману принять все меры...»

Меры были приняты. Чеченские и ингушские аулы пылали, тысячи горцев остались без крова, тысячи погибли в жестокой борьбе. Вся Чечня поднялась против ненавистного ига белых генералов. В одном из донесений белых мы читаем:

«Из захваченных большевистских документов видно, что из чеченцев большевиками была сформирована Красная Армия. Всего из 18 селений района Алды, Ачхой-Мортан, Герменчук было собрано около 2 500 человек чеченцев-красноармейцев, добровольцев, несших службу пешими и конными. Наибольшее количество дало селение Гойты — 520 человек, составлявшие гойтинский отряд, наименьшее — Шатой».

Шатой — родина Шерипова — был центром партизанских отрядов, куда не могли проникнуть белые, и о нем у них не могло быть сведений.

В марте и апреле 1919 года шли упорные бои, но перевес был пока на стороне белых. Тогда Шерипов решил перейти к партизанским методам борьбы. Он принялся за перестройку своих отрядов.

Из Шатоя, где он жил в это время у матери, Шерипов руководил партизанскими отрядами всех аулов. Шатой находился в глубине Аргунского ущелья, на берегу бурной реки Аргун. За голову Асланбека деникинцы обещали огромные суммы, но Шерипов не боялся угроз. Целые дни вместе со своим любимым ординарцем-турком Ахмедом разъезжал он по аулам, а ночами обходил посты вокруг Шатоя. Мать Асланбека, боясь за жизнь своего сына, всячески старалась охранять его. Ночью у окна комнаты, где спал Асланбек, она ставила огромный медный таз — если кто полезет и будет стрелять, медь задержит пулю.

В свободное время Асланбек на площади тренировал себя и своего коня, прыгая через забор. Ловкость его вызывала удивление даже у опытных горцев-джигитов.

Вынужденное бездействие томило Асланбека. Он рвался в бой против деникинцев, против чеченских контрреволюционеров. Особенно он ненавидел Чуликова и Алиева. Их воззвания время от времени разбрасывал деникинский аэроплан, пролетавший над аулами. Однажды Шерипов написал этим предателям чеченского народа полное гнева и презрения письмо.

«Совершив свое черное дело измены и предательства, — писал Шерипов, — вы затем в воззваниях к народу обвиняли в поражении Чечни большевиков и их чеченских единомышленников. Наводнив всю страну шпионами, доносчиками, провокаторами и развращая народ, вы травили и после своей победы всех противников Добрармии. Вам показалось и этого недостаточно, и вы начали арестовывать и бросать в тюрьму всех чеченцев и благородных в Чечне, часто невиновных даже с вашей преступной точки зрения. Ненавидя народ, но и боясь его гнева, в оправдание своего преступного союза с казачеством и своего образа действий, вы призывали себе на помощь религию, шариат и все другие священные для народа лозунги, играя ими, как ловкий фокусник. Тут к вашим услугам были и наши продажные шейхи и муллы, для которых враг трудящихся Деникин давно заменил аллаха, а генерал Алиев — пророка его. Большевики не только Добрармией, но и религией объявлены вне закона; все, кто идет с ними, — враг божий и человеческий. Большевики — источник всех бед и зол, их надо остерегаться, как

чумы, — так говорили вы и то же повторяли муллы народу. Поставленные у власти не народным доверием, а силой казачьего кулака, объявленные муллами Атагинского совета носителями шариата, вы стремитесь давно знакомой системой устрашения и «бараньего рога» «покрыть, подчинить и навести порядок» в родной вам стране.

В этом стремлении вы забываете не только о правде, о порядочности и честности (сознаюсь, что наивно писать о таких элементах к вам), но и об осторожности...»

Летом 1919 года деникинские генералы пытались сломить сопротивление чеченского народа. Карательные экспедиции следуют одна за другой. Шерипов обратился к грозненским рабочим и трудовым казакам за помощью. Он выработал общий план борьбы и для подготовки его выполнения поехал в Грозный — прямо в пасть к врагу. Ему необходимо было связаться с подпольной большевистской организацией.

С опасностью для жизни Асланбек едет в Грозный и договаривается там о помощи.

В то время, когда Шерипов был в Грозном, отряд его, выйдя из Аргунского ущелья, занял расположенную у подножья гор крепость Воздвиженскую, в 25 километрах от Грозного. Это обеспокоило деникинцев. На Воздвиженскую были двинуты новые войска под командованием генерала Колесникова.

Вечером 10 сентября Асланбек, услышав об этом, поспешил выбраться из Грозного. Сейчас, когда не была еще проведена подготовка общего наступления, столкновение с белыми не входило в планы Асланбека. Частью этой подготовки была задача распропагандировать деникинских солдат. В кармане у него лежало воззвание к солдатам, одобренное Грозненским большевистским комитетом:

«Солдатам воздвиженского гарнизона.

Товарищи солдаты, опомнитесь! Контрреволюция Деникина и казаков ведет вас на борьбу с красными чеченцами и вашими братьями-красноармейцами. Вашей кровью враги революции хотят залить революцию и ее завоевания. На всех фронтах советские войска гонят казаков. В Англии и Италии разгорается пламя всемирной революции, и английские войска ушли из России и Кавказа. Остатки 11-й армии оправились и наступают в направлении на Червленную. В Грозном и других городах тайные организации советской власти подымут восстание. От имени советской власти обращаюсь к вам: перебейте своих офицеров и казаков и переходите к нам. Гарантируется безопасность и неприкосновенность всем

вам. Иначе под натиском красных чеченцев и красноармейцев погибнете и вы. Помните — в наступление не ходите; если будут наступать на Воздвиженку, перебейте офицеров и с белыми флагами идите к нам. Тогда получите прощение и наравне со своими братьями будете биться за советскую власть. Будьте на страже — скоро, на-днях, будем наступать...

Командующий чеченской Красной Армией
А. Шерипов».

Достав в соседнем с Воздвиженской селении коня, утром 11 сентября Асланбек помчался к месту уже начавшегося боя.

«Опоздал», думал он, пришпоривая коня...

Подъехав к своим, Асланбек немедленно принял на себя командование боем. В каменной башне был организован штаб отряда. Оттуда непрерывно мчались гонцы с боевыми приказами Шерипова.

Зная, что Асланбек пробудет в штабе очень недолго и, как только наступит момент решительного наступления, сам ринется в бой, друзья незаметно увели его лошадь. Так они поступали всегда, но почти всегда Асланбек, горячась и выходя из себя, находил свою лошадь или сажал кого-нибудь из бойцов и успевал быть впереди наступавших. Опоясанный лентами патронов, с маузером в руке, Асланбек выскочил из башни и потребовал коня.

— На нем уехал ваш гонец, — ответили ему.

Увидев скачущего мимо чеченца, Асланбек подбежал к нему, на ходу остановил лошадь, бросил короткое и гневное:

— Слезай!

Вскочив на коня, он крикнул:

— За мной!

Несколько десятков людей ринулось за ним в самую гущу боя.

Цепи казаков дрогнули и начали медленно отступать, скрываясь в зарослях кукурузы. Как волны моря, колыхались мохнатые кисти, да дымки выстрелов вспыхивали над зеленым волнующимся полем.

Горяча лошадь, мчался Асланбек. Рядом падали с коней люди, а он, не оглядываясь, на ходу стреляя из маузера, несся все ближе и ближе к полоске белых дымков. С ним уже почти никого не осталось из сопровождавших. Взлетев на холмик перед кукурузным полем, где засели казаки, он, поднявшись на стременах, громко крикнул:

— Сдавайтесь, сопротивление бесполезно!

В это время с левой стороны раздался залп. Асланбек

еще хотел что-то крикнуть, но вдруг покачнулся, судорожно схватился за луку седла. Маузер выпал из рук. Конь рванулся, но Асланбек уже не мог удержаться в седле.

При виде скачущего без всадника коня по рядам бойцов пронесся крик боли и гнева.

«Асланбек убит!» Эти слова поднимали людей и бросали их на врага с удесятеренной силой. Красные цепи поднялись и одним ударом выбили белоказаков с кукурузного поля. Было забрано в плен более ста человек белоказаков и много офицеров.

Бойцы окружили холм, где лежал раненый Асланбек. Один из них подошел к нему.

— Асланбек, будь крепок, ты поправишься, — сказал он и отвернулся.

Друзья подняли Асланбека и положили на тачанку.

— Оставьте меня, преследуйте их... Дайте воды, — еле слышно произнес он, и, тяжело опустив веки, замолк.

Медленно двигалась процессия по правому берегу Аргуна. Внизу билась о камни бурная река, над обнаженными головами людей тихо шумели ветви орешника, на суровых лицах сверкали слезинки.

Рядом с телом Асланбека, по чеченскому обычаю покрытого буркой, почетный старик вел коня командира.

В Шатой, где жили отец и мать Асланбека, был послан гонец с вестью, что их сын тяжело ранен. Отец выехал навстречу. Заметив вытянувшуюся на узкой дороге процессию, он слез с лошади и стал подходить к тачанке. Но когда он увидел тело сына, закрытое черной буркой, то понял все... Он выпрямился, резко повернулся и зашагал обратно к своему коню. Так до Шатоя ехал он впереди, не взглянув на своего сына, не желая слезой уронить честь своего рода.

В настежь открытые ворота первым въехал отец. Он спешился и простоял все время, пока во двор въезжала тачанка и входили люди. В боевом порядке, с красным знаменем, подошли грозненские рабочие. Несколько дней тому назад они вырвались из рук деникинцев и были приняты Асланбеком в его отряд.

Впервые в истории Чечни тело мусульманина, славного мюрида революции Асланбека Шерипова, несли русские люди, грозненские рабочие. Кто-то упрекнул в этом отца, но он остановился и, показывая на идущих рядом рабочих, раздельно, так, чтобы слышали все, произнес:

— Асланбек больше принадлежит им, чем нам, поэтому они имеют право его нести.

Возле Шатоя, в селении Гетем-Кале, на склоне покрытой лесом горы есть кладбище. С обрыва открывается живописный вид на горы. Здесь в детстве часто любил сидеть Асланбек.

Могила была уже вырыта. Последним подошел проститься старый грозненский рабочий-большевик, вместе с Асланбеком вынесший трудности стодневных боев, вместе с ним создававший партизанские отряды в тылу Деникина. Он поцеловал высокий лоб Асланбека, бросил в могилу горсть земли и, отвернувшись, отошел к обрыву.

На кладбище Гетем-Кале выросла высокая могила героя. Тысячи поднятых им и организованных в боевые отряды чеченцев доверили его дело. 17 марта 1920 года боевые отряды чеченской Красной Армии — шериповцы — вместе с грозненскими рабочими, вместе с регулярными частями 11-й Красной Армии, приведенными на Кавказ С. М. Кировым и Серго Орджоникидзе, выгнали деникинцев из Грозного. С того дня Чечня стала навсегда советской.

Чеченский народ под руководством великой партии Ленина — Сталина, вместе с другими народами Советского Союза построивший социализм, чтит память одного из лучших сынов большевистской партии. Талантливый организатор молодежи, неутомимый руководитель чеченской бедноты, в своих горячих и страстных речах умевший выражать чаяния всего чеченского народа, — таков был Асланбек Шерипов, отдавший все силы своего ума, всю свою молодую двадцатидвухлетнюю жизнь на служение своему народу.

ЮРИЙ ЯКОВЕНКО

САША ГОРОВИЦ

Саша Горовиц родился в 1897 году в Киеве. Когда ребенок подрос, отец отдал его учиться в коммерческое училище. Учился Саша хорошо. Любознательный, инициативный, настойчивый, он не мог ограничить свои интересы только рамками школы. Саша зорко всматривался в жизнь. От пытливого ума мальчика не могли ускользнуть резкие контрасты жизни большого города.

«Почему так?» задавал себе вопрос Саша и не находил ответа.

В старших классах Горовиц особенно полюбил экономические дисциплины. Но в лекциях ученых торгашей, преподавателей училища, он слышал слова оправдания капитализму — миру насилия и эксплоатации, знакомые слова, которые он встречал в книгах, слышал дома из уст отца.

Однажды Саша узнал от своего товарища под большим секретом, что группа его одноклассников иногда собирается вместе и читает интересные, волнующие книги. Это был политический кружок. Саша стал членом кружка. В его руки попали запрещенные брошюры, и юноша страстно вчитывался в еще не знакомые ему строчки, рассказывающие о классовой борьбе, о революционной роли пролетариата.

Перед Сашей открылся новый мир.

Саша ненавидит и презирает богатеев, и прежде всего своего отца. Шестнадцати лет он уходит из дому и отказывается от какой бы то ни было материальной помощи. Чтобы заработать кусок хлеба, Саша дает уроки неуспевающим ученикам. В квартиру бабушки, горячо любившей своего внука, он приходит лишь для того, чтобы переночевать.

Мать умоляет сына вернуться домой, но он непреклонен.

Началась империалистическая война. В 1915 году в связи с эвакуацией Киева, которому угрожала немецкая армия, Горовиц едет в Саратов и поступает там в университет. Он вступает в студенческую социал-демократическую группу большевиков и со всей энергией и страстностью уходит в революционную работу. Теперь в его «подпольной библиотечке» не только маленькие брошюрки. Саша уже достал «Капитал» Маркса, отдельные книги Ленина. На берегу Волги, в лесу, забравшись в укромное место, Горовиц усиленно изучает труды великих гениев человечества.

На заседаниях подпольного большевистского студенческого кружка он начинает выступать с теоретическими докладами. Скоро за Горовицем в студенческих большевистских кругах заслуженно закрепляется звание теоретика.

— Наш Саша большой марксист, — говорили о нем товарищи.

В 1916 году, скрываясь от преследования охранки, Горовиц снова переехал в Киев. Там он жил на нелегальном положении. За ним энергично охотились жандармские ищейки. Но он был неуловим. Не имея теперь постоянной квартиры, Саша жил по очереди то у одного, то у другого товарища. Преследования царских охранников не сломили волг

и энергии молодого революционера. Горовиц по-боевому работал в большевистском подполье, выступал с докладами на подпольных собраниях революционной студенческой молодежи.

Саша был не только пропагандист-агитатор, но и крепкий организатор. В тяжелых условиях подполья, в январе 1917 года, он организовал в Киеве сбор средств среди рабочих в пользу политических каторжан — большевиков — и переслал собранные деньги и теплую одежду в далекую сибирскую ссылку.

★

23 февраля 1917 года около трех часов дня в Киеве были получены по телеграфу сведения о событиях в Петрограде. Большевистская организация вышла из подполья. Ее представители появились на фабриках и заводах, на митингах. Среди них был юноша в поношенной студенческой тужурке— Саша Горовиц.

Киевская большевистская партийная организация энергично развертывала работу в массах.

Саша Горовиц избирается членом Печерского районного комитета большевиков и прикрепляется к партийной ячейке арсенала. На городской апрельской конференции большевиков он избирается членом городского комитета партии. Когда начинаются выборы в совет, рабочие посылают его своим депутатом. Саша успевает быть всюду. Он громит меньшевиков и эсеров, его голос, разящий врага, слышен на митингах, на собраниях рабочих и солдат.

Однажды на огромном митинге, где собралось больше тысячи солдат, Саша дал жестокий бой меньшевикам. Меньшевики с пеной у рта доказывали необходимость знаменитого «займа свободы» в целях продолжения империалистической войны «до победного конца».

Саша выступал несколько раз. Сначала ему не давали даже говорить, но уже в третий, четвертый раз его начали слушать внимательнее. Саша охрип. Группа товарищей, присутствовавших на митинге, решила помочь ему. В городской партийный комитет отправились гонцы:

— Давайте докладчиков. Сашу осаждают меньшевики на митинге. Он совершенно охрип.

Горком выделил докладчиков, и те помчались на митинг. Приехав, они застали такую картину.

Масса солдат в немой тишине слушала Горовица. Он читал резолюцию, резко критикующую «заем свободы» и требую-

щую прекращения империалистической войны. Под шумные крики солдат «правильно», «верно» поднялись сотни рук, приветствующих резолюцию.

Усталый, побледневший Горовиц сошел с трибуны победителем.

Семнадцатого марта 1917 года вышел первый номер киевской большевистской газеты «Голос социал-демократа». Саша энергично принялся за распространение газеты среди рабочих и солдат. В газете часто появлялись за подписью Роговица его обстоятельные теоретические статьи и заметки, где он разоблачал меньшевиков, эсеров, кадетов.

Июльские события находят отклик в Киеве. Поднимает голову обнаглевшая русская и украинская контрреволюция.

Большевистский комитет объявляет всех членов комитета мобилизованными и рассылает их на предприятия и в воинские части. Горовицу предложено с одним членом комитета — Женей Каплан — дежурить в помещении комитета.

В городе тревожно. По улицам шагают патрули юнкеров, офицеров.

Саша, не переставая, звонит по телефону, связывается с посланными на места товарищами, знакомится с настроениями на заводах, дает указания, командирует людей.

В коридоре послышались быстрые шаги, звон шпор. Казалось, целый взвод солдат ворвался в помещение.

Дверь комнаты с шумом открылась. На пороге — вооруженные люди. Впереди — офицер, за ним — юнкера. Саша, не поднимая головы, быстро снял трубку телефона и соединился с арсеналом.

Офицер подбежал к Горовицу и крикнул:

— Повесьте трубку!

Но было уже поздно. Саша успел передать:

— Разыщите немедленно Андрея Иванова и передайте ему, что комитет занят юнкерами.

— Да, занят, — грубо подтвердил офицер, — а вы арестованы.

— Вы не имеете права меня арестовывать: я — член Киевского совета рабочих депутатов.

Офицер усмехнулся и подал мандат:

— Вы арестованы по предписанию Киевского совета военных депутатов и исполнительного комитета объединенных общественных организаций.

— Распоряжению русских офицеров и киевских купцов и фабрикантов комитет большевиков не подчиняется, — резко сказал Горовиц.

— Как хотите, — оборвал его офицер, — а выходить отсюда вы не имеете права.—Двое юнкеров с винтовками стали у дверей комнаты.

— Ну, это еще посмотрим — кто кого! — И Саша с видом хозяина принялся запирать все шкафы и столы в комнате. Не прошло и получаса, как в коридорах раздался властный голос Иванова. Саша улыбнулся с довольным видом. Слышно было, как за дверью Иванов требовал пропустить его к арестованным.

Но юнкерский караул не соглашался на это.

Иванов ушел, бросив на ходу:

— Ладно. Посмотрим!

Саша сказал Жене Каплан, смеясь:

— Сейчас будет интересная история. Юнкера драпу дадут. Андрюша приведет красногвардейцев.

В коридоре снова послышался шум. Донеслась отрывистая военная команда. В комнату, запыхавшись, вбежал офицер и коротко бросил караулу:

— Сняться!

— Передайте привет вашим, — еле сдерживаясь от смеха, закричал им вслед Горовиц.

На фабриках и заводах Киева большевики еще более энергично стали формировать рабочие вооруженные отряды. Докладчик, агитатор, пропагандист, Саша превращался еще и в организатора красногвардейских отрядов.

Теперь часто его можно было видеть на предприятиях Подола. Скоро почти на всех заводах, фабриках, в мастерских района возникают группы красногвардейцев. Саша, как и остальные члены комитета, бьется над задачей, где достать оружие. Он связывается с отдельными воинскими частями и там через солдат-большевиков достает винтовки, патроны и снабжает ими Красную гвардию.

★

Сентябрь, октябрь 1917 года являлись месяцами дальнейшего обострения классовой борьбы в стране. Назревала великая историческая схватка труда с капиталом не на жизнь, а на смерть. Партия большевиков под руководством Ленина и Сталина готовила массы к вооруженному восстанию.

В Петроград съезжались делегаты II Всероссийского съезда советов. В числе делегатов от киевских рабочих выехал в Петроград и Саша Горовиц.

Он попал в город уже в дни горячих боев петроградского пролетариата с юнкерами, казаками и принял участие в этих исторических схватках. Прямо с баррикад, взволнованный, он вошел в зал Смольного института на заседание съезда. Первый раз в жизни он увидел великого Ленина, услышал его историческую речь о переходе всей власти к советам и вместе с сотнями других делегатов страстно аплодировал вождю.

В газетах Горовиц читал телеграммы из Киева о том, что рабочие арсенала и революционная часть солдат гарнизона восстали против Временного буржуазного правительства. Саша рвался в родной город, чтобы принять участие в боях. Но смог он выехать из Петрограда только 29 октября. Он ехал не с пустыми руками. В его чемодане были первые декреты советской власти.

Поезд пришел в Киев только 1 ноября рано утром.

В городе было тихо. На улицах виднелись петлюровские разъезды.

«Что бы это значило? А как же с восстанием?»

Саша решил не ехать в Печерск, а прямо к себе, на квартиру. Он сложил связки декретов, и, отобрав по нескольку экземпляров, пошел в арсенал. Там он встретил Андрея Иванова и еще некоторых членов комитета. Саша подробно расспрашивал о восстании и сам с увлечением рассказывал о днях, проведенных в Петрограде, о победоносном восстании питерских рабочих, о Ленине.

С жадностью читали товарищи привезенную литературу. В этот день Саша выступил на митинге рабочих-арсенальцев, рассказал о петроградских событиях и зачитал ленинские документы. Его речь часто прерывалась криками «ура» и восторженными аплодисментами.

Вести, привезенные в Киев Горовицем, еще более воодушевили рабочую массу.

★

После Октябрьской революции Саша Горовиц был избран членом Центрального исполнительного комитета советов Украины. Он работал в Харькове в областном экономическом совете.

Как только пришли первые вести о подготовке восстания киевских рабочих против Центральной рады, Саша заявил в краевом партийном комитете:

— Не могу больше сидеть над планами, цифрами. Пошлите в Киев.

— Еще не время. Нужно будет — пошлем.

Дня через два ему позвонили из Народного секретариата:

— Приехал представитель Киевского городского комитета большевиков с важными новостями. Приходите.

Саша торопливо оделся и пошел. В одной из комнат, в здании правительства, он застал группу ответственных работников, окруживших представителя киевских большевиков. Шла оживленная, горячая беседа. Товарищ рассказывал о зверствах, производимых радой над рабочими и крестьянами, о том, что гайдамаки ночью похитили председателя Военно-революционного комитета товарища Леонида и зверски его убили.

— Рабочие рвутся в бой, — говорил товарищ.

— Спешить нельзя. Петлюровцы вас нарочно провоцируют, — возразил один из собеседников. — Восстание надо подымать тогда, когда к городу подойдут наши советские войска. Надо к тому же подтянуть к Киеву из Жмеринки II гвардейский корпус; он пойдет за нами.

Саша внимательно слушал.

— Но восстание нужно готовить, — сказал он. — Нужно также срочно послать в Киев группу крепких товарищей на помощь киевской организации; людей, знающих военное дело, хороших организаторов.

С предложением Саши согласились.

Представитель Киевского комитета уехал, получив нужные указания, а вслед за ним была послана небольшая группа людей на подпольную работу.

Теперь уже Саша не мог спокойно сидеть в экономическом совете — все его мысли были там, в Киеве. «Может быть, уже начали? И я снова опоздаю, как в октябрьские дни».

Эта мысль преследовала его. Он снова пошел в краевой комитет партии:

— Прошу... требую послать в Киев.

Его просьба на этот раз была удовлетворена. Саша выехал в Киев.

Город представлял вооруженный лагерь. Было тревожно. Саша связался с Киевским городским комитетом, узнал подробно об обстановке, о планах подготовки к восстанию. Оно могло вспыхнуть сегодня, завтра, с часу на час. Горовиц получил задание направиться в арсенал. Там он созвал совещание партийной организации. Его доклад был короток и обстоятелен.

Саша рассказывал о боях, идущих под Полтавой между гайдамаками и красногвардейцами; о том, что в городах

и селах против ненавистных украинских националистов, готовящихся продать Украину немецким империалистам, подымаются рабочие и крестьяне; о том, что вооруженная схватка между рабочими и гайдамаками здесь, в Киеве, неизбежна. Нужно готовиться к восстанию тщательно, организованно, не упуская малейшей детали.

Выступавшие товарищи сообщили, что в подземных колодцах арсенала спрятано немало снарядов. Хуже обстоит дело с пулеметами: их всего три-четыре и столько же пулеметчиков.

— Ладно... Пойдем к волынцам, — сказал Саша. — Достанем и пулеметы и пулеметчиков.

Вечером он вместе с членом Киевского комитета Исааком Крейцбергом и группой арсенальцев пришел к волынцам. Это была воинская часть, которую усиленно обрабатывали петлюровские агитаторы с целью превратить ее в «запорожский курень».

В казармах было шумно, многолюдно. Шел митинг. Выступали представители Центральной рады, приглашавшие волынцев «стати до лав украиньского вийська». Слово взял Горовиц. Его здесь уже знали по прежним выступлениям.

— Они, — Саша показал на петлюровских агитаторов, — приглашают вас итти в свои войска. Для чего? Для того, чтобы защищать землю помещиков и кулаков. Вас зовут в войска Рады, чтобы громить советы. Еще свежа кровь рабочих, крестьян и солдат, расстрелянных гайдамацкими бандами здесь, в Киеве, и по всей Украине. Мы не забыли ночных налетов и разоружений красногвардейских отрядов, революционных солдат гарнизона и помним, как их, раздетых, разутых, штыками загоняли в телячьи вагоны и отправляли в глубь России. Вас натравливают на Москву — великую революционную Москву, братски протягивающую руку помощи украинскому народу, поднявшему знамя борьбы против украинской и русской буржуазии и помещиков. Вся Украина в огне восстаний... Под ногами Центральной рады горит почва...

Поздно ночью Саша Горовиц уходил от волынцев. За ним, грохоча по мостовой колесами пулеметов, шли двадцать солдат-пулеметчиков Волынского полка.

Теперь почти все дни Саша проводил в арсенале.

Четырнадцатого января 1918 года стало известно, что Центральная рада хочет вывезти с заводов уголь. Это взволновало рабочих. Было ясно, что, забрав уголь, Рада закроет заводы арсенала.

Пятнадцатого января утром Саша Горовиц созвал совещание большевиков завода.

Угля не давать — таково было решение совещания. Созвать сегодня на митинг рабочих, пригласить представителя Рады и передать ему решение. На совещании был избран ревком для руководства восстанием. Председателем его утвердили Сашу Горовица.

На митинге представитель Рады, украинский меньшевик Порш, пытался обмануть рабочих, заявляя, что уголь — для городской электростанции. Но представитель завкома большевик Березняк зачитал документ, присланный Радой в адрес дирекции арсенала, требующей передать уголь в распоряжение петлюровского командования бронепоездов. Порш был пойман с поличным и разоблачен.

Возмущению рабочих не было границ. Полномочный министр украинской «народной» республики едва спасся бегством. Было ясно, что сейчас надо ожидать налета гайдамаков на завод.

— Время начинать, — сказал Саша Горовиц.

Петлюровская охрана завода была разоружена. Окружив казачью часть, расположенную против арсенала, красногвардейцы сняли часовых и начали быстро переносить в цехи завода винтовки, патроны, пулеметы.

Из глубины заводских подземных колодцев поднимали артиллерийские снаряды; выбирая удобные места, устанавливали орудия — горные, скорострельные, трехдюймовые; на подоконниках здания управления завода появились пулеметы; на балконе развевался, вздрагивая от порывов ветра, красный флаг с надписью мелом: «Вся власть советам».

Сестры милосердия — жены рабочих, работницы военнообмундировочной мастерской — устроили медицинский и питательный пункты. Подводы везли арсенальцам хлеб, мясо, колбасу, крупу, папиросы, медикаменты. На железнодорожной линии, на стыке Александровской и Московской улиц, были устроены баррикады из вагонов, присланных Радой для погрузки угля.

Опоясывающие завод овраги приспосабливались под окопы. В тишине наступающей ночи слышался людской приглушенный говор. Лязг лопат и отрывистая команда, поданная коротко, по-военному, врывались в ночь...

Саша появлялся всюду: у окопов, в медицинском пункте, у пулеметчиков. Проверял, давал указания, расставляя силы.

На глазах у массы он вырастал в подлинного большевистского командира.

Поздним вечером была отбита атака петлюровского броневика. Тогда же арсенальцы захватили первые трофеи — две грузовые автомашины, посланные петлюровцами в Печерский район, и использовали эти машины для подвозки снарядов с огнескладов.

На рассвете арсенальцы с успехом отбили атаку петлюровской кавалерийской сотни. Кавалеристов встретили метким пулеметным огнем. Лошади вставали на дыбы, сбрасывали седоков; многие всадники попали под оборванные провода трамвайной линии и были убиты электрическим током. Оставшиеся казаки в панике ускакали к парку.

Восстание началось.

★

Вечером 16 января в здании Коммерческого института состоялось заседание Киевского совета, призывавшее рабочих к восстанию против Центральной рады.

Усталый Саша вместе с другими делегатами покидал заседание. Были отчетливо слышны артиллерийские выстрелы, доносившиеся с Печерска. Арсенальцы отвечали на обстрел петлюровской батареи.

Было морозно и ветренно. Саша пробрался на Подол, на заводы и фабрики.

— Ну, ребята, — говорил он молодым рабочим, — время итти на помощь арсеналу.

Поздно ночью он подошел к воротам арсенала, ведя за собой отряд рабочей молодежи в 120 человек.

— Подмогу привел, — говорил Саша, довольный и улыбающийся.

Восстание разрасталось, охватывало весь город. Примкнули рабочие Подольского, Демиевского, Шулявского, Железнодорожного районов. Началась забастовка, охватившая 36 профсоюзов. Трамваи остановились. В школах прекратились занятия.

Центральная рада мобилизовала свои силы для разгрома восставших. Но не все солдаты петлюровских частей откликнулись на призыв националистических политиканов. Под влиянием большевистской агитации отдельные части объявили нейтралитет, а иные группы солдат открыто перешли на сторону восставших. Ночью 18 января около сотни вооруженных солдат полка имени Сагайдачного прибыло в арсенал и заняло места рядом с красногвардейцами в окопах.

— Нужно бить врага не только пулей, но и словом, правдивым большевистским словом, даже теперь, когда гремят пушки, — говорил Саша.

Он посылает большевиков-арсенальцев в рабочие предместья, в частности на Слободку, сколотить отряды и защищать подступы к городу. Если подойдут с фронта петлюровские части — нападать на них с тыла. Он дает задание связаться с петлюровским полком имени Наливайко, стоящим в Броварах (20 километров от Киева), и добиться перехода его на нашу сторону или в крайнем случае — нейтралитета.

С каждым днем все усиливается напор петлюровцев, ожесточенней становится обстрел завода. Горят зажженные снарядами деревянные сараи, прилегающие к арсеналу. Зарево пожаров, поднимаясь огненными языками в темноте ночи, служит прекрасной мишенью для белых артиллеристов.

Во втором часу ночи 18 января пушечный снаряд попал в здание электростанции, и город погрузился во мрак. Стрельба еще больше усилилась. Поднимаясь перекатами, она заполнила улицы города, окраины. Огонь от орудийных выстрелов все чаще и чаще вспыхивал в темноте ночи...

На рассвете Саша предложил сделать вылазку к центру города и захватить петлюровскую комендатуру. Но гайдамаки предупредили арсенальцев: их цепи появились с восточной стороны завода и перешли в энергичное наступление. Петлюровская артиллерия открыла ураганный огонь по арсеналу. Шестидюймовые снаряды рвались на заводском дворе, откалывая от старых, массивных башен огромные куски кирпича и камня...

Атака петлюровцев была отбита, но артиллерийский обстрел завода все усиливался. Появилось много убитых и еще больше раненых. Красные сестры под огнем переносили раненых в приемный покой. Среди санитаров мелькала белая папаха Саши Горовица. Бережно неся раненого, он коротко говорил на ходу:

— Быстрее, быстрее убирайте раненых!

К полудню был организован второй приемный покой в здании управления завода, занявший несколько комнат. Прямо на полу расстилали шинели и клали на них раненых.

Восемнадцатое января было жарким и тяжелым днем. Красногвардейцы за восемь часов боя понесли большие потери, наиболее значительные с момента восстания. Но они стояли мужественные и решительные во главе со своим молодым руководителем, готовые к дальнейшим боям.

Саша передавал бойцам свежие вести, только что полученные от городского ревкома через женщин-связисток:

— Гайдамаки отступают из-под Бахмача, разбитые нашими войсками. К нам идет помощь. Надо продержаться недолго — дня два.

Зайдя в ревком, Горовиц увидел связистку Гончарову. Высокая, широкоплечая, она скорее была похожа на мужчину. Из-под платка выбивалась прядь волос, лицо горело. Видно было, что Варя сделала большой переход. Гончарова поднялась навстречу Горовицу.

— А!.. Варя пришла.

— Пришла, Саша. — Она положила на стол сверток. — Селедок тебе принесла, кушай.

Саша взял селедку, отломил кусочек черного хлеба и начал есть. Варя присела рядом и быстро, боясь, что он уйдет и она всего не доскажет, начала «докладывать»:

— Я только что с Подола пришла. Привела с собой группу артиллеристов. У вас тут нехватка. Еле пробрались... Кругом петлюровские заставы... Так мы парками, рвами, огородами.

— Артиллеристов привела — это хорошо. Очень хорошо, — сказал Саша и, немного подумав, продолжал: — А сейчас пойдешь в партийный комитет к Крейцбергу и передашь ему записку. — Бросив на стол недоеденную селедку, быстро набросал записку. — Только там поосторожнее ходи.

Варя ушла. В комнату вбежал взволнованный красногвардеец:

— Гайдамаки наступают от вала!

Горовиц выскочил из помещения. Слышалась ожесточенная трескотня пулеметов. Он пробежал вдоль каменной башни и скрылся за поворотом.

Было видно, как спрятавшиеся за валом петлюровцы делали перебежки. Саша приказал усилить огонь. Атака была отбита с большими для гайдамаков потерями. Но и арсенальский гарнизон потерял немало бойцов. Телами убитых был усеян весь заводский двор.

В ночь на 19 января снова разрывались снаряды над окопами, над башнями, где засели герои-повстанцы. Бронемашины Рады подползали к самому заводу и в упор вели обстрел. Украинский полк имени Богдана Хмельницкого, расположенный невдалеке от завода на Никольской улице, объявивший в начале восстания о своем нейтралитете, теперь открыл стрельбу по арсеналу.

— Надо их проучить, — сказал Горовиц ревкомовцам. — Завтра на рассвете сделаем вылазку к богдановцам, да и достанем у них что-нибудь: хлеба, патронов...

Утро выдалось светлое, ясное, морозное. Градусник показывал до восемнадцати градусов мороза. Около двухсот красногвардейцев и солдат, подкрепленных группой пулеметчиков, вышло с завода. Жарким пулеметным огнем обстреляли улицы, ближайшие дома и затем прямо через дворы и переулки ринулись в атаку на врага. Богдановцы не ожидали такого быстрого ответа на нарушение нейтралитета. Они растерялись и побежали назад, очистив казарму, которую занимали. Красногвардейцы забрали сухари, снаряжение, обувь, погрузили свои трофеи на подводы и увезли к себе на завод.

После этой удачной вылазки арсенальский гарнизон ободрился.

— Еще сделаем вылазку поглубже, в город, — говорил Саша. — Набьем им морду. А тут скоро и наши подоспеют.

Тем временем петлюровцы подтянули свежие силы и начали окружать арсенал. В осажденной крепости из всех продуктов остался только мерзлый картофель. Не было ваты, иода, бинтов. Трудно было достать воду. Все «улички» по заводскому двору, где можно было бы перебежать, были пристреляны врагом. Стоило лишь появиться кому-нибудь, как гайдамаки открывали ураганный огонь. Отдельные смельчаки уже сложили свои головы во время таких перебежек. Чтобы утолить жажду, бойцы глотали грязный снег. Санитарки ползком пробирались к бакам и оттуда по капле набирали воду, а то просто брали куски льда.

В полдень 19 января снова застучали пулеметы. Саша с группой ревкомовцев выбежал во двор и бросился к окопам. Вокруг свистели пули.

— Саша, осторожнее! Пригибайся! — говорил ему бежавший рядом командир.

— Ай! — крикнул Саша. Пуля разорвала рукав шинели и ранила в руку навылет.

— Иди в приемный покой, — сказал командир.

Но Саша, казалось, не слышал. Прижав руку к боку, он побежал дальше вдоль окопов. Наступавшие петлюровские цепи залегли, остановленные нашим огнем, потом начали отступать. Саша давал указания пулеметчикам. Когда стало ясно, что атака отбита и стрельба утихла, Горовиц пошел в приемный покой. Рана ныла, и казалось, что на руку как будто повесили тяжелую гирю. В приемном покое на него

пахнуло йодом, ксероформом, душным запахом испарений. Санитарки и врачи ухаживали за ранеными. Все были так заняты, что не слышали, как он вошел. У Саши закружилась голова, и он прислонился спиной к стене.

— Перевяжите, пожалуйста, руку.

Врач бросился к нему.

— Медикаментов нехватает? — спросил Саша.

— Да, совсем почти нет.

— Вот мы организуем вылазку в ближайшую аптеку, достанем медикаментов, — успокоил Саша. — Сегодня же сделаем это.

Рана оказалась довольно серьезной, и врач предложил Горовицу лечь.

Саша посмотрел на него удивленно и покинул приемный покой.

В темноте наступающей ночи он ходил по заводскому двору в серой солдатской шинели, с перевязанной рукой, в большой белой папахе и шутя говорил товарищам:

— В этой папахе я похож на гайдамака. Правда?

Он обходил окопы.

— Когда же наши придут? — спрашивали его красногвардейцы.

— Продержимся еще немного. Наши, вероятно, уже подходят к Дарнице. Скоро, скоро будем встречать.

Пробравшиеся в арсенал под видом пленных петлюровские шпионы распускали провокационные слухи, стремясь вызвать в среде осажденных уныние и тревогу.

Но провокаторы не могли сломить мужественный дух восставших. Этот дух поддерживала партийная организация. Большевики стояли у пулеметов, у орудий, они были в гуще бойцов и своим личным примером, своей кровью скрепляли воедино весь арсенальский гарнизон.

Ночью в ревком явились представители полка имени Богдана Хмельницкого и предложили заключить мир. Саша Горовиц ответил парламентерам:

— Мы будем вести борьбу до тех пор, пока власть не перейдет в руки советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, и предлагаем вам сдать оружие.

С пятью патронами на бойца, со считанным количеством снарядов, без медикаментов, голодные и усталые, арсенальцы гордо предлагали петлюровцам сдаться. Об этом ответе героических бойцов растерянно сообщила киевскому населению Центральная рада в своем специальном бюллетене от 20 января за № 2.

— Сделать еще одну вылазку, — говорил Саша на заседании ревкома. — Надо захватить Печерскую районную почту и телеграф, укрепиться в этом пункте и установить связь с другими районами восставших. Потом большой группой, может быть, и всем гарнизоном пробиться к оружейному складу. Достать боевые припасы, укрепиться там и отбиваться до прихода наших.

Ночью из ворот арсенала вышла разведка. С боем она заняла почту. Но петлюровцы подтягивают большие силы, и разведка оставляет восемнадцать трупов у почты. Лишь небольшая часть — семь человек — возвращается обратно на завод.

Снова собирает Саша ревком. В небольшой комнате, освещенной тусклым светом керосиновой лампы, собрались члены ревкома. Саша за эти два дня от бессонницы, от раны, голодовки еще больше исхудал. Его полные губы резко выдаются на побледневшем лице, но голос такой же ровный и спокойный.

— Наши войска, идущие из Харькова, задержались. Они должны быть скоро. К нам на помощь идут рабочие Донбасса, Харькова. Ленин шлет отряды матросов Балтийского флота. На заводе, вы знаете, патронов почти нет, хлеба нет, раненых перевязывать нечем. Что делается сегодня в городе — мы не знаем. Шпионы — петлюровские офицеры, пробирающиеся к нам под видом пленных, — пытаются отравить мозги бойцов лживой провокационной информацией. Я сегодня ночью видел их каинову работу. Правда, к чести нашей эта агитация успеха не имеет. Шпионскую мразь надо уничтожать беспощадно.

Он оглядел слушателей и продолжал:

— Я решил пробраться на Подол и подбросить заводу живую силу, патроны, хлеб. Разорвать этот каменный мешок... А потом, может быть, пойду через Днепр в Дарницу и потороплю наши войска.

В комнате стало оживленней, заговорили все сразу.

— Тише, — сказал Саша, — давайте по порядку.

— Трудно будет пробиться тебе на Подол, а еще тяжелее через Днепр, на Дарницу. Тебя сразу опознают петлюровцы... Тяжело будет тебе итти, да еще с раненой рукой, — говорили члены ревкома.

Саша долго убеждал товарищей, что для спасения осажденного гарнизона итти ему обязательно надо...

...Темная ночь нависла над городом, редкие выстрелы щелкали в воздухе, когда Саша вышел из завода. Он шел крадучись, то и дело прислушивался. Где-то в стороне по-

слышались грубые голоса. Говорили по-украински. Он остановился—не идут ли гайдамаки? Разговор оборвался. Саша пошел дальше. Он спустился по крутым откосам к Днепру. В предрассветной мгле он ясно различил высокую вышку водокачки, вдали темной полосой виднелся заднепровский лес.

«Если не проберусь на Подол, то тогда прямо пойду через Днепр к нашим войскам», подумал юноша.

Он пошел вдоль реки. У самого берега виднелась черная полоска воды. Лед в отдельных местах отошел от берега.

Впереди послышался цокот лошадиных копыт. Саша остановился в нерешительности. Спрятаться, но куда?.. Прыгать на лед?.. Но с раненой рукой не сделаешь широкого прыжка и упадешь в воду. Подскакал кавалерийский разъезд:

— Стой!..

Конные гайдамаки окружили Горовица. Они сразу же узнали большевистского комиссара. Короткий допрос, несколько ругательств — и один из петлюровцев ударил Сашу по голове саблей. Он упал. Его докололи штыками.

Разъезд скрылся так же быстро, как и появился.

Было тихо. На снегу темнел труп Горовица. Мелкие снежинки падали на молодое, еще безусое лицо.

Лишь двадцать первую весну думал встретить Саша.

Через несколько дней красные войска входили в город. Банды Петлюры в беспорядке отступали по Брест-Литовскому шоссе на Житомир. Красные кавалерийские разъезды на пустынной набережной увидели обезображенный труп Горовица. Они бережно положили его на повозку и повезли по городу, как знамя, как призыв к мести, к дальнейшим боям с врагами украинского народа. И, мертвый, он звал к борьбе.

Сашу Горовица с любовью вспоминают трудящиеся Советского Союза как славного сына большевистской партии, одного из первых строителей советской власти на Украине.

Б. ГОРСКИЙ

ГЕОРГИЙ ЦАГОЛОВ

Февраль семнадцатого года застал Георгия Цаголова в Москве. За год до революции он приехал сюда из Владикавказа и поступил в Московский университет.

Еще будучи гимназистом Пятигорской, а затем Владикавказской гимназии, он участвовал в организа-

Георгий Цаголов

ции революционных ученических кружков. В его комнате, на стенах которой висели портреты Маркса, Энгельса, Лассаля и Горького, часто происходили страстные и оживленные беседы. Он проводил ночи за чтением книг. Добрая мать не раз поднималась с постели, заглядывала украдкой в комнату и ласково спрашивала:

— Ты еще не спишь? Ложись, милый.

— Иди, мама, не беспокойся, я сейчас лягу.

Утром Георгий любил поделиться с матерью о прочитанном; рассказывал о будущей жизни, когда не будет насилия человека над человеком. Он говорил о Ленине, вожде большевизма, о славных героях — Халтурине, Желябове, Александре Ульянове, о героях Парижской коммуны, которые дрались за лучшую жизнь.

По приезде в Москву Цаголов сразу же устанавливает связь с революционными организациями. Домой и к товарищам он шлет письма, в которых с восторгом пишет о надвигающейся революции.

В февральские дни Георгий участвует во взятии манежа. Склоняет еще колеблющихся солдат перейти на сторону

революции. Уже здесь он обнаруживает качества блестящего оратора. В апреле он приезжает во Владикавказ совершенно зрелым большевиком.

Во Владикавказе Георгий немедленно связывается с большевистской организацией и лично с товарищем Кировым. Сергей Миронович в молодом студенте видит преданного делу революции человека, с большой теоретической подготовкой и с выдающимися способностями. Почти с первых же дней Цаголов по заданиям Кирова проводит собрания и митинги на Алагирском заводе и в железнодорожных мастерских. Он быстро приобретает всеобщую любовь рабочих.

Меньшевики и эсеры чувствуют в нем серьезного противника.

Под влиянием агитации молодого большевика наиболее активные рабочие вступают в партию. Через короткое время о Георгии, как об «опасном студенте», говорят не только во Владикавказе, но и во всей Терской области. На собрания, где появляется Цаголов, меньшевики присылают своих наиболее сильных ораторов.

Вот что пишет в своих воспоминаниях одна из участниц революции на Кавказе:

«В апреле из Москвы приехал большевик Цаголов Георгий... Цаголов был брошен исключительно для обслуживания Железнодорожного района. Скоро приехал и Ильин (тоже убит в 1919 г.), и оба эти студента — светлые головы, чудесные товарищи — начали завоевывать окончательно железнодорожные мастерские. Первый дебют Цаголова испугал владикавказских меньшевиков. Приехавший москвич — прекрасный оратор — он был опасен для соглашателей. Нового большевика слушали с большой охотой».

Шла подготовка к первомайской демонстрации. Георгий Цаголов писал лозунги-листовки. Несмотря на холод и слякоть, первомайский праздник вышел исключительно торжественным. В газетах были напечатаны выдержки из речей Ленина. Происходили оживленные собрания. Вечером заседал комитет, где выступал Цаголов. Меньшевик Мамулянц, выступивший против него, потерпел полнейшее поражение.

Владикавказский совет был в то время наводнен меньшевиками и эсерами. Киров совместно с Цаголовым организует перевыборы.

Одним из первых проходит Георгий во Владикавказский совет депутатом от местных рабочих, а вскоре избирается и членом Терского областного народного совета.

Группа владикавказских большевиков во главе с Кировым

и фракцией РСДРП, куда входили Киров, Буачидзе, Георгий Цаголов, отдавала все свои силы работе в массах. Буквально каждый день, а иногда и по нескольку раз в день Киров, Буачидзе, Цаголов и другие большевики выступали на митингах и собраниях.

Объединившаяся контрреволюция настойчиво распространяла среди горцев слухи о том, что большевики — «шайтаны», они-де уничтожают мечети, отнимают жен и детей, вооружают казаков против горцев.

По заданию Сергея Мироновича Цаголов проводит собрания в рабочих районах города, где вскрывает контрреволюционную сущность этой провокации. Он едет в осетинские села. Под влиянием агитации молодого большевика сотни трудящихся горцев переходят на сторону революции.

В это же время Георгий входит в Терский областной продовольственный комитет как представитель большевистской фракции. Меньшевики старались сорвать работу продовольственного комитета. Цаголов до последнего момента разоблачал их предательскую тактику, ведя с ними ожесточенную борьбу.

В 1917 году в Осетии организуется революционная партия «Кермен». Эта организация — правда, без четкой программы, с рядом националистических предрассудков и ошибок — все же пользовалась большим влиянием среди крестьянской бедноты. «Кермен» получала задания непосредственно от Сергея Мироновича.

В мае 1918 года «керменисты», выбросив из своих рядов небольшую националистическую группку, влились в коммунистическую партию и составили осетинскую окружную коммунистическую организацию. Руководителями ее были большевики Георгий Цаголов, Андрей Гостиев, Колка Кесоев, Дебола Гибизов и др.

В статье «На берегах Терека», опубликованной в газете «Правда» 2 июля 1918 года, С. М. Киров писал:

«Глубокая дифференциация в деревне Осетии широко содействует классовой борьбе и усвоению деревенской беднотой лозунгов революции. Оба эти главных условия привели к тому, что почти в начале революции в Осетии возникла политическая партия «Кермен», названием для которой послужило имя легендарного осетинского героя, всю жизнь боровшегося со своими помещиками. Программа этой партии в общем ни в чем не расходилась с программой большевиков. Влияние партии «Кермен» огромно. Едва ли можно найти селение, где бы не было членов ее. В последнее время партия «Кермен» решительно вступила на борьбу с поме-

щиками и кулаками, которые прогонялись керменистами со своих земель вооруженной силой».

Руководство выборами в Учредительное собрание в Осетии большевистская организация возложила на Георгия Цаголова. Он создал группу агитаторов. Он сам объехал почти всю Осетию, агитируя за большевистский список. Выборы в Учредительное собрание еще раз показали популярность и авторитет коммунистической партии среди трудящихся горцев.

В декабре владикавказские большевики делегируют Георгия на краевой Кавказский съезд в Тифлис. Руководил съездом Степан Шаумян. Цаголов сделал сообщение о положении в Терской области. На съезде стоял вопрос о ликвидации турецкого фронта. По предложению товарища Шаумяна съезд возложил эту задачу на Цаголова. Шаумян увидел в Георгии талантливого и выдержанного большевика.

Цаголов немедленно направился в Турцию, в Саракамыш. С первых же дней своего пребывания на фронте он ведет напряженную работу, сколачивает большевистское ядро, завоевывает любовь солдат и становится председателем Революционного военного совета. Под руководством Георгия на турецком фронте все больше усиливается большевистское влияние на массы. Поняв действительный смысл происходящих событий, измученные солдаты-фронтовики радостно встретили призыв к прекращению империалистической войны.

Выполнив основное задание партии по разложению и большевизации фронта, Георгий вернулся обратно в Баку.

Дружба между Степаном Шаумяном и Георгием стала еще более крепкой. Молодой большевик восхищался вождем бакинского пролетариата, его мудрым разрешением сложных политических задач. Каждая новая встреча с Шаумяном обогащала Георгия. В это время в Гандже вспыхнуло контрреволюционное восстание, которым руководили татарские князья, опиравшиеся на национальную буржуазию и мусульманское духовенство. Для подавления ганджинского восстания Шаумян направил Георгия Цаголова. Контрреволюционеры оказали упорное сопротивление большевистским отрядам. Положение создалось чрезвычайно тяжелое. Нужно было решить сложную военную задачу: разбить противника, по возможности избегнув кровопролития. Подошедший к Гандже поезд, где находился отряд, был встречен ураганным пулеметным и артиллерийским огнем. Среди красноармейцев началось замешательство. Тогда Цаголов с маузером в руке выскочил из поезда и повел свой отряд

в наступление на мятежников. Воодушевленные героизмом и бесстрашием молодого командира, бойцы высыпали из вагонов и с криком «ура» бросились в атаку. Натиск был настолько неудержим, что противник обратился в беспорядочное бегство. Восстание в Гандже было подавлено.

Не раз Степан Шаумян, с отцовской нежностью глядя на энергичного, бесстрашного юношу, повторял:

— Это настоящий большевик.

Напряженная работа подтачивала молодой организм. Георгий сильно похудел, осунулся. Не раз Шаумян предлагал Георгию уехать на Кавказ, где жили его родители, но Георгий отвечал:

— Сейчас не время болеть. Революция требует работы от каждого большевика.

Товарищи, по секрету от Георгия, привели к нему врачей. У него оказался двусторонний плеврит с признаками воспаления легких. Однако никакие уговоры не действовали, он отказывался прервать работу. Тогда Шаумян, чтобы спасти юношу, предпринимает следующее.

Продолжалась эвакуация войск с турецкого фронта. Георгий был назначен командиром бронепоезда. Во главе эшелонов весной 1918 года он выехал по направлению Минеральных вод.

Перед отъездом Георгия Шаумян, прощаясь, в знак любви и особой дружбы вручил ему свою собственную винтовку. С ней Цаголов и отправился для выполнения задания чрезвычайного комиссара Кавказа.

В это время в Пятигорске состоялась вторая сессия Терского областного совета, на которой присутствовал товарищ Киров. Съезд уже заканчивался, когда прибыл бронепоезд, на котором находился Георгий Цаголов. Он сообщил Сергею Мироновичу о положении в Закавказье, рассказал ему о работе бакинских товарищей. Несколько часов продолжалась эта беседа.

По предложению большевистской фракции съезд принял решение о переезде во Владикавказ — центр Терской области — и организации правительства Терской области. Фракция большевиков во главе с Кировым поручает Георгию выехать на своем бронепоезде во Владикавказ для подготовки этого переезда. 8 марта съезд, торжественно встреченный массой рабочих и трудящихся, переехал во Владикавказ [1].

[1] По прибытии съезда контрреволюционное офицерство устроило провокационную стрельбу, однако реального сопротивления съезду оказать не решилось.

В это время силы у Георгия окончательно иссякли, и он вынужден был слечь в постель. Но даже больной, он день и ночь работает по укреплению партии «Кермен». 10 апреля центральный комитет партии «Кермен» по заданию Георгия проводит народную демонстрацию в связи с признанием Терским областным съездом советской власти. Впоследствии Георгий писал:

«После этой демонстрации все сельское кулачье... все кадетско-меньшевистские, право-эсеровские элементы почувствовали, что народ отстоит завоевания Октябрьской революции, и день 10 апреля для них явился последним похоронным колокольным звоном».

Семнадцатого апреля в газете «Народная власть» он помещает статью, в которой пишет:

«Отечественная буржуазия, потеряв под ногами почву в Центральной России, устремила все свои взоры на казаков и горские народы. Для этого и был организован Юго-восточный союз. Здесь буржуазия думала найти оплот своей борьбы с советской властью. Она глубоко верила, что классовое сознание у этих народов не проснется. За двенадцать месяцев революционной классовой борьбы в нашей области только и можно было слышать звериные выкрики зубров Корнилова, Капланова и К°: «Казачество истари вольное», «Горцы — по природе демократы». Этими истерическими выкриками подобная сволочь думала загладить пропасть, которая существует между ними и народом...

Горские контрреволюционеры, чтобы спасти свое дело, задумали под флагом мусульманства утвердить свою власть. Разные аферисты и авантюристы, вроде шейха Узун-Хаджи, Нажмудина Гоцинского, Капланова и других, уже поднимают знамя межнациональной борьбы. Но это черное дело заранее обречено на неудачу. Пусть они знают, что нет в мире силы, которая хоть на минуту задержала бы развитие классового сознания трудового горского народа».

★

Вплоть до осени Цаголов осуществлял повседневное руководство революционными силами Осетии. В августе партия «Кермен» и ее центральный комитет переехали в селение Христиановское. Формировались отряды Красной Армии. Цаголов был избран председателем Реввоенсовета Осетии.

В это время в Большой Кабарде появились банды ротмистра Серебрякова. Против них во главе отрядов красных партизан трижды выступал Георгий Цаголов.

В январе белые заняли Пятигорск. Уже вплотную подошли к Владикавказу банды Шкуро, начались ожесточенные бои. Орджоникидзе — чрезвычайный комиссар юга России — выехал в Ингушетию для организации ингушских отрядов, чтобы оказать помощь Владикавказу. Все руководство военными действиями перешло в руки Цаголова. Он беспрерывно поддерживал связь с Серго, штаб которого был перенесен в Ингушетию, в Базоркино.

Георгий принимал личное участие в боях и воодушевлял бойцов, показывая им пример храбрости, бесстрашия и отваги. Положение было очень тяжелое, но у Георгия ни на минуту не пропадала уверенность в конечной победе.

Силы противника в несколько раз превосходили силы большевистских отрядов. Терек был отрезан от Советской России. Из Москвы нельзя было ждать помощи. Пришлось с боями отступать.

Владикавказ и ингушские селения Долаково, Кантышево и Базоркино были заняты деникинцами. Часть красноармейцев и ингушские отряды во главе с Орджоникидзе отступили в горы Ингушетии вместе с Терским совнаркомом. Другая часть красных войск ушла по Военно-грузинской дороге в Тифлис.

Отступив последним с группой товарищей, Георгий перешел в нагорную Осетию. Здесь они попали в руки осетинских белобандитов. Их ограбили, раздели донага и стали пытать. Бандиты держали пойманных в пещере, в одном нижнем белье при пятнадцатиградусном морозе. В результате тяжелых лишений Цаголов заболел сыпным тифом и плевритом. Товарищи, бывшие с Георгием, видя, что он опасно болен, наняли трех осетин, и те привезли его на свои кутаны (пастбища) недалеко от аула Гизель, на берег реки Фиагдон. Было сообщено в Христиановское отцу Георгия о его положении. За Цаголовым немедленно выехали товарищи. Они застали Георгия без сознания. Он не подавал признаков жизни.

Цаголов пришел в сознание только в дороге, когда уже приближались к Христиановскому. Здесь, лежа в постели, под присмотром родителей он быстро стал поправляться. Никто, за исключением немногих коммунистов, не знал, что Георгий находится в доме своего отца. По Осетии распространился слух о том, что он погиб в горах.

Селение Христиановское являлось революционным штабом Осетии. Контрреволюция во что бы то ни стало решила разгромить этот штаб.

В статье «Деникин на Кавказе», опубликованной в «Правде» в 1919 году, товарищ Киров следующим образом описывает эти события:

«Деникинские отряды были направлены в Осетию в поисках «керменистов» (партия большевиков в Осетии). Наибольшим влиянием керменисты пользовались в селении Христиановском (Терской области). Естественно, что гнев деникинских бандитов обрушился главным образом на это селение. Деникинцы окружили селение Христиановское и предъявили требования — в трехчасовой срок выдать один миллион пудов хлеба, 500 лошадей с седлами, 500 бурок, пять тысяч винтовок и два миллиона патронов. Кроме того, жители от двадцати до тридцати лет должны мобилизоваться, а главное, выдать четыреста керменистов.

Генерал Вадбольский, руководивший бандитами, заявил, что если указанные требования не будут выполнены, то он имеет приказ от генерала Деникина «снести село Христиановское и не оставить камня на камне».

Часть керменистов прорвалась сквозь цепь в горы и в Ардонский лес. Село подверглось обстрелу орудиями. Всех жителей вывели из села в поле. Селение грабили, увозили последний скарб, уводили коней. На домах керменистов ставили черные кресты с буквой «К». Все эти дома подлежали уничтожению. Затем выдумали еще один способ. Дома керменистов были объявлены к продаже с аукциона, причем преимущественное право было предоставлено семьям керменистов. Так они хотели выудить у них последние гроши.

В селении нашлись предатели. С их помощью белобандитам удалось составить список керменистов в триста человек. Первым в списке был председатель партии «Кермен» Георгий Цаголов. За голову Цаголова была объявлена награда. Местное кулачье стало рыскать по селу, выспрашивать о местонахождении Цаголова. Видя, что жизни Георгия угрожает серьезная опасность, центральный комитет партии «Кермен» решил незаметно вывезти его из села.

Цаголова перевели в дом одного студента, который должен был вывезти его. Однако студент не только не вывез Цаголова, но даже не сумел сохранить в тайне его пребывание у себя. Цаголов остался в селении, куда ворвалась волчья сотня Вадбольского.

Большевики знали, что отец Георгия целиком предан революции, хотя формально и не состоял в партии. На него была возложена миссия — возглавить делегацию от села к Вадбольскому. Неприкосновенность делегации была на-

рушена. Отец Георгия был арестован. Над ним издевались, угрожали смертью. Твердость и мужество не покинули его до последней минуты. Воспользовавшись замешательством среди белых, он спасся бегством.

29 апреля отряд Вадбольского вошел в село. Кто-то из знавших местопребывание Георгия предал его. Казаки обстреляли крышу сарая, где находился Георгий. Ни одна пуля не попала в него. Он предложил прекратить огонь и сам сошел вниз. Взглянув на озверевших казаков, он сказал им:

— Вы ослеплены мироедами-капиталистами, помещиками и вашими офицерами-белопогонниками, живущими на ваш счет и старающимися вновь поработить вас...

Но ему не дали говорить — по команде офицера казаки бросились на Георгия. Последние его слова были:

— На моей крови и на крови других товарищей-борцов будет создано коммунистическое общество.

По поводу его смерти Сергей Миронович писал впоследствии:

«Нашли председателя ЦК партии «Кермен» Георгия Цаголова, который был весь исколот штыками: у него было 18 штыковых ран. Помимо этого он был так разбит, что с трудом можно было в трупе узнать человека. Так трагически погиб молодой борец за идеалы горской бедноты от руки черных убийц».

Цаголову было всего около двадцати двух лет.

Свободный осетинский народ глубоко чтит память Георгия Цаголова.

М. ПОПОВА

С ЧАПАЕВЫМ

В начале империалистической войны я поступила чернорабочей на самарский трубочный завод. В 1916 году работала в мастерской, где вели революционную работу товарищи Куйбышев и Шверник. В этом же году всех женщин, в том числе и меня, уволили с завода. Наши места заняли инвалиды с фронта.

Февральская революция застала меня санитаркой в больнице. Здесь я вступила в союз земских служащих, познако-

милась с большевиками и с этого времени крепко связалась с ними.

Когда началась запись в Красную гвардию, я тоже решила пойти защищать революцию. Меня долго не хотели принять в отряд, но все же я настояла на своем.

Вскоре под Оренбургом образовался фронт против белоказацких банд Дутова. Наш небольшой отряд был направлен туда.

В боях с Дутовым я сильно обморозилась и была отправлена в Самару.

★

Самарский госпиталь. В палате тихо.

Больничная сиделка Настя внесла завтрак. Есть мне не хотелось. Попросила Настю сходить в кладовую за одеждой.

Сердце радостно колотилось. Хотелось поскорей видеть товарищей, расспросить их обо всем, в первую очередь о Ленине.

Настя торопливо вошла в палату и, оглядываясь по сторонам, тихо сказала:

— Идите, одевайтесь. Красноармейцы приехали во двор. Митинг сейчас будет.

Весенний ветер опьянил меня. Подгибались колени. Превозмогла слабость и пошла навстречу грузовику, наполненному вооруженными людьми.

Машина остановилась посреди двора. Ее обступили выздоравливающие бойцы, врачи, санитары.

На площадке грузовика стояло десятка два вооруженных рабочих. Среди них — матросы, обвешанные бомбами, и две сестры с красными крестами на белых головных повязках.

Загорелый матрос, опоясанный пулеметной лентой, поднял руку.

— Товарищи! — сказал он. — Капиталистические акулы готовят гибель советской власти. На Украине зверствуют немцы. В Поволжье поднялись чехи. Мы будем защищать свою власть. От вас мы хотим, товарищи, медицинской помощи. Нам нужны люди, которые могли бы перевязать раны бойцам.

Госпитальный врач меньшевик Абрамович съежился и незаметно исчез. Меньшевистски настроенные фельдшера также демонстративно отошли от толпы.

Я вскочила на подножку машины:

— Товарищи! Я еду на фронт.

Мария Попова

— Матросы дали мне повязку и передник с красным крестом. Я взобралась на грузовик и, как настоящая сестра милосердия, повесила через плечо сумку с медикаментами. Следом потянулись выздоравливающие и младший медицинский персонал. Вокруг матроса образовалась очередь. На клочке серой бумаги огрызком карандаша он стал записывать добровольцев.

★

У вокзала грузовик остановился. Высокий худощавый латыш дал распоряжение погрузить в вагоны консервы, хлеб и махорку. Товарищи взялись за погрузку, а мне пришлось ехать в аптеку Позерна реквизировать перевязочный материал.

По дороге из аптеки заехала в партийный комитет. В маленькой комнате клуба товарищи рвали марлю, скатывали бинты, укладывали в сумочки — готовились на фронт.

Захватив гору бинтов, мы с санитаркой Варей поспешили на вокзал. У подъезда нас встретил секретарь губкома Франц Венцек. Он расспросил, кто мы, куда едем и не стру-

сим ли мы на фронте. Пожал нам руки, усадил в свою машину и обещал приехать позднее провожать отряд.

Погрузка кончилась. Всюду шум, говор, шутки. На вагоне белеют надписи:

«Здесь едут коммунисты».

Вдруг кто-то крикнул:

— Тише, товарищи!

По перрону прошли член ревкома товарищ Куйбышев и Венцек. Из ящиков соорудили нечто вроде трибуны. На нее поднялись Куйбышев и Венцек.

— Товарищи! Чехи крадутся к Самаре...

Короткая страстная речь Куйбышева взволновала бойцов. Дрожь пробегала по телу. Каждый крепко сжимал винтовку. Товарищ Куйбышев кончил речь призывом к самарским отрядам задержать врага, дать возможность укрепиться городу.

Осталась минута до отхода поезда. Последнее прощальное слово уже не слышно — вокруг гремит «ура».

Поезд тронулся. Заиграла гармоника, грянули частушки:

Прощай, Струковский садочек,
Золотистый-золотой!
И Самара — городочек...
Ты в окопы — я с тобой.

★

В это же утро отряд получил первое боевое крещение и отбил наступление противника. К вечеру чехи усилили натиск.

Самарская организация бросила все силы на помощь нашему малочисленному отряду.

Враг в несколько раз превосходил нас численностью. Мы не выдержали и с боем стали отступать. Впереди пустили обоз, но путь отступления оказался отрезанным. Противник вплотную прижал нас к реке Татьянке. Начался артиллерийский обстрел. Гибель казалась неизбежной.

Мы с Варей в это время были около повозок, где лежали раненые. Отпрягая лошадей, люди вплавь пытались спастись от неизбежного плена. Варя тоже бросилась в реку. Она хотела переплыть на остров, куда поплыли наши товарищи, но бурлящая река мгновенно ее закрутила. Некоторое время она черным клубочком крутилась в пенистых волнах и затем пропала.

Переплыли реку лишь немногие.

Стрельба затихала. Чехи, считая, что обоз уничтожен, прекратили обстрел.

Потрясенные гибелью товарищей, молча вышли мы на дорогу и пошли цепью. Лошади медленно тащили повозки с ранеными.

Поздней ночью мы достигли окраины Самары. Враг где-то правее готовился к атаке на город. Весть о судьбе нашего отряда дошла до самарских рабочих. Все они, начиная от стариков до подростков, вооружились и вышли на защиту города. Женщины и дети помогали рыть окопы. Несколько дней бросались чехи в атаку, но каждый раз терпели поражение.

К чехам прибыло подкрепление. На рассвете они открыли бешеную канонаду. Неприятельские броневики вплотную подошли к окопам и в упор расстреливали пулеметчиков. Наши пулеметчики все были перебиты, но рабочие Самары держались. Мне приказали сесть за пулемет. С этого момента я стала пулеметчицей.

На рассвете остатки нашего отряда отступили через Самарский железнодорожный мост. Под перекрестным огнем я только миновала последний пролет моста, как над моей головой раздался треск и сгущенный воздух рванул меня вверх и бросил в трясину. Свинцовая тяжесть сдавила грудь. Я задыхалась.

★

Очнулась я в грязном товарном вагоне. Подняла голову, осмотрелась. На полу лежали раненые товарищи. Я поняла, что мы в плену.

С шумом открылась дверь.

— Фу, чорт побери! Почему не убираете из вагона мертвецов? — с брезгливым раздражением крикнул офицер на часового. Тут он заметил меня.

— Да тут «товарищ» в юбке сидит.

Приказал вести меня в комендантскую на допрос.

Вышли на Заводскую.

На улице валялись еще не убранные трупы. Многие из жителей разыскивали среди убитых родных и близких.

Около партийного комитета я задержалась и невольно сжала кулаки. На решетке балкона висел мертвый Венцек. Темная лужа крови запеклась под ним на тротуаре.

Невольно вспомнилось, как он говорил, провожая нас на фронт: «За идею умирать не страшно. Если придется, умрем на посту».

Меня привели в темную комнату, откуда пленных по одному водили на допрос к коменданту. Долго мне пришлось ждать очереди.

Наконец вызвали.

— Ваша фамилия? — спросил офицер.

Я решила выдать себя за дочь известного самарского землевладельца.

— Новикова, — ответила я.

— Давно большевичка?

— Нет, ваше благородие, я из деревни. У нас было много земли, а большевики ее отобрали. Как же после этого могу быть вместе с ними?

Офицер пожал плечами.

— Ну, а почему же вы были на фронте вместе с большевиками?

— Я случайно попала к красногвардейцам. Они мобилизовали меня на фронт сестрой, — не смущаясь, врала я.

Офицер буркнул под нос:

— Хорошо, посмотрим.

На допросе держали меня недолго. Офицер распорядился отвести в тюрьму.

★

Время приближалось к вечеру. Мы подошли к высокой тюремной стене. В черных воротах громыхнул замок. Под конвоем ввели нас на тюремный двор. Здесь царила напряженная тишина. Пленных партиями стали разводить по камерам.

Меня посадили в камеру вместе с худенькой, бледнолицей латышкой. Ее глаза смотрели на меня сурово, в упор. Временами она грустно затягивала незнакомые песни. От переутомления и усталости я заснула.

Поутру латышку из камеры взяли. На мой вопрос, куда ее берут, надзиратель буркнул:

— В сумасшедший дом. Помешалась.

Наступило обеденное время. В окошечко подали кипятку и порцию черного хлеба...

В замочной скважине загремел ключ. Явился надзиратель и приказал следовать за ним. Сдали меня конвоирам.

Вышли на улицу. Тошно сделалось: «Опять мытарства, а может быть, конец?»

Часовые привели меня на вокзал к санитарному поезду. Высокая блондинка без слов указала на один из вагонов.

Ввели в вагон, где лежали раненые белогвардейцы.

Старик-санитар подал кусочек мыла, полотенце и показал умывальник:

— Вы у нас работать будете. Раненых столько, что не справляемся.

На ночь меня оставили дежурить около раненого офицера-чеха.

Утром попросилась пойти навестить подругу. Мне разрешили, но приставили конвоира.

★

Жарко. Томительно печет солнце. Город словно вымер. По улицам шныряют белогвардейские автомобили. Рабочих почти не видно.

Около выхода из Соборного сада на скамеечке сидел, опираясь на палку, мужчина в черном пиджаке. Я узнала знакомое лицо. Подошла к лавочке и сделала вид, что поправляю чулок. Сидевший взглянул на меня. Глаза наши встретились.

— Рыбалкин, ты? — тихо спросила я.

— Маруся!.. Неужели?

— Да... Приходи к шести на кладбище.

Часто и радостно забилось сердце. Вспомнила, как отступали мы с Рыбалкиным из-под Липягов, как рыли окопы под Самарским железнодорожным мостом.

Побежала по тротуару так, что провожатый едва поспевал за мной.

Наконец подошли к маленькому подвальному окну с розовой занавесочкой. Тихонько стукнула в окошко. Выбежала подруга Таня, молча и растерянно поглядела на нас с часовым. Я бросилась Тане на шею. В разговоре незаметно прошло время. Когда стало вечереть, конвоир-чех потребовал возвращения назад.

Таня пошла проводить меня. Она захватила с собой бутылочку спирта и закуску. Заглядывая ласково в лицо часового, по моей просьбе уговорила зайти его на кладбище. Чех согласился.

На могиле недавно похороненного рабочего лежала, уткнувшись в землю лицом, женщина и жалобно причитала. Недалеко от этой могилы я заметила Рыбалкина. Пока Таня занимала моего провожатого разговором, я незаметно отстала. Успели перекинуться несколькими словами.

— Эх, товарищ, при первой возможности убежим к своим.

— Нет, Маруся, пока тут поработаем. Мы думаем тюрьму разгромить, наших там много. А ты с нами связь держи.

Связь условились держать через Таню.

Пока мы сговаривались с Рыбалкиным, она напоила чеха допьяна.

★

Проходили дни. Струковский сад вечерами был переполнен. Офицеры с барышнями под ручку ходили по темным аллеям, катались на лодках. Всю ночь слышался пьяный хохот. И вдруг все притихло. Напряженное ожидание распространилось по городу.

Засуетилась буржуазия, забегали офицеры... Объявили мобилизацию.

К вечеру улицы опустели. Все попрятались от белых.

В два часа ночи я прибежала к Тане на квартиру. Комната была пуста. Значит, Таня ушла. Куда? У ворот неожиданно столкнулась с Рыбалкиным.

— Скорее спешите, побег из тюрьмы удался.

Мы бросились к Самарке, где нас уже ждали в лодках, стоящих под нависшим крутым обрывом, спасшиеся из тюрьмы товарищи.

Рыбалкин проворно прыгнул на корму и дернул меня за собой. Цепь с тихим звоном упала на дно. Мягко осев, лодка поплыла по реке... Широкая спокойная гладь чуть светилась впереди в темноте.

Проплыв версты три, лодки вошли в узкий залив. Молодой высокий парень — Митя-донбассовец — первый прыгнул на берег.

Один за другим вылезли и остальные товарищи, толкнули лодки, и они растаяли во мраке.

Молча и быстро двинулись мы по лугу, поросшему кустарником.

Версты четыре шли прямиком по кочкам, наконец выбрались на дорогу. Подошли к лесу; на опушке, недалеко от хутора, где жил лесничий, решили отдохнуть.

Стало светать. Молочное море утреннего тумана застилало поля. Роса заблестела на траве. Вдали, над хатой лесника, серой лентой потянулся дымок: лесничий проснулся.

— Ну, Маруся, тебе придется пойти к хутору на разведку, — сказали мне товарищи. — Может быть, достанешь хлеба и, кстати, узнаешь, бывают ли тут белые. Платье на тебе деревенское, и сама ты настоящая степная. Тебя никто не заподозрит.

Отправилась я на разведку.

Осторожно подхожу к хутору, но собака услыхала и залаяла. На крыльце появилась старая крестьянка.

— Что тебе нужно, дорогая? Куда идешь?

— Иду на родину, в село Вязовку.

— Да что ты! Там антихрист пришел, на руки клейма накладывает, — вполголоса со страхом сообщила мне женщина.

— А кто он?

— Ча-па-ев.

«Чапаев!» У меня забилось сердце.

— Чапаев—плотник, наш брат, тетенька.

— Ну, кто его знает. Говорят, антихрист. Кругом по селам звон идет. А попы-то, матушка, взывают: «Молитесь, братие, антихрист грядет».

— Нет, нет, тетенька. Это враки.

Я рассказала старухе про Чапаева, слава о котором шла по всей округе. Потом попросила у нее молока и хлеба.

Крестьянка взглянула ласковее:

— Ты одна? Иди — покормлю.

— Нет, я не одна. Подруги со мной в лесу сидят.

— Много вас?

— Порядочно. В Самару ходили на работу, да там сейчас не до работы. Буржуи мобилизацию объявили. Красные, говорят, близко. Рабочие волнуются. Недавно тюрьму разбили. Много арестантов выпустили. По ночам стрельба подымается. Ну, мы и решили уйти.

— Так, так, дочка. Всюду такое волнение идет. Намедни в селе стрельба была. Кое-кого поранили, и убитые даже были. А началось все из-за того, что приехали казаки с чехами за подводами в деревню. А мужики не поехали, взяли и разбежались, попрятались. Казаки баб собрали, а бабы теперешние не то, что раньше,—в бороды казакам вцепились. «Не дадим, — говорят, — подвод, вот и все». А казачье остервенело и давай по селу палить. Ох, и страху-то сколько было. Боже мой!

— А у вас солдаты бывают на хуторе, тетенька?

— Да, наезжают иногда. Сейчас я дам тебе хлеба и молока, закусите немного, — ласково проговорила крестьянка и пошла за молоком в погреб.

После завтрака мы двинулись вперед. Ветер доносил тихий звон колокола. Чувствовалось, что близко селение. Город быстро скрывался за горизонтом. Чуть виднелись

железные крыши высоких домов, и блестел купол самарского собора.

Незаметно подошли к селу Колывани.

★

Ночью в непроглядную темень двинулись мы через село Колывань к чапаевцам. Шли целиной, по жнивью и пашням. По степи рыскали казачьи разъезды. Жутко было. Того и гляди — попадешь в лапы казаков.

На рассвете под селом Ивановкой загремели орудия, грянуло громкое «ура». Это налетел Чапаев.

Под огнем, рискуя жизнью, мы с товарищами пробрались к чапаевцам.

★

В чапаевских отрядах я была рядовым бойцом. Помню, как-то целый день шел бой с чехами. К вечеру стрельба затихла. В этот момент прибежали мужики из Каменного Брода с просьбой о помощи. Они рассказали, что недавно казаки выпороли плетьми мужиков, посадили их в сарай и хотели сжечь, но помешала молодежь, которая вооружилась и расправилась с казаками. Теперь село было занято белогвардейским карательным отрядом.

Это сообщение потрясло всех. Чапаев решил действовать. Бойцы уселись на подводы. Конная разведка помчалась вперед. За нею двинулись пулеметные тачанки.

Чапаевцы кольцом обложили село. Эскадрон разведки вихрем влетел на площадь. Завязался бой с карательным отрядом.

Белые не выдержали атаки и в панике бросились бежать через реку. Чапаевцы не отставали, гнались за ними по пятам. Неожиданно из лесу навстречу отступающим казакам выскочил спрятавшийся в засаде отряд молодежи. Большинство казаков было порублено на месте. Остальные сдались в плен.

Весть о приходе чапаевцев в Каменный Брод быстро разнеслась по окружающим селам. Толпами, вооруженные чем попало, спешили крестьяне к Чапаеву и вступали в отряд.

★

После взятия Самары чапаевские части были переброшены на уральский фронт против белоказаков. В районе Таловой и Перелюба стоял наш 218-й Степана Разина полк.

Ночь была холодная, темная. Мы только пришли из караула, как вдруг послышалась стрельба. Белоказаки налетели на хутор Таловую, но атака их была отбита.

Возвратившись утром в теплую избу, я встретила вестового, который привез мне подарок от Чапаева. Вестовой вынул из вещевой сумки большой серый пуховый платок. Позднее мне рассказали, что в Перелюб к бойцам приехали их жены; во время налета белых испуганные женщины выбежали на улицу раздетыми, а ворвавшиеся в избы казаки забрали все их вещи. После боя бойцы нашли у казаков несколько пуховых платков, которые и преподнесли женщинам. Василий Иванович, увидев подарки бойцов, сказал, что один платок надо подарить мне.

Через несколько дней наши части двинулись из Перелюба и Таловой к Уральску. После одного перехода я, сильно уставшая, легла в хате отдохнуть. Лежу и слышу — кто-то с шумом вошел. Приподнялась, смотрю — Василий Иванович. С ним вошли все его близкие товарищи. У Чапаева была привычка — беседовать с рядовыми бойцами на боевые темы.

Беседа наша затянулась. Вдруг раздались выстрелы. Чапаев моментально выскочил, скомандовал «по коням» и сам повел полк в бой. Противник был отбит.

Вскоре после этого Василий Иванович уехал в Москву, в академию, откуда вернулся в начале 1919 года. В то время я работала в комиссии по набору лошадей. Приехав в Ерши, я остановилась на квартире у одного крестьянина. Обогрелась, подошла к окну. Вижу, по улице идет толпа людей с красным знаменем. Хозяин вбежал в избу и сказал, что народ идет на вокзал встречать Чапаева. Я пошла вместе со всеми.

На вокзале собралось очень много народа. Подошел поезд. Чапаев вышел из вагона и стал говорить. В простой и ясной речи Василий Иванович рассказал о том, что он ездил в Москву в Военную академию, был у Ленина. Ленин дал задание во что бы то ни стало взять Уральск.

— Теперь с радостью еду выполнять директиву Ленина, — закончил Чапаев.

В ответ прокатилось громовое «ура». Чапаев распорядился прицепить пустой вагон для добровольцев — их оказалось немало.

В вагоне Чапаева окружили крестьяне, бойцы, и он с увлечением красочно рассказывал о Ленине и Москве. Под конец все так подружились с Чапаевым, что запросто угощали его свининой и салом.

После взятия Уральска Чапаевская дивизия была направлена против Колчака. В это время я была бойцом 225-го Балаковского полка.

После боя под селом Осекаевым Василий Иванович отправил меня в качестве лекпома в эскадрон конной разведки.

Под Бугурусланом мы наголову разбили колчаковский корпус Ханжина. Тогда против Чапаевской дивизии Колчак выставил отборные каппелевские полки. После взятия Белебея наша конная разведка получила приказ от Чапаева: зайти в тыл противнику в районе реки Демы, внести панику в его отряды и отвлечь в ложном направлении, тем самым дезорганизуя его наступление.

Ночью наш эскадрон выступил, поддерживая конную связь с 3-м батальоном Балаковского полка. На рассвете мы прибыли в небольшое село, где имелась церковь. Как сейчас помню: раннее утро, на горизонте обозначился малиновый диск солнца, кругом ни звука.

У церковной ограды нас встретил поп, несущий чашку меда. Поздоровались. Увидев, что возле церкви топится баня, я спросила попа:

— Баня истопилась? Помыться можно?

— Можно.

— Какие у вас ожидаются войска — белые или красные?

Поп увильнул от прямого ответа:

— Да мне-то все равно — белые или красные.

— Раз все равно, так давай мед.

Мы поставили лошадей около церковной ограды, а несколько человек выехало за село. Недалеко от села по большому тракту двигались колчаковская кавалерия, пехота и артиллерия. Увидев такое скопление неприятельских войск, мы оробели. Командир эскадрона Забияка сказал, что нужно отступить, но предварительно задержать противника, заставить его развернуться фронтом. Выставили заставу наблюдателей в семь-восемь человек, остальные вернулись в село. Через некоторое время мы привлекли внимание врага, не выдавая количества наших сил. Неприятель начал осторожно разворачиваться, а мы отступали в ложном направлении — к лесочку. Во время отступления моя лошадь была убита. Я стала стаскивать седло. В это время подъехал Забияка и крикнул:

— Брось седло! Немедленно в лес, могут взять «на мушку».

Я ответила, что не брошу седла. Во-первых, там было мое белье, во-вторых, лошадь можно было достать, а седел у нас нехватало. Мимо как раз ехала пулеметная тачанка. Я бро-

сила в нее седло и села сама. На тачанке стоял пулемет «максим».

Забияка приказал, чтобы немедленно спрятали лошадей: если их убьют, то пулемет и патроны останутся противнику. В это время Забияку ранило в ключицу, и он упал. С помощью Васьки-пулеметчика я уложила командира в тачанку, он был без сознания. Мы повезли его в лесок. После перевязки Забияка пришел в себя, поднялся и дал команду рассыпаться цепью на опушке. Противник начал обстреливать нас ружейным огнем: артиллерия его, как видно, еще не подошла.

Васька Калашников установил пулемет и стал выжидать приближения противника. Тем временем шестидесятилетний старик, по фамилии Провоторхов, набивал пулеметные ленты. Старик стал красным партизаном после того, как белыми были зарублены два его сына-красноармейца.

Через некоторое время с горы стали спускаться каппелевские части. В полном порядке шли на нас отборные офицерские полки, одетые в черное суконное обмундирование. Помню, на фуражках и на галифе у них были белые канты. На околышах фуражек эмблема — человеческий череп, что означало: смерть чапаевцам, смерть советской власти.

Нашего пулеметчика Ваську Калашникова ранило. Забияка командует:

— Маруся, огонь!

Когда белые подошли совсем близко, то я прямой наводкой начала их косить из пулемета. Моментально ряды противника расстроились. От колонны ничего не осталось. Стоны раненых, крики бегущих, грохот ружейной и пулеметной стрельбы — все смешалось.

Противник несколько раз бросался в атаку, но каждый раз пулеметный огонь нарушал «психическую» атаку каппелевцев и заставлял их с большими потерями в беспорядке отступать.

Вода закипела в кожухе пулемета. Я боялась, что «максим» придет в негодность. Провоторхов набивал пулеметные ленты и время от времени одобрительно поглядывал на меня. Вдруг он крикнул:

— Маруся, кавалерия!

Между деревьями мелькнули фигуры мчавшихся на нас всадников.

Я повернула пулемет на кавалерию, решив, что нас обошли каппелевцы. Но какова же была моя радость, когда в переднем, в черной бурке кавалеристе я узнала Чапаева.

— Что вы делаете? Свои!

Бойцы, забыв об опасности, радостно бросились навстречу Чапаеву.

Василий Иванович повел прибывшее подкрепление во фланг противника, а наш эскадрон ударил им в лоб. Дезорганизованные и потрепанные белые отступили от села. Рядом атак разбив каппелевские войска, Чапаевская дивизия создала перелом на фронте. Противник стал отступать к Уфе.

Сильный бой произошел под селом Дурасовым. Несколько дней 223-й Краснокутский полк пытался выбить противника из Дурасова и двух соседних татарских сел, но это ему не удавалось. Наш батальон вместе с конной разведкой были брошены на помощь Краснокутскому полку.

Мы спешились, отдав лошадей коноводам, и развернулись цепью вдоль полотна железной дороги. Командир полка подбадривал меня:

— Ну, Маруся, смотри, не подкачай!

Предстояло выбить противника из Дурасова и захватить переправу на реке Деме.

Позиция оказалась для нас очень невыгодной — впереди лежало гладкое поле. Выйдя на ровное место, мы окопались.

Около села была наша батарея, но она почему-то действовала очень вяло. Противник засыпал нас снарядами. Положение становилось критическим. Тут, к счастью, приехал Чапаев. Он сам стал командовать батареей, и скоро орудия противника были выведены из строя. Мы воспрянули духом. Однако сильный пулеметный огонь все же не позволял нам перейти в атаку.

Через некоторое время передали, что вперед проползла наша пешая разведка и залегла на фланге противника.

Для связи требовалось провести к ним полевой телефон. Я взяла телефон, накрутила катушку и бросилась бежать с ней через полянку к канаве. Вокруг свистели пули, но каким-то чудом ни одна не задела меня. Затем я вернулась к себе в цепь и сообщила, в каком положении разведка.

Прошло полчаса. Чапаев дал приказ, чтобы цепь немедленно бросилась в атаку.

Мы перебежали к нашей пешей разведке, залегли в канаву и начали обстреливать противника с фланга. Однако вскоре у нас вышли все патроны, а подносить их под огнем было очень рискованно. Никто не шел за патронами. Тогда я сама принялась таскать боеприпасы. Я работала совершенно одна. Это меня разозлило, и когда подошел какой-то боец, я крикнула, не рассмотрев его лица:

— Вы—артиллерист, несите патроны! — И наставила наган. — Стрелять буду!

Боец послушно отправился за патронами. Когда он возвратился, неся ящики, я увидела, что это был наш комбриг товарищ Потапов.

— Ты же меня сконфузила, Маруся. Бойцы лежат, а командира погнала за патронами, — сказал он.

Я ожидала головомойки, но он только посмеивался. К вечеру стрельба прекратилась. Впереди нас к татарскому селу погнали стадо с поля. Чапаев отдал команду:

— В атаку, через стадо!

Мы поднялись и бросились вперед, пробегая между испуганными, мечущимися коровами. Благодаря такому маневру село было занято. Противник, отступая, поджог село Дурасово. Колчаковцы решили уйти под прикрытием дымовой завесы. Когда мы ворвались в горящее Дурасово, противника не было видно, но пули летели со всех сторон. В нас стреляли из окон, из-за углов. Я и несколько ребят пробирались огородами. Масса встревоженных пчел окружила нас. Пришлось спасаться от них бегством. Очутились на каком-то крестьянском дворе. Смотрим — лежит на земле раненый товарищ, истекая кровью. Вместе с одним бойцом мы стали поднимать раненого. Вдруг раздался выстрел, и боец упал замертво.

— Маруся, смотри, из окна стреляют! — крикнул мне Сиваков. Из окна показалось дуло винтовки. Сиваков прицелился туда, но в это время выстрелили из другого окна, и Сиваков был убит наповал. Мы бросились к избе, откуда стреляли.

Оказывается, каппелевские офицеры переоделись в татарскую одежду и засели по избам, в подпольях. Несмотря на жестокое сопротивление, противник был выбит. Отступая, каппелевцы подожгли мост, но Чапаев вместе с разведчиками вплавь перебрался через реку Дему и до поздней ночи преследовал бегущего противника. Белые были почти полностью уничтожены.

Наша конная разведка расположилась в татарском селе на отдых, а Дурасово заняли краснокутцы.

На другой день я пошла в баню. Вернувшись, только легла отдохнуть, как является старшина эскадрона:

— Маруся, немедленно к Чапаеву.

Я вспомнила, как однажды на фронт приехал начальник и вызвал к себе Чапаева, а Чапаев сказал: «Если ему нужно, пусть придет ко мне». И я, раздосадованная, ответила:

— Скажи, если я ему нужна, пусть придет ко мне.

Старшина, разумеется, в точности передал мой ответ. Тогда Василий Иванович прислал ко мне ординарца с приказом. На пакете было написано: «Аллюром». Это значило, что я должна немедленно бежать в штаб. Прихожу в штаб, а Василий Иванович и говорит мне:

— Вишь ты, какая барыня. Тебя командир дивизии вызывает, а ты медлишь.

Я ответила, что была в бане, а затем отдыхала.

— Если бы вы мне приказали итти в бой, я бы не медлила.

Василий Иванович долго смеялся и часто напоминал мне об этом случае.

В этот день меня представили к ордену. Василий Иванович снял с руки свои часы с светящимся циферблатом и подарил мне. О подарке Чапаева знали многие. Часто потом в темную ночь в окопах бойцы спрашивали:

— А ну-ка, сколько на чапаевских?

И по цепи передавали, что на чапаевских столько-то.

Весной 1920 года 25-я наша дивизия была переброшена на польский фронт. Здесь мне пришлось все время быть на передовых позициях с полками Пугачевским, Разинским, Домашинским.

После ликвидации всех фронтов я обучилась грамоте и была командирована в Харьков на рабфак.

Затем поступила в 1-й Московский университет, который окончила в 1930 году. Стала работать по линии Внешторга, а в настоящее время служу в «Интуристе».

Героические дни Чапаевской дивизии навсегда останутся для меня самым ярким воспоминанием.

Е. ВОЛОШИНА

КОМАНДИР МИЩЕНКО

Трудно жилось семье Мищенко. Отец в 1905 году принимал активное участие в борьбе трудового казачества с царским самодержавием. Поэтому, когда отец хотел определить своего единственного сына Николая в мужскую гимназию, директор наотрез отказался принимать сына «бунтовщика». Только за большую взятку (пришлось продать единственную

корову и часть имущества) устроил Илья своего сына в учительскую семинарию.

Много рассказывал отец Коле о революционной борьбе. С жадностью слушал мальчик о героях-революционерах.

Под влиянием своего отца Николай организовал революционный кружок, в который вступило много его товарищей. Однажды на нелегальном собрании кружка Коля Мищенко заявил своим товарищам:

— Нам надо стать командирами — так советует мой отец. Он говорит, что скоро кончится царская война, начнется новая, революционная война; тогда потребуются рабочим командиры.

— А как нам это сделать? — спросили товарищи.

— А вот я вам скажу, как это сделать, — ответил, улыбаясь, Николай. — Давайте напишем коллективное заявление на имя нашего директора, что мы все желаем добровольно поступить в школу прапорщиков. Подумайте над этим хорошенько.

Вскоре директор получил заявление группы семинаристов. Они просили возбудить ходатайство о принятии их в школу прапорщиков.

В первых числах мая 1916 года в Бескорбинской учительской семинарии поп торжественно отслужил молебен в честь семинаристов, которых провожали в школы прапорщиков. Коля Мищенко был направлен во Владикавказ. После окончания шестимесячных курсов прапорщиков его послали на турецкий фронт в 545-ю пехотную дружину.

Не нравилось старшим офицерам обращение двадцатилетнего прапорщика с солдатами.

— Что вы няньчитесь, прапорщик, с этим навозом, — говорили они ему.

Коля сжился с солдатами; неграмотным писал письма домой, читал ответы, присланные из дома. Знал, как живут солдаты на фронте, и знал, чем живут их семьи. Солдаты любили прапорщика и доверяли ему все свои тайны. После Февральской революции Мищенко избрали заместителем председателя полкового комитета.

Однажды солдаты узнали, что полковник Замаров арестовал Мищенко за выступление против империалистической войны на полковом собрании. Солдаты, в большинстве ополченцы, окружили штаб полка и заявили:

— Если не выпустите нашего прапорщика, сейчас же весь штаб взлетит на воздух.

Мищенко выпустили на свободу. Снова с головой ушел он в революционную работу.

В октябре 1917 года Коля был тайно направлен полковым комитетом в Петроград. Здесь он участвовал во взятии Зимнего дворца.

Вернувшись на Кубань, Мищенко получил задание организовать красногвардейский отряд в Лабинском отделе. В конце января 1918 года он приехал в станицу Вознесенскую как уполномоченный Реввоенсовета Кубани. Там он открыто собирал митинги в то время, когда в станице хозяйничали атаман и казачье правление.

Фронтовики — молодежь и старики — записывались в Красную гвардию. Выступая с речами, Мищенко говорил на простом и понятном языке. Его знали все в станице.

Шли в отряд Коли даже старики, многие вместе с сыновьями.

Тем временем в станичном правлении заседала контрреволюционная свора во главе с штабс-капитаном Калмыковым, обсуждался план расправы с местными большевиками.

Морозной январской ночью на улицах станицы затрещали выстрелы — банда Калмыкова принялась за свою кровавую работу. Были убиты член станичного совета Щеглов и его два сына. Банда разгромила совет, арестовала председателя и членов совета.

Станица опустела. Все сочувствующие советской власти бежали в Армавир, находящийся поблизости.

Вскоре под нажимом красноармейских частей Калмыков со своей шайкой оставил станицу и скрылся в горы.

Сорганизовав в Армавире красногвардейский отряд, Мищенко повел его по кубанским полям через станицы Новоалексеевскую, Константиновскую, Елабинскую. В каждой станице в отряд Мищенко вливались новые люди. Везде восстанавливалась советская власть.

В апреле Мищенко было приказано выступить со своим отрядом на станцию Тихорецкую. Когда он прибыл в Армавир, в отряде началось волнение. Некоторые несознательные и панически настроенные бойцы, а может быть, и провокаторы, потребовали от Мищенко объяснения:

— Куда ты нас привел? На кого мы оставили своих жен в станице?.. Ежели заскочат белые, кто будет наши семьи защищать?.. Давай, собирай митинг. Решим на митинге — итти или не итти воевать. Насильно не пошлешь.

Собрали в цирке митинг. Мищенко стал объяснять красногвардейцам, что армия сильна только тогда, когда она спло-

чена и дисциплинирована. Он доказывал, что раздробленные, мелкие отряды не справятся с охватившей Кубань контрреволюцией.

Выступил какой-то солдат.

— Что ты нас агитируешь, товарищ Мищенко! — крикнул он. — Какое нам дело до Ростова? Чего мы там не видели?.. Я дальше Армавира не пойду. Через три дня пасха святая. Вы, товарищи, как хотите, а я пойду хоть раз за три года разговеюсь в своей семье.

Он демонстративно закинул за плечи вещевую сумку, подмигнул слушателям и сошел с трибуны. Играя на религиозных чувствах темных людей, он выполнял задание врагов. За ним двинулось несколько человек. Тогда Мищенко предложил партизанам:

— Кто желает итти со мной добровольно на Тихорецкую, отходите вправо. Кто хочет итти домой разговляться, отойдите влево.

Отряд раскололся. Сто человек отошли влево, 1 300 — вправо. Партизаны, пожелавшие остаться воевать, начали свистеть, тюкать вдогонку уходящим. Старики успокаивали командира:

— Не горюй, сынок, с нами не пропадешь! Мы им докажем.

Молодежь окружила Курочкина, старого фронтовика, и засыпала его вопросами:

— На войне не особенно страшно?

— Да чего там, вовсе не страшно, — отвечал добродушный Курочкин.

В первый день пасхи, рано утром, отряд Мищенко погрузился в вагоны и двинулся на Тихорецкую. Оттуда красногвардейцев перебросили на станцию Сосыка-Ейская. Мищенко расположил бойцов возле полотна железной дороги. На рассвете стало видно, что из станицы Павловской, находившейся вдали, появилась большая колонна белогвардейцев: наступали два офицерских полка. Красногвардейцы приготовились к встрече.

Мищенко лежал в цепи, не отрываясь, глядел в бинокль. Он заметил, что белогвардейцы наступают пьяные, густыми цепями. Пьяная ватага все ближе подходила к станции. Мищенко достал из полевой сумки несколько пар офицерских погон. Он всегда имел их при себе на всякий случай.

— Давай, товарищ военком, я пожалую тебя в офицерский чин, — обратился он к военкому.

— Зачем? — удивился тот.

— Не смущайся, товарищ военком. Я намерен сегодня выиграть бой хитростью.

— Так и быть, — сказал военком. — По боевому положению — подчиняюсь.

Мищенко приколол военкому погоны с двумя звездочками, а на себя надел погоны штабс-капитана. Раздал погоны также начальнику штаба и командирам рот. Затем передал распоряжение по цепи:

— Красные ленты на шапках замените белыми, знамя не показывайте. Когда бросимся в атаку — следуйте моему примеру.

При виде погон и белых лент на фуражках белогвардейцы растерялись и подумали, что произошло недоразумение, ошибка. Пока они протрезвились и поняли, в чем дело, партизаны успели отбить у них четыре пулемета, две двуколки с патронами.

Корниловцы стали поспешно отступать, преследуемые по пятам нашими. Мищенко, вскочив на отбитую у врагов тачанку, гнался за ними и расстреливал из пулемета бегущих золотопогонников.

Солнце поднялось высоко, а бой все еще продолжался. Тачанка, на которой был Мищенко, подлетела к белой батарее. Артиллеристы, увидев подъезжающего к ним молодого офицера, приняли его за своего.

— Прекратите огонь, я вам приказываю, негодяи! — крикнул Мищенко.

— Что, отступаем, господин штабс-капитан? — спросил казак-батареец.

Мищенко в ответ бросил одну за другой три гранаты. Оставшиеся в живых кинулись врассыпную через плетни.

Станица была занята красными. Когда стали подсчитывать потери, оказалось 45 раненых и десять убитых.

— А все же много я потерял людей, — хмуро сказал Мищенко комиссару. Тот ответил:

— В таком бою да с нашим вооружением, я думал, мы с тобой всех людей потеряем и погибнем сами.

Привезли на площадь отбитые у неприятеля орудия — трехдюймовку и шестидюймовку. После отдыха и короткого митинга отряд двинулся дальше. У реки Сосыки опять встретились с противником; четыре раза бросались на отряд казачьи сотни и всякий раз должны были с потерями откатываться обратно. Первое время при виде кавалерии красногвардейцы слегка робели. К Мищенко подполз старый бородатый Дубина и, волнуясь, спросил:

— Товарищ командир, какой же надо брать прицел по кавалерии?

— Да бери, дедушка, какой хочешь, лишь бы ссадил с коня кадета. Не бойся. С шестью пулеметами и с двумя орудиями нам не страшно, — сказал, улыбаясь, Мищенко.

Он лежал у пулемета, выпуская по врагу ленту за лентой. Все поле у Павловской станицы было в этот день усеяно белогвардейскими трупами. По равнине носились потерявшие своих седоков испуганные лошади.

Солнце ушло за горизонт, стало темнеть, а подкрепления, которое должна была прислать Тихорецкая, все не было. Когда совсем стемнело, Мищенко сказал бойцам:

— Ну, теперь и нам, товарищи, придется пятки салом смазать. Раз не прислал нам Сорокин подкрепления, значит, он продал нас, негодяй.

Боясь быть окруженным неприятелем, Мищенко повел свой отряд к Черноморской железной дороге.

Через два дня отряд выгрузился в Екатеринодаре и в полном боевом порядке, с песнями, везя за собой отбитые орудия и пулеметы, подошел к зданию Реввоенсовета. Красногвардейцы в награду получили от Реввоенсовета красное бархатное знамя.

В первой половине мая Мищенко создал новый отряд. Станицы Вознесенская, Урупская, Чамлыкская, Упорная, Бескорбная и окрестные хутора дали сотни добровольцев. Отряд состоял большей частью из молодежи и насчитывал до 1 750 штыков. Он вошел в состав 1-го Кубано-черноморского советского полка, который формировался в это время в Екатеринодаре.

Была введена строгая революционная дисциплина. Бойцы любили своего командира за храбрость и простоту, но в то же время и боялись: когда надо, он мог быть и строгим. На досуге Мищенко вместе с ними пел песни и плясал под гармошку. В одежде он был всегда чрезвычайно аккуратен. Глядя на него, подтягивались и окружающие. Во время боя Мищенко шел в атаку первым, а при отступлении — последним.

После падения Екатеринодара, во время сражения под станицей Варянниковской, дозорный взвод 5-й роты оказался отрезанным от своих. Узнав об этом, Мищенко бросился на выручку. Ему удалось отбиться от врага. В рукопашном бою он потерял свою серую каракулевую шапку.

— Жаль нам, товарищ командир, вашу шапку, — говорили ему красноармейцы. Мищенко улыбнулся в ответ:

— Шапку мне не жаль, чорт с ней! — И тут же, нахмурясь, добавил: —Жаль, что людей теряю в бою, их не вернешь!

О себе Мищенко не думал. Когда пришлось отступать с Таманской армией из Новороссийска на Туапсе, он везде был примером для бойцов. Если замечал, что красноармеец утомлен — сейчас же направлял его в обоз. Вместе с бойцами он грелся у костра и ел с ними полусырую кукурузу.

— Ничего, товарищи! — утешал он измученных людей. — На время подвяжем потуже ремнем животы. Скоро выберемся из гор и объединимся с главными силами Красной Армии.

В бою под станицей Белореченской Мищенко был ранен в ногу, но из строя не вышел:

— Не время валяться в госпитале, заживет и так, — сказал он.

Когда ему предложили ехать в Пятигорск на операцию, так как пуля осталась в ноге, он ответил:

— Не поеду никуда. А на кого я людей оставлю?

В последних числах сентября Черноморский полк был переименован в 5-й Таманский пехотный. Мищенко, не оправившийся от раны, был переведен в адъютанты полка. Передавая свой батальон надежному боевому товарищу Шамраю, Мищенко сказал:

— Смотри, Захар, я ночью буду работать в штабе, а днем, если бой, я буду с вами.

Однако недолго пришлось Шамраю командовать боевым батальоном. При наступлении Таманской армии на Ставрополь он был ранен в грудь и выбыл из строя. Мищенко снова занял командное место.

Настал новый, 1919 год. Под ожесточенным напором врага Таманская армия вынуждена была отступить на Астрахань. В это время, будучи в Грозном, Мищенко одновременно заболел сыпным тифом и испанкой. Армия ушла, он остался лежать на квартире у некоего Глобова. Через пять дней Мищенко был схвачен деникинской контрразведкой. Подлец хозяин выдал своего беспомощного квартиранта.

Лежа в бреду, почти без сознания, Мищенко видел, как ворвались озверевшие контрразведчики. Он попытался было осуществить свой лозунг: шесть пуль белогвардейцам, седьмая — в себя, но его обезоружили. Тогда Мищенко поднялся через силу с кровати и набросил на плечи бурку.

— Я готов, — сказал он спокойно.

В жару, шатаясь, Мищенко бодро шел на церковную площадь, к месту казни. Там уже висели почерневшие трупы красноармейцев.

— Стой! Раздевайся! — скомандовали палачи.

Мищенко остановился, гордо закинув пылающую голову. Достал из кармана френча красный шелковый платочек и взмахнул им, точно знаменем.

— Бейте, гады, — сказал он, собрав последние силы. — В жизни умирают раз, смерть мне не страшна... Да здравствует советская власть!

Он хотел сказать еще что-то, но урядник Милькин, выхватив из ножен шашку, ударил его по руке.Отрубленная кисть упала, судорожно сжатые пальцы застыли, не выпустив крошечного красного знамени.

Белые палачи зарубили Колю Мищенко — славного боевого командира, преданного сына революции.

А. МЕЛЬЧИН

ПАВЕЛ МУСОРОВ[1]

Ранним утром 11 августа 1918 года над старыми Грозненскими промыслами загудели гудки. Пустынная до этого улица поселка быстро оживилась. Рабочие с винтовками, охотничьими ружьями, а кто и без оружия — спешили в город, на ходу доедая кусок хлеба или застегивая куртку. На промыслах был создан рабочий батальон. В последние дни в Грозном было тревожно. Бойцы торопились встать на защиту совета.

В одном из домиков поселка собирались отец и сын Мусоровы. Отец — пожилой рабочий — успокаивал взволнованную жену, которая копошилась у печки и никак не могла завязать узелок с хлебом и огурцами.

Сын Павел — скуластый парень, известный по всему промыслу озорник — незаметно для отца снял со стены винтовку и пошел к двери.

— Ты куда? — остановил отец. — Тебе воевать еще рано, сиди дома.

Павел остановился у порога и, не выпуская винтовки, выжидал.

— Кому говорят? — закричал отец. — Отдай винтовку, молокосос!..

---

[1] По материалам редакции «История гражданской войны».

— Не отдам, — проворчал Павел, не трогаясь с места. — Вот тебе надо дома сидеть, у тебя жена, дети.

— Если победим, дети будут обеспечены, а не победим, все равно один конец, — подойдя к сыну и стараясь отнять у него винтовку, говорил отец.

Неожиданно старика позвали с улицы.

— Ну ладно, иди, — вдруг произнес он, оглядывая мужественную фигуру сына. — Пойдем вместе, вторую винтовку достанем.

Мать бросилась было к сыну, но отец отстранил ее и тихо сказал:

— Пусть идет... Вместе будем отстаивать свободу... — И, увлекая за собой Павла, быстро вышел из дома.

★

В этот день против советской власти восстала контрреволюционная станица Грозненская, расположенная рядом с городом. Восстанием руководил из Моздока меньшевик Георгий Бичерахов, поднявший контрреволюционный мятеж на Тереке. Грозный оказался отрезанным от центра области — Владикавказа — и замкнут в кольце осады.

Быстрая, мутная река Сунжа, дугой огибая центр города, была в то же время и естественной границей фронта. Правый фланг держал Пролетарский батальон. В первые дни дело ограничивалось легкой перестрелкой, стреляли больше казаки. У бойцов Пролетарского батальона нехватало патронов, не было пулеметов.

Противник засел в казармах — больших каменных зданиях, неуклюже торчавших за кладбищем. Они мешали красным бойцам развернуть фронт и выравнять его с соседними подразделениями. Нужно было занять казармы.

Кто-то из ребят предложил смелый, озорной план.

Под вечер следующего дня на завод «Молот» в штаб батальона пришел командир одной из рот и попросил разрешения взять из соседней больницы десятка два простынь.

— Для чего тебе простыни? — удивился комбат.

— Дело есть, — смущенно ответил пришедший. — Вы только разрешите нам сегодня в разведку итти. Хотим малость пугнуть белячков.

Комбат догадался: на его лице, почерневшем от пыли и загара, появилась улыбка:

— Ладно, берите. Только смотрите — не попадайтесь!

— Как можно, товарищ командир! У нас все продумано.

...Длинные коридоры казарм скупо освещались керосиновыми лампочками. Часовые, поблескивая штыками, спокойно стояли у входа. Позиции находились впереди казарм, оттуда можно ждать врага, а здесь была тишина. И вдруг раздался чей-то сдавленный крик. Часовые шарахнулись в глубь коридора — перед ними появились белые тени с распростертыми руками. Винтовки вывалились из рук перепуганных суеверных казаков. С криками ужаса они бросились бежать. Покойники встали из гробов!.. Все больше и больше появлялось из темноты белых призраков. Вдруг блеснул огонь, раздались взрывы. «Привидения» бросали бомбы.

Началось повальное бегство обезумевших от страха казаков. Бежали в степь, бежали к позициям, где усилилась перестрелка. Пролетарцы пошли в наступление.

Двадцать храбрецов обратили в бегство целый полк. Не прошло и часу, как рабочий батальон занял казачьи казармы. Белоказаки выслали было броневик, но он попал в руки наших. На нем оказалось два пулемета. Однако в батальоне не нашлось людей, умеющих из них стрелять. Наконец парень, служивший когда-то в пулеметном взводе, предложил:

— Кто желает учиться пулеметному делу?

Охотников нашлось много. Среди них был Павел Мусоров — один из самых смелых бойцов батальона.

Ребята быстро научились владеть пулеметом.

Темной ночью отправился Павел на Граничную улицу, где сходились окопы воюющих сторон. Долго высматривал там пулеметные гнезда противника.

Под утро перестрелка замолкла. Тогда Павел, обвязав себя веревкой, пополз через улицу туда, где за развороченной стеной ограды притаился пулеметчик. Павел полз, извиваясь, как змея, пыль набивалась в нос, в рот, щипала в горле. Нестерпимо хотелось чихнуть. Стиснув зубы, он крепился и полз дальше. У развороченной стены он остановился. В темноте еле виднелись человек и пулемет. Пулеметчик дремал. Павел осторожно размотал веревку и, протянув руки, коснулся пулеметного дула. Солдат пошевельнулся, и Павел замер. Пулеметчик зевнул, опустил голову на поднятые колени; скоро послышался храп. Тогда Павел набросил петлю на пулемет и стал отползать, разматывая за собой веревку. На мостовой его ждал верный помощник Шурка. Они вдвоем взялись за веревку и потянули к себе. Застучали колеса пулемета.

Солдат вскочил, выстрелил в пространство, что-то завопил. Показались темные фигуры, затрещали выстрелы, под-

нялась суматоха. Но было поздно. Обхватив добычу, друзья мчались к своим окопам и через несколько минут уже торопливо всовывали ленту в приемник. Не успели казаки притти в себя, как их начали осыпать короткие очереди из их же пулемета.

С тех пор Павел не расставался с пулеметом.

Появилась новая забота — патронов выдавали мало. И тут Павел тоже нашел выход. Как-то ночью он уволок у зазевавшегося белого пулеметчика несколько ящиков лент.

На Пролетарский батальон готовилось наступление прибывшего из Пятигорска Волжского белоказачьего полка. Надо было укрепить позиции. Там, где ожидался удар, ставились лучшие части, возводились укрепления. Все, казалось, было готово к встрече противника, оставалось ждать. Но ждать было тягостно.

Вечером следующего дня ординарец доложил командиру, что у заставы задержаны две каких-то девушки.

— Они просят, товарищ командир, чтобы их пропустили на старые промыслы, к родным. Как прикажете распорядиться?

Комбат был в это время занят телефонным разговором со штабом и, махнув рукой, велел подождать.

Две хорошеньких девушки в простеньких, ситцевых платьях быстро освоились: начали болтать с красноармейцами, шутить, посмеиваться. Обрадованные ребята старались подольше не отпускать от себя веселых гостей.

Но вот промысловцы стали замечать, что девчата что-то путают. То их тетушки, к которым они идут, живут на Александровском участке, то в Бахметьевском, — не разберешь.

Доложили командиру.

— Пусть переночуют. Отвести их в отдельную комнату, — распорядился тот.

И приказал санитарке ночью обыскать девушек.

Санитарка нашла две записки, где указывалось точное расположение частей Пролетарского батальона.

— Сволочи, — выругался комбат, читая бумажки. — Все секреты вынюхали. Ну, уж задам я им перцу. Позвать девчонок!

Не успел вестовой выйти из комнаты, как комбат передумал:

— Стой, отставить. Позови мне сюда санитарку, а девчонок не троньте, пусть спят.

— Где ты нашла эти бумажки? — обратился комбат к санитарке.

— В каблуках, засунуты были под подошву. Я всюду обшарила — нет ничего. Потом, вижу, туфли под кроватью, думаю, дай посмотрю...

— Расстрелять их мы всегда успеем, — продолжая ходить по комнате, говорил комбат. — Расстрелять не мудреное дело. — Он вдруг остановился, шлепнул себя по лбу и, достав бумажки, улыбнулся:

— Нет, на этот раз, к сожалению, птички останутся живы. На, возьми бумажки, незаметно положи их туда, откуда взяла, и утром отпустить девчат. Пусть идут к своим «тетушкам».

— Товарищ комбат, ведь они — шпионки!

— Ничего, ничего. Не бойся, их жизнь казакам дорого обойдется.

Довольный своей выдумкой, комбат велел подать лошадь и помчался к штабу обороны.

★

Лихорадочно шла перестройка позиций. Там, где была рота, оставили взвод, там, где взвод, ставили роту. Все переменилось. От старой диспозиции не осталось и следа. Нужно было встретить противника легким огнем, заманить его на Александровскую улицу и там ударить с тыла и флангов. Были намечены большие дворы, куда предполагалось загнать казаков и по возможности взять в плен.

Густой туман окутал засевших в окопах пролетарцев: на расстоянии вытянутой руки ничего не было видно. В такую ночь приходилось ждать наступления. И действительно, в два часа ночи передовой отряд — в нем был и Павел — услышал впереди легкий шорох. Отряд отступил на кладбище и, укрывшись за памятниками, пропустил мимо себя неприятельскую разведку. В конце кладбища была скрыта полурота. Она тоже пропустила разведку. За нею медленно и тяжело двигались казачьи цепи, плечо к плечу, вытянувшись шеренгой, в строгом молчании. Туман и ночь скрывали наступающих.

Все ближе и ближе продвигались сомкнутые колонны врагов. Слышалось дыхание людей. Павел, положив руку на спуск пулемета, не шевелился.

Раздалась команда:

— Огонь!..

Павел нажал на спуск, и пулеметные очереди наполнили грохотом тяжелую тишину ночи. Ряды врага дрогнули,

спутались. Стройные шеренги превратились в сплошную, сгрудившуюся массу. Продолжая продвигаться вперед, белоказаки открыли огонь.

Ползком, перебежками, выполнивший свою задачу взвод отступил за стену кладбища. Отсюда, соединившись с полуротой, отошел к Александровской улице.

Белоказаки, позабыв об осторожности, уже совсем беспорядочной толпой заполнили Александровскую улицу.

И тут совершилось то, что так долго и упорно обдумывали в штабе комбат и руководитель обороны. Одновременно с четырех сторон с грозным «ура» хлынули роты пролетарцев. Стрелять не могли ни те, ни другие. В течение нескольких минут пролетарцы смяли белый полк и загнали испытанных вояк, точно стадо, в приготовленные дворы. Направив пулеметы, пролетарцы предложили казакам сдать оружие.

Солнце разогнало туман и осветило место ночного боя. На кладбище и на улице валялись десятки трупов, стонали раненые.

Все силы были брошены на оказание первой помощи раненым и на работу среди пленных. Офицеры были изъяты, рядовых накормили и поместили в удобные казармы.

Вслед за победой над Волжским белоказачьим полком пролетарцы одержали еще одну победу: неожиданным налетом они на несколько часов захватили центр восставших — вокзал.

С помощью революционных казаков, присланных товарищем Орджоникидзе из станиц Сунженской линии, контрреволюционное восстание в Грозном, после стодневной героической борьбы, было разгромлено.

★

Но недолго пришлось грозненским рабочим жить мирной жизнью. На Северный Кавказ наступал Деникин.

Белая конница Ляхова со стороны Пятигорска наступала на город. Части 11-й армии отходили к астраханским степям.

Грозненская Красная Армия, погрузив на подводы кассу Терского народного совета, отступила на Владикавказ. Тысячи беженцев двигались за ней.

Путь лежал по станицам Сунженской линии. Не успели пройти Ермоловскую, как она восстала; впереди Закан-Юрт заняли кубанцы, отрезав тем самым путь на Владикавказ.

Положение создалось тяжелое.

К вечеру следующего дня, теряя по пути больных и уставших, преследуемый белыми, отряд добрался до Ассиновской. Холодный снег слепил глаза. Ветер обнажал мерзлую землю. Падали люди, скользили на льду лошади, увлекая за собой в пропасти груженные домашним скарбом возки. Тупое отчаяние и панический страх все сильнее охватывали отступавших.

Не задерживаясь в Ассиновской, отряд хлынул через лес и горы в Чечню. С часу на час можно было ждать нападения деникинцев.

Здесь, в пургу и метель, сказал свое последнее слово молодой герой стодневных боев — Павел Мусоров.

Все это время он не расставался со своим пулеметом и сейчас нес его на плечах.

Видя, как медленно движется обоз, как наседают враги, он решил задержать их и дать возможность отступающим уйти в горы.

Неожиданно он остановился у входа в ущелье, по которому спускались отступающие, и установил пулемет. Он просил патронов у красноармейцев, умолял, отбирал силой у ослабевших, стаскивал ленты с возов. Скоро таким образом он набрал целую кучу лент.

Его убеждали отказаться от этой безумной затеи: ведь одному не удержать белые полчища. Но он только отмалчивался, злобно стиснув зубы. Он остался ждать преследователей.

Коченели руки, лицо горело от пронизывающего ветра. Снег густой пеленой закрывал даль. Но Павел уже заметил, как за Ассой показалась казачья сотня. Он подпустил ее довольно близко и ударил. Пулемет быстро накалился. Павел осыпал его снегом и ленту за лентой выпускал по растерявшемуся врагу. Появился второй эскадрон. Патронные ящики пустели, и когда показалась новая цепь наступающих, у Павла вышла последняя лента. Наконец пулемет замолк. Белогвардейцы ринулись к ущелью.

Пятью выстрелами из нагана Павел уложил еще пять белоказаков и затем, вытянувшись во весь рост, пустил себе в сердце последнюю пулю.

В течение трех часов он задерживал деникинский отряд и тем самым дал возможность далеко уйти нашему обозу. Белоказаки в исступлении изрубили шашками тело героя. Затем привязали его к лошади и поволокли по снегу.

Н. ЛОЗОВАЦКАЯ

РАЗВЕДЧИЦА

Грозный — город, выдержавший в 1918 году стодневную осаду белоказачьих банд, — снова переживал тревожные дни. Со стороны Пятигорска к нему двигались полчища деникинцев.

В первых числах февраля 1919 года началось отступление из Грозного. Отряды рабочих-нефтяников и конница чеченского революционера Асланбека Шерипова отступили в горы Чечни. На пути отступления у станицы Ассиновской отряды столкнулись с передовыми частями деникинцев и потерпели поражение. Красноармейцы, командиры и их семьи с трудом перебрались в горную Чечню — в революционные аулы Гойты и Гехи.

Мне тогда было пятнадцать лет. Мой отец — старый рабочий, коммунист — с группой товарищей остался в городе для подпольной работы. Когда в Грозный вступали белые, он был на вокзале. Мы жили недалеко от станции, в Загородном переулке. В этот день я сидела дома. На улицах города и на вокзале раздавались выстрелы, слышались крики, стоны.

Наступил вечер, а отца все нет. Мы не зажигали огня, сидели в темноте и прислушивались. Беспокойство за отца все усиливалось. О братьях, отступавших с Красной Армией, мы беспокоились меньше. Но отец... Его могли выдать белым, ведь все знали, что он большевик.

Часов около двух ночи вдруг стукнули в калитку. Мы невольно вздрогнули. Я бросилась во двор. Гляжу — отец.

— Спокойнее, спокойнее, дочка. Все в порядке, — встретил он меня. — Приготовь покушать, а я пока займусь устройством временного жилья.

Наскоро поужинав, отец отправился в подвал, где думал скрыться от деникинцев.

На второй день хозяйничанья белых отец позвал меня в подвал. Погладив в темноте мои косы, он спросил:

— Не боишься?

Что я могла ему ответить? За время стодневных боев я видела немало смертей и ран, но в тылу у врага пришлось оказаться впервые. Не дожидаясь ответа, отец продолжал:

— Ты у меня девушка храбрая и осторожная. Выйди на улицу, узнай, что там и как, кто из наших товарищей пострадал.

Обвязав голову платком так, чтобы видны были только глаза, я вышла на главную улицу. И хотя я приготовилась ко многому, но то, что довелось увидеть, чуть не заставило меня разрыдаться и убежать. На телеграфных столбах висели люди, некоторых я узнала. Среди них был Сафронов — большевик, товарищ отца. Из домов не переставали выводить рабочих, большевиков и советских служащих. Их тут же на глазах у семьи и прохожих избивали, увечили и казнили. Матери, жены, сестры, дети плакали и кричали.

Сдерживая слезы, я вернулась домой и все рассказала отцу. Он слушал меня, склонив седеющую голову, и не проронил ни слова...

Несколько дней я никуда не могла итти. Потом, когда деникинцы стали расправляться с трудящимися не на улицах, а в своих жутких застенках, отец послал меня в Щебелиновку и Бароновскую слободку и просил вызвать к нему некоторых товарищей. Они пришли глубокой ночью, и у нас состоялось подпольное большевистское совещание. На нем было решено послать делегатов в Чечню к Шерипову, где уже к этому времени был создан штаб партизанского отряда. Я много слышала о Шерипове, но никогда его не видела. Я знала, что ему всего 22 года, но слава о нем разносилась по всему Кавказу. Позднее, уже после гражданской войны, мне рассказали, что работой Шерипова руководил вначале Сергей Миронович Киров, а затем Серго Орджоникидзе.

В то время товарищ Орджоникидзе скрывался в горах Ингушетии. Ему принадлежала идея создания партизанского отряда в Шатое, прекрасно осуществленная затем Шериповым. До конца своей жизни Шерипов не порывал связи с Серго — любил его и был предан ему безгранично.

Шерипов всеми силами стремился установить связь с большевистским подпольем Грозного, но это ему не удавалось.

Велика же была радость Асланбека, когда к нему в качестве делегата от грозненских большевиков приехал мой отец, которого он хорошо знал по Грозному и очень уважал. Отец вернулся от Шерипова очень довольный и с большими надеждами.

— Ну, дочка, — говорил он мне радостно, — развернем теперь дело.

Вскоре грозненские большевики создали подпольный партийный комитет. Председателем его был избран отец. Началась подготовка к совещанию большевистских подпольных организаций. В Петровск, Ростов и другие города были направлены товарищи. Приехали оттуда представители

местных партийных комитетов. Ждали только Шерипова. И вот накануне назначенного дня, смотрю, к нам во двор входят трое чеченцев. Один из них — высокий, стройный джигит в черкеске, в белой войлочной шляпе — уверенно направился в дом. Подойдя к крыльцу, он что-то сказал своим спутникам; те ушли, а он быстро взбежал по ступенькам. Я поняла, что это Шерипов.

Здороваясь со мной, Шерипов улыбнулся и спросил у отца:

— Это и есть твоя хваленая разведчица?

Он говорил по-русски чисто, без акцента.

— Молодец, Нина, молодец, — сказал он, ласково пожимая мне руку. — Будем друзьями.

Пройдя в отведенную ему комнату, Шерипов переоделся в штатское. Почти все время он оставался дома, что-то писал и читал. Несколько раз по его просьбе я приводила к нему членов подпольного комитета, и они подолгу засиживались.

На следующий день открылось объединенное большевистское подпольное собрание. У нас в доме была небольшая гостиная. Начиная с полудня туда по одному стали приходить приглашенные товарищи. Решили собраться днем, чтобы не вызывать подозрений. Но собрание открылось вечером и продолжалось до трех часов ночи. Было решено взяться за подготовку вооруженного восстания. Местная партийная организация должна собирать силы, чтобы быть готовой выступить вместе с партизанскими отрядами.

После собрания Шерипов, или товарищ Иванов, как мы его звали для конспирации, перешел на другую квартиру, так как за нашей началась слежка. Собрание командировало в Баку за деньгами представителя петровской организации,— фамилии его не помню. Это был интеллигент, повидимому, из буржуазной семьи. По дороге из Баку он познакомился с красивой молодой женщиной и приехал вместе с нею.

Вернувшись в Грозный с деньгами, он притворился, что денег не привез. Больше того, он стал открыто провоцировать отца. Ему будто бы известно из достоверного источника, что списки членов организации попали в контрразведку, организация провалена и всем надо бежать.

— Скрывайтесь, — говорил он возбужденно отцу, — я тоже сейчас уезжаю.

— Кто эта женщина? — спокойно спросил отец, указывая на его спутницу.

— Это моя знакомая. Мы вместе...

— Куда вы сегодня едете? — перебил его отец.

— Пока на станцию, а там сядем на поезд...

— Куда?

— Не знаю, куда придется.

Отец отпустил их, а сам немедленно в сопровождении нескольких надежных товарищей отправился на вокзал. Отведя в сторону парочку, не успевшую еще уехать, он им заявил:

— Если вы сейчас же не пойдете с нами, мы выдадим вас деникинцам.

Таким путем удалось увести предателей с вокзала в Бароновскую слободку, там задержать и посадить в избушку возле кирпичного завода. Арестованным учинили допрос. Выяснилось, что женщина работала в деникинской разведке. Наша «подпольная ЧК» установила, что шпионка еще не успела выдать своего спутника, так как не выманила у него всех денег...

Это происшествие заставило нас всех насторожиться. Через несколько дней к нам пришла незнакомая девушка и, вызвав меня, спросила:

— Когда у вас собрание?

— Какое собрание?

— Подпольное.

Я решила ее заманить, чтобы узнать, кто она.

— Сейчас, — ответила я просто, — пойдем.

— Нет, я не пойду сейчас.

— Почему?

— Я пойду к маме... — начала она.

Я резко перебила:

— Нет, идите сейчас, — и крепко схватила девушку за руку. Она растерялась. Не дав ей опомниться, я повела ее в Бароновку. Там были наши ребята. Увидев, что я не одна, они испугались.

— Кого ты привела?

— Возьмите и узнайте, — сказала я, передавая им шпионку.

Девушка была совсем молодая и сразу призналась, что ее послала контрразведка. Арестованную повели туда же, где сидели те двое.

Этот случай заставил нас переселить Шерипова на другую квартиру.

Шерипов вступил в партию большевиков всего несколько месяцев тому назад — перед самым отступлением из Грозного. Он подолгу беседовал с моим отцом о том, как лучше и шире развернуть подпольную работу в городе.

Связисты из его отряда всегда заезжали к нам. И вот

однажды, когда у нас ночевали два чеченца — Терпсурхи и Ахмет, — случилось несчастье.

В доме было несколько комнат. Мать спала на кухне, чеченцы — в соседней комнате. Во дворе была собака Белка — чуткая и злая. Она никого не пропускала в дом, и мы на нее надеялись. В эту ночь отец с одним из товарищей ушел спать в сарай на сенник. Оказалось, что жандармы выследили наш дом, отравили Белку и перед рассветом неожиданно и тихо вошли в дом.

Прежде всего они подошли к матери, наставили на нее наган и спросили:

— Где муж?

Мать растерялась, побежала к окну и крикнула:

— Отец!

Пришедшие догадались, что отца в комнате нет. Бросились в сарай. А отец, думая, что мать просто зовет его, стал спускаться с сенника. Охранники его схватили.

Проснувшийся Ахмет схватился за бомбу и хотел кинуться на выручку отца. Увидев это, я, полураздетая, бросилась к нему, выхватила бомбу из его рук, сунула ее под подушку, заставила Ахмета лечь в кровать и забросала его одеждой.

Торопливо одеваясь, я никак не могла найти рукава кофточки. Вдруг, слышу — шаги. В открытую дверь я увидела Шерипова.

— Зачем ты пришел? — еле слышно прошептала я, когда он вошел в комнату. — Отца арестовали.

— Как? Когда? — повернулся он, и страшная бледность покрыла его лицо. Я путанно рассказала ему все.

Шерипов прошел в соседнюю комнату, снял свой белый пиджак, надел старый отцовский, взял со стола салфетку, перевязал ею щеку, вымазал сажей лицо и, надев на голову старую засаленную шляпу, сказал мне:

— Идем.

Мы вышли. На улице увидели жандармов, которые вели моего отца. Один из них направился к Шерипову. Я быстро обогнала Асланбека, бросилась к жандарму и, схватив его за руку, изо всех сил закричала:

— Почему вы забрали моего отца? Отдайте отца!

От неожиданности жандарм опешил и не сразу оттолкнул меня. Шерипов успел тем временем спрятаться во дворе. Выругавшись, контрразведчик зашагал к группе, уводившей отца. Едва они скрылись за углом, я юркнула во двор и догнала Шерипова. Я повела его к Башировой мельнице, откуда можно было выйти на дорогу в Гойты.

Было раннее утро, и за городом мы встретили стадо коров, поднимавшее тучи пыли.

— Ну, я спасен. Дальше меня провожать не надо, — сказал Асланбек и, поцеловав мои косы, добавил: — Иди, девочка.

Я остановилась, но обратно не пошла: посмотрела, уйдет ли Асланбек. А он, взяв хворостину, начал покрикивать на коров. Проезжавшие мимо казаки не обратили внимания на «пастуха». Я вернулась домой и, как могла, успокоила мать. А у самой все думы об отце. Где-то он теперь?.. Что с ним будет?

Через несколько дней я получила письмо от Шерипова. Он был уже в Шатое, где готовил силы для налета на тюрьму. Он просил сообщить о расположении деникинских войск, об их количестве, оружии и т. д.

Одевшись понарядней, я по вечерам стала бродить по улицам. Все рассматривала, прислушивалась к разговорам офицеров и все, что узнавала, через специального человека сообщала Шерипову.

В начале сентября Шерипов неожиданно снова приехал в город. Мы несколько часов беседовали с ним. Затем пришли члены подпольного комитета, и вместе с ними Шерипов разработал план освобождения заключенных.

Вечером, прежде чем уехать из города, Шерипов зашел к знакомой девушке. Там кто-то его узнал, и Шерипов едва успел покинуть негостеприимный дом. Увидев пролетку, он вскочил и, приставив к спине извозчика наган, приказал:

— Вези!

Перепуганный извозчик гнал лошадь до тех пор, пока Шерипов не выехал за город. А в городе контрразведка, узнавшая о пребывании Шерипова, подняла на ноги всех. Было арестовано несколько активных подпольщиков. Нам нельзя было показаться на улицу.

В таких условиях мы не могли больше держать в избушке наших арестованных. Комитет постановил расстрелять их на месте.

В глубоком деникинском тылу мы уничтожили предателей и шпионов. Когда от Шерипова приехал связист Ахмет, я попросила его переправить меня в Шатой.

Я одела чеченский халат, укрылась платком и поехала.

В Гойтах переночевали и дальше поехали верхом. Мне дали бурку и шапку, так что я совсем походила на чеченца.

Был какой-то чеченский праздник, и в аулах мы видели гуляющую молодежь. Здесь, возле Шатоя, деникинцы

не смели показываться. Заставы Шерипова держали их у слободы Воздвиженской. В одном ауле молодежь окружила нас. Нашлись знакомые Ахмета, стали просить остаться и принять участие в их гулянье. Ахмет пытался возразить, но несколько чеченцев подбежали ко мне и стали ссаживать с лошади.

— Не надо трогать, этот молодой человек сам сойдет, — закричал Ахмет.

Я быстро спрыгнула с лошади и, как была в бурке и шапке, направилась к девушкам. Они испугались, шарахнулись. Я распахнула бурку, и девушки увидели платье. Они начали обнимать меня и расспрашивать. Через двадцать минут мы опять сели на лошадей. Нас провожали с пением и музыкой. По дороге заехали к племяннице Ахмета, где тоже задержались. В Шатой прибыли только под утро. Я остановилась у Шерипова. Его сестра очень радушно приняла меня. Мы почти целый день беседовали с Шериповым. Он обещал поторопиться с освобождением заключенных из городской тюрьмы.

— Я сейчас узнал, — говорил Шерипов, провожая меня обратно в город, — что все спокойно. Ты можешь ехать и продолжать работу. Недельку передохнешь, а потом дальше будешь получать задания, а пока ходи, смотри и прислушивайся. Завяжи знакомства и узнай, кого забрали, кто остался, — сведения пришли.

Ночью мы с Ахметом выехали обратно. Дома я снова начала работать, установила связь с отцом.

Но это длилось недолго. Вдруг я получаю письмо из Шатоя, в котором товарищи сообщали, что 11 сентября 1919 года в бою под Воздвиженской убит Асланбек Шерипов. Трудно передать, что пережила я в эти дни. Жаль было Асланбека, и кроме того, казалось, что с его гибелью ушла надежда на освобождение отца, на продолжение борьбы...

Вскоре из Шатоя стали поступать сведения, что товарищи Шерипова продолжают его дело.

Подготовка к освобождению из тюрьмы заключенных не прекращалась. Но предательство в городе и в отряде Шерипова страшно усложняло наше дело.

Так или иначе к началу декабря все было готово. Арестованные по сигналу должны были поднять восстание, а отряд шериповцев в это время — ворваться в город и притти к нам на помощь.

Вначале все шло хорошо. Восставшие сумели перебить тюремную стражу, и часть из них вырвалась из тюрьмы,

в том числе и мой отец. Но деникинцы, предупрежденные шпионами, задержали партизан.

Ночью у церкви я встретилась с отцом. Он был ранен в обе ноги и не мог итти.

— Сейчас же ступай домой, — сказал он мне, — а я скроюсь.

Но скрыться ему не удалось. Его тут же арестовали, всю ночь страшно пытали, а к утру повесили на телеграфном столбе.

Узнав о казни отца, я побежала на Дворянскую улицу. Там стояли казаки с плетками и никого не пускали. Я бегу по бульвару. Вижу, посреди бульвара стоит столб, и на нем висит человек. Подбегаю ближе — отец. Я кинулась к нему, обняла... Не помню, как меня оторвали и привели домой.

Три дня я ничего не могла делать, была точно не в себе. Но затем решила снова итти в разведку. Вдруг с улицы мне кричат:

— Товарищ Ловоцкая, к вам идут.

Я накинула платок, вышла из дому и перешла на другую сторону. Оглянулась — в наш дом входили жандармы. Я пошла на станцию, села в поезд и уехала во Владикавказ. Здесь я прожила до прихода советской власти.

При советской власти я работала в ЧК. Эта работа крепко закалила меня. В 1920 году я вступила в партию большевиков.

Капитан ***ДЕДОВ-ДЗЯДУШИНСКИЙ***

ЗАПИСКИ КОМСОМОЛЬЦА

Ялта — белый солнечный город. Над ней почти всегда голубое небо. Зима там бесснежная, теплая, но дождливая.

Такою же она была и в 1918 году.

В это время белогвардейские офицеры увели из ливадийских казарм татарский эскадрон, сформированный националистической буржуазией для борьбы с советской властью, и организовали вооруженное выступление.

Бои происходили на улицах Ялты, у окрестных деревень Дерекой и Никиты. Извилистые, кривые улички, каменные дома, расположенные по склонам гор, превращались в крепости, которые приходилось брать приступом.

Этот месяц отчетливо запомнился мне. Пятнадцатилетний мальчик, я учился в школе и одновременно работал на табачной плантации. Отец был чернорабочим в винодельных подвалах, и семья наша с трудом сводила концы с концами. Мои знакомые и товарищи стали красногвардейцами. Я тоже страстно мечтал вступить в Красную гвардию.

У ялтинского мола стоял миноносец «Гаджибей», привезший по поручению Крымского рёвкома оружие. Здесь записывали в Красную гвардию и вооружали рабочих. Я примчался туда, однако долго не решался подойти к заветному столу. Наконец, осмелев, подошел к матросу, записывавшему в красногвардейцы. Он выслушал меня и засмеялся:

— Подрасти немного, тогда получишь винтовку.

Я был глубоко оскорблен, но не сдался. Стал уверять матроса, что мне семнадцать лет, хотя я и невелик ростом. Однако мне не удалось убедить матроса, и винтовки он мне не дал. Тогда я бросился к командиру одного из красногвардейских отрядов и повторил ему только что сочиненный рассказ. Командир уступил.

— Будешь подносить бойцам патроны, — сказал он.

Я, конечно, согласился. Но мечта о винтовке не покидала меня.

В военной комендатуре я случайно нашел старинный пистолет. Даже подтрунивание бойцов не могло омрачить мою радость. Пистолет одни называли «пушкой» и «тяжелой артиллерией», другие — просто пугачом.

Однажды я был послан в разведку в деревню Дерекой. Я казался мальчиком лет тринадцати и не возбуждал подозрений. Выполняя задание, я неожиданно встретил на окраине деревни белого солдата, который, спрятавшись за плетнем, обстреливал наши позиции. Он был один. Я быстро нацелился и выстрелил. Когда рассеялся дым, я увидел, что солдат лежит неподвижно. На секунду я опешил, но, сообразив, что он убит, подбежал и схватил его винтовку. Гордый и счастливый, забыв о всех предосторожностях, которым учил меня командир, я сломя голову бросился бежать к своим.

Наткнулся на командира. Он тут же отпустил мне отеческий подзатыльник и пригрозил, что выгонит, если я буду бегать под огнем. Задыхаясь от бега и волнения, я, как настоящий боец, доложил командиру о результатах разведки. Командир разрешил мне носить винтовку. Осуществилась моя пламенная мечта. Но, увы, винтовка была так велика и тяжела, что с болью в сердце пришлось обменять ее на карабин. Теперь я почувствовал себя настоящим красногвардейцем.

Январские бои кончились нашей победой.

После расформирования отряда я вновь стал посещать школу. Но мирная жизнь продолжалась недолго. В апреле 1918 года Крым заняли немцы. Начались пытки и убийства большевиков, грабеж крымского крестьянства. Опустели наши огороды и цветущие сады; овощи и фрукты, не успевшие еще созреть, вывозились в Германию.

Большевики ушли в подполье.

Я и несколько моих сверстников — товарищей по отряду — организовали в школе подпольную группу. Ребята принимались в нашу организацию очень осторожно, и все же она выросла до 22 человек. Союза молодежи еще не существовало, и мы гордо называли себя большевиками. Дела у нас было много. Мы готовились встретить Красную Армию не с пустыми руками — таскали у немцев и белогвардейцев патроны, ручные гранаты и прятали их в укромных уголках — на чердаках, в подвалах, закапывали в садах, огородах. Использованы были и многочисленные пещеры в окрестностях Ялты. Нам удалось раздобыть даже две винтовки германского образца и части пулемета.

Где только можно было, вели мы агитацию против интервентов и белогвардейцев. Агитация попадала на благодарную почву. Трудно описать ненависть крымского населения к немцам и белым.

Мы не ограничивались устной агитацией и выпустили три листовки. Конечно, сейчас эти листовки показались бы наивными. Помню, как они готовились.

У нас во дворе был каменный сарай. Свет туда проникал сквозь щели дверей и зарешеченное маленькое окно под крышей. Там мы с товарищами на листах из школьных тетрадей выводили акварельной кисточкой пламенные строчки. Писали мы листовки днем, расклеивали их ночью на домах, у фонтана на Верхней Лутке, на Шулеме и даже на базаре. Выходили обычно вдвоем, один был на-чеку.

За месяц до прихода Красной Армии произошел такой случай. У нас в школе преподавал закон божий поп Леонид Колчев. Его дети служили в белой контрразведке. Однажды на уроке он прочел нам воззвание патриарха Тихона, в котором тот жаловался, будто он заточен, и предавал анафеме советскую власть. Патриарх жил в Москве, в Донском монастыре.

— Как же вы получили воззвание, если он заточен? — не выдержал я. Весь эффект воззвания, конечно, пропал.

Спустя некоторое время я и несколько моих товарищей

были попом Колчевым всенародно отлучены от церкви. Эта комедия означала, что о нас знают в белой контрразведке. Пришлось, не теряя ни минуты, скрыться из Ялты. Я с товарищем Содиным ушел в деревни Кучук-Кой и Биюк-Ламбат. Части Красной Армии вошли туда раньше, чем в Ялту, и с ними вместе я вступил в родной город. Это было в апреле 1919 года.

Торжественно открыли мы наши «артиллерийские» склады, и свезли в штаб кавалерийского отряда Котова целый воз боеприпасов и оружия, которые оказались очень ценной находкой. Мы стали приставать, чтобы нас зачислили в полк красноармейцами, но ничего не вышло: от комиссара мы услышали все тот же старый, возмущавший нас совет — подрасти и подучиться.

Ялтинские большевики организовали уездный комитет партии. Считая себя тоже большевиками, мы обратились туда, и через несколько дней нам было предложено организовать ялтинский союз молодежи. Наша созданная в подполье группа явилась основным ядром ялтинского комсомола. Мы объединились с подпольной группой молодежи, организованной другими товарищами, привлекли еще много хороших ребят и организовали ялтинский коммунистический союз пролетарской молодежи. Секретарем комсомольского комитета избрали меня.

Теперь закипела настоящая работа. Мы разослали своих ребят по советским учреждениям — они стали живой опорой советского аппарата.

Реквизицию и конфискацию у местной буржуазии производили обычно наши комсомольцы. Они проявляли при этом много гибкости и находчивости. Редко удавалось ялтинским буржуям спрятать от нас свои ценности.

Мы ездили по Ялтинскому уезду, помогая организовать союз молодежи. В Алуште пришлось провести борьбу с еврейской меньшевистской организацией молодежи — юнгбундом.

В это время в Крыму было очень тревожно. Окружавший Керченский полуостров флот белых и интервентов держал под угрозой десанта все Крымское побережье. Керчь была в руках белых. Ялта — на военном положении.

Всю свою энергию комсомол бросил на обучение молодежи военному делу. Члены союза проходили боевую подготовку при ударном коммунистическом батальоне. Наших комсомольцев можно было встретить всюду — в разведке, в дозоре, в патруле. Они несли охрану города и выпол-

няли различные поручения уездного комитета партии, совета, штаба и других организаций.

★

В июле 1919 года на Ялту наступали деникинцы. Пришлось эвакуироваться. Наша группа, состоявшая из девяноста комсомольцев, отступала вместе с ударным коммунистическим батальоном. Отступали с боем. Белогвардейские отряды нападали на наш растянувшийся обоз, в составе которого было свыше трехсот тяжело больных политкаторжан, лечившихся в Крыму после возвращения из царских тюрем и ссылок.

Алушта была уже занята, и мы отступали через Бахчисарай и Симферополь. Офицерье и буржуазия стреляли в нас из окон домов, но мы пробрались к станции железной дороги. Горели склады, подожженные снарядами. Удалось захватить каким-то образом сохранившийся поезд. Спешно погрузили больных и раненых на платформы, и поезд медленно двинулся к Джанкою. От Симферополя до Джанкоя мы плелись всю ночь.

На станции Джанкой мы узнали, что белые прорвали акманайский фронт и могут отрезать дорогу нашему обозу. Нужно было во что бы то ни стало задержать деникинцев хотя бы на сутки. Поэтому командующий армией приказал всем способным носить оружие отправиться на фронт. Все уцелевшие коммунисты и комсомольцы (около 300 человек) были вновь сформированы в батальон.

Каждому комсомольцу хотелось туда попасть. Это было делом чести. Однако нас, человек пятнадцать-двадцать, забраковали. Опять услышали мы это злосчастное «подрастите». Я был глубоко взволнован, глядя, как коммунисты быстро разбирают патроны и садятся в теплушки. Боль и обида усилились, когда я увидел, что Женя Левин, мой товарищ, немногим старше меня, отправляется с отрядом к маршрутному поезду. Оставаться было невыносимо. Мы, т. е. комсомольцы, которых не взяли на фронт, заранее сговорились, что как только поезд двинется — вскочим в теплушки. При помощи товарищей из вагонов это блестяще было осуществлено. Не повезло только Владику Трофимову. Его стянули с поезда за штаны, и парень так и не попал в тот раз на фронт.

Наш состав подошел к станции Калай, где был жаркий бой. Его вели с вооруженным до зубов противником матросский

отряд и небольшая кавалерийская группа. Они измотались и начинали уже сдавать. Наш отряд занял боевые позиции. Тут же у полотна железной дороги мы рассыпались в цепь и, увлекая за собой отступающих бойцов, бросились в атаку на белых. Несколько раз пулемет белых останавливал наше движение, но коммунисты и комсомольцы вновь поднимались, увлекая за собой бойцов. Бой с переменным успехом длился почти весь день. Наконец белые побежали, не приняв штыкового боя. Задача, поставленная перед нами командованием, была выполнена.

В одной из атак я был ранен. Меня везли на тачанке к санитарному поезду.

Шальной снаряд взорвался рядом с тачанкой, и я потерял сознание. Придя в себя, я узнал, что из девяноста комсомольцев, участвовавших в бою, уцелело не больше пятнадцати. Остальные погибли смертью храбрых.

★

В августе 1920 года Украинский центральный комитет направил меня на работу в тыл к Врангелю.

По решению Центрального комитета партии и командования фронта в Харькове была создана группа в составе Папанина, Мокроусова. Я должен был добраться до Новороссийска и вместе с этой группой переправиться в Крым для работы среди местных партизан.

После недолгих сборов начал пробираться в Новороссийск. Кулацкое восстание в одном из районов несколько задержало меня. И когда я явился в штаб, кажется, Богучарской дивизии, то узнал, что группа уже выехала, и мне приказали вернуться обратно для получения нового маршрута. Как впоследствии выяснилось, это была первая неудавшаяся поездка группы Папанина в Крым, когда у них испортился мотор катера и они чуть не попали в плен к белым. Спаслись только благодаря находчивости Папанина. Положение было критическое: мотор еще не починен, а впереди сторожевое судно. Белые сигналят, чтобы катер приблизился. Пока шли переговоры флажками, Папанин успел починить мотор. Товарищи выбросили красный флаг и полным ходом направили катер на белое судно. Белогвардейцы струсили, повернули назад и позорно бежали.

Когда я вернулся в Александровск, где было бюро Заграничного отдела, мне было дано задание перебраться через Чонгар или Перекоп и разведать возможность прохода наших работников через эти пункты. Попутно от штаба

армии я получил задание провести разведку Чонгарских укреплений.

После изучения обстановки и детального ознакомления с расположением белогвардейских частей я выбрал для прохода фронта район Ногайска, где было очень длительное затишье и не было скопления белогвардейских частей. Местная ЧК и особый отдел одной нашей дивизии помогли мне найти болгарского крестьянина, который привез продавать в Ногайск соль. После недолгих переговоров этот товарищ согласился перевезти меня под видом своего племянника на территорию белых. Мы благополучно перебрались через фронт. После Ногайска я стал двигаться к Перекопу уже по территории белых.

Я выдавал себя за реалиста четвертого класса, пробиравшегося в Крым к своему брату — офицеру-корниловцу. Одет я был в сильно поношенную форму, в запасе было крестьянское платье.

Проходя через одно из крупных селений южнее Мелитополя, познакомился на ярмарке с греком-спекулянтом. Я не плохо говорю по-гречески. Пожаловался, что меня обворовали, просил помочь. Грек согласился довезти меня до Симферополя с условием, что я буду ухаживать за его свиньями, которых он закупил. И вот я перебрался через Чонгар в дилижансе грека в роли свинопаса. На пропускном пункте мы увидели одного из ялтинских контрразведчиков. К счастью, я так был забрызган пойлом для свиней, что он меня не узнал. По дороге я уж постарался, чтобы меня как можно больше забрызгало.

У меня были явки в Симферополе и Керчи, но они оказались провалеными. Я чуть не угодил в деникинскую контрразведку. Пришлось бежать из Керчи. После ряда приключений я встретился, наконец, в деревне Коуш с красными партизанами.

Это был 1-й кавалерийский полк Крымской повстанческой армии, состоявший из 41 человека. У нас существовали малочисленные отряды, даже в десять-пятнадцать человек, например, татарский полк, наводивший страх на белогвардейцев. Они писали в сводках, что в лесу прячутся 25 тысяч красных партизан.

После Коуша наш полк перешел в район Алушты и свернул на Симферополь. Через несколько дней мы встретились с самым крупным по своему составу — 3-м Симферопольским стрелковым полком. Находившийся там представитель Крымского областного комитета направил меня для

партийной работы в подрывной отряд повстанческой армии.

В подрывном отряде половина бойцов была в возрасте от пятнадцати до девятнадцати лет. Остальные — «старики», побывавшие на империалистической войне. Коммунистов было трое и комсомольцев — пятеро.

Глубокой осенью 1920 года наш подрывной отряд получил боевое задание от штаба повстанческой армии — взорвать врангелевский воинский поезд. От симферопольских железнодорожников штабом были получены сведения о том, когда пройдет этот поезд на отрезке Симферополь—Бахчисарай.

Мы установили надзор за станцией Альма и прилегающим к ней участком железнодорожного полотна. С наступлением темноты наш отряд с тысячью предосторожностей подошел к одному из курганов, недалеко от выемки. Четверо товарищей, в том числе и я, пробрались к полотну железной дороги и начали подготавливать его к взрыву. Десятки раз прерывалась наша работа проходящими белыми патрулями, о появлении которых нам сигнализировали товарищи, наблюдавшие за белыми с кургана. Наконец наша «адская машина» была установлена, все подготовлено к взрыву. В это время где-то со стороны Альмы, противоположной Симферополю, зазвенели рельсы.

Мы замерли в ожидании поезда. Прошло несколько мучительных минут. Настойчивые сигналы товарищей заставили нас отползти к кургану. Наконец со стороны Альмы приблизилось то, что из-за темноты было принято нами за поезд. Это была автодрезина, которую, как видно, белые выслали для разведки.

Весь отряд замер в ожидании взрыва. Автодрезина проскочила выемку. Взрыва не последовало. Забыв об осторожности, мы бросились к месту, где был заложен заряд, и, вытащив его, начали устанавливать, почему он не взорвался. Оказывается, в спешке мой товарищ Ваня не заложил дубового клинышка, который должен был подбить вилотную к рельсам взрыватель. Из-за легкости дрезины взрыва не произошло. Трудно передать радость, охватившую весь отряд. Мы вновь еще более тщательно заложили снаряд, отползли в сторону кургана и стали ждать поезда. Прошло несколько минут, показавшихся вечностью. Но вот со стороны Симферополя послышался гудок паровоза. Поезд шел по крутому спуску и давал поездной прислуге сигналы торможения.

Прямо перед глазами появился ярко освещенный поезд с классными вагонами. Оглушительный взрыв потряс воз-

дух — на нас полетели комья земли, доски, камни... Взрыв был исключительной силы оттого, что к составу были присоединены вагоны со взрывчатыми веществами.

Весь поезд взлетел на воздух, и врангелевцы трое суток разбирали этот «завал». Мы совершенно забыли, где находимся. С криками «ура» бросились к месту взрыва, и только пулеметная стрельба со стороны Альмы остановила нас.

Боевое задание было выполнено. Позднее мы узнали, что в одном из вагонов ехала часть врангелевского штаба с довольно большой группой офицеров.

Капитан И. ПАРХОМЕНКО

ПО СТОПАМ ОТЦА

Царское правительство чинило расправу над участниками 1905 года. Отец мой был начальником боевой дружины рабочих завода Гартмана. В дни еврейских погромов вооруженные рабочие разогнали черносотенцев и тем самым сохранили жизнь сотен невинных людей.

В ноябре 1906 года жандармы увели отца в Луганск.

Вскоре отец вернулся домой, измученный и худой. Спустя четыре года его снова посадили в тюрьму. Пробыл он там значительно дольше, чем в первый раз. Мы с матерью жили в тридцати километрах от Луганска, в деревне. Помню, как мы приходили к отцу. Между двумя решетками, отделявшими нас от отца, находился стражник. Мать передавала меня стражнику, а тот — отцу. Запомнились крепкие, жесткие отцовские руки. Он улыбался мне, целовал и колол бородой. Мне хотелось плакать, хотя ничего, кажется, я не понимал. Но стоило взглянуть на стражника — и слезы застывали на глазах.

В 1916 году отец, уже вышедший на свободу, был мобилизован. На фронт его не отправили — боялись, что занесет революционную «заразу». Я видел кругом врагов своего отца, и они становились моими врагами. Толстый, жирный поп ругал отца нехорошими словами, а сын его — пухлый семнадцатилетний паренек — грозил мне громадным шестом, которым он гонял голубей, и не давал прохода на улице. Я решил отомстить: забрался к нему на голубятню и украл самых лучших голубей. Поп поймал меня и свел в участок. Там он заявил, что я не просто воришка, а сын революционера.

Мне было стыдно за воровство. Вечером вызвали на допрос. Голуби были у меня в кармане. Боясь, что они задохнутся, я их тут же выпустил. Полицейские стали смеяться надо мной и приказали влезть на шкап.

— Начальство приказывает, — говорит поп, — лезь.

Я полез, но сорвался и упал. Приказали лаять по-собачьи. Начальство приказывает — ничего не поделаешь, и я стал лаять. Думал, поиздеваются и отпустят. Поп приказал мне кукарекать. Неподалеку на шкапу, где я сидел, лежал старый револьвер, я и положил его незаметно в карман. Ночевать меня отправили в общежитие полицейских. Я не спал— приглядывался к окружающему. Вижу, висят на стене два нагана и шашки. Решил их забрать и бежать с приятелями на фронт. Но пришел полицейский и увел меня. Сдали матери под расписку.

Этот случай навсегда мне запомнился.

В 1917 году отец мой вернулся и сразу же включился в большую революционную работу. Вскоре он стал начальником Красной гвардии. Я часто ходил к нему в штаб. Помню, с каким трудом добывали каждую винтовку, как вооружались рабочие. В штаб приходили и фронтовики. Некоторых разоружали, так как неизвестно было, в чьи руки попадут их винтовки — может быть, к меньшевикам или гайдамакам. Отец приходил домой поздно ночью, но и тогда не приходилось спать. Вдруг среди ночи стучат и сообщают: бандиты громят водочный склад. Нужно было наводить порядок.

Явились однажды в штаб анархисты и потребовали разрешения взять «контрибуцию» у буржуазии. Отец наотрез отказал им, говоря, что советская власть сама возьмет контрибуцию, когда найдет нужным. Перед отправкой бронепоезда анархистов отец пошел на станцию. Внезапно несколько человек набросились сзади на отца и силой втащили его в вагон. Анархисты хотели его расстрелять, но отец прочел им такую «нотацию», что они совсем озверели и решили сжечь его в паровозной топке. Отец не испугался. В ожидании казни он смело бросал анархистам простые и правдивые большевистские слова. Совершенно неожиданно те стали советоваться между собой, поругались, подрались даже и... выбрали отца своим командиром. Однако и тут Пархоменко остался верен себе.

— Вы же анархисты! — закричал он. — Вы же бандиты. Вы не желаете подчиняться.

Анархисты обещали соблюдать порядок и дисциплину. Отец направил бронепоезд на фронт.

И. Пархоменко

Начались бои с немцами, захватившими Украину. Перед эвакуацией Луганска отец был вместе с товарищем Ворошиловым. Бронепоезд и руководимый Пархоменко небольшой отряд красногвардейцев прикрывали отступление. Ворошилов сам стоял у орудия, и орудие с изумительной точностью било по приближавшейся немецкой пехоте. Отряд Пархоменко притаился под невысоким холмом, готовясь встретить интервентов в штыки.

Неожиданно немецкий снаряд ударил в бронепоезд. Кто-то из красногвардейцев закричал:

— Ворошилова убило!

Пархоменко бросился к бронепоезду. Но командарм был жив, только ранен в лицо. Кровь просачивалась сквозь наскоро сделанную повязку. Ворошилов спрыгнул с площадки бронепоезда, потрясая наганом:

— В атаку!.. За Украину... Бей интервентов!

Красногвардейцы подхватили клич любимого командира и бросились на врагов.

Передовой отряд немецких захватчиков был совершенно уничтожен.

Под напором врага вместе с 5-й армией отец отступил к Луганску. Мы с матерью поехали на север через Воронеж. Остановились в Самаре. Вскоре Самару захватили белые. Оставаться в городе было опасно. Мы выдавали себя за беженцев империалистической войны, которых здесь было много. Они валялись на вокзале, на пристани, пухли от голода, умирали. В Самаре мы встретили луганского товарища, скрывавшегося от белых. Он не имел ни явки, ни убежища. Каждый день его ожидали арест и быстрая расправа. Мать решила его спасти. У нас был отцовский паспорт. Пархоменко здесь не знали, и мать объявила нам, что товарищ поедет с нами под видом отца. Помню, мы никак не могли уговорить шестилетнего братишку Евгения, чтобы он называл луганского товарища отцом. Евгений очень любил отца и не понимал нашей конспирации.

В день отъезда из Самары товарищ пришел к нам на баржу перед самым отплытием. Плыли мы по Волге две недели. Почти на каждом километре нас останавливала застава белых. Начинались обыски, забирали людей и тут же на берегу расстреливали. Мы ожидали своей очереди. Положение было тем более опасным, что братишка все еще отказывался называть товарища отцом.

Нестерпимо пекло солнце. Мы голодали. Даже кипятку не было. Началась холера. Рядом лежали умирающие. Баржи медленно подвигались вперед, к советской территории. «Отца» мы оставили на фронтовой полосе, а сами поехали в Москву. Что будем делать там — мы не знали. Знали только, что там Ленин, советская власть — а это было главное.

На Курском вокзале встретили знакомого луганчанина. Мать присела на скамейку, чтобы заштопать ему гимнастерку, и вдруг почувствовала себя плохо. Кое-как поплелись мы по городу. Земляк довел нас до «Метрополя» и достал номер. Вечером мать окончательно свалилась. У нее началась холера. «Скорая помощь» увезла ее неизвестно куда. Начались тяжелые дни. Денег у нас не было. Чтобы заработать на пропитание, я таскал на вокзал чемоданы пассажиров. Братишка помогал мне.

С отцом встретились неожиданно.

Мы с ребятишками играли у входа в «Метрополь». Вдруг подъезжает машина, и из нее выходит человек в военной форме. Взглянул я и обмер от радости:

— Отец! Папа...

— Ванюшка!.. Женя!.. — Отец схватил нас на руки и стал

покрывать поцелуями. Он приехал в Москву к Ленину с письмом от Сталина относительно снабжения царицынского фронта. Он рассказал нам, как хорошо принял его Ильич. Ленин дал отцу свою машину и приказал в случае надобности звонить ему во всякое время. Скрытые враги всячески тормозили снабжение фронта. Нужна была помощь Ильича. Ленин очень интересовался положением в Царицыне. По его инициативе был послан туда товарищ Сталин. Во всех этих делах я тогда плохо разбирался.

Вернулась из больницы мать. Вся наша семья снова оказалась в сборе. Но недолгой была радость. Ночью зазвонил телефон:

— Ленин ранен.

Все повскакали с постелей, схватили наганы и винтовки. Ожидалось выступление эсеров. Страстно хотелось отомстить за Ленина этим подлым врагам народа.

Вскоре мы уехали на фронт.

Вместе с товарищем Ворошиловым отец все время разъезжал по фронту. Мы жили в самом штабе. Член Реввоенсовета товарищ Щаденко подарил мне револьвер и шашку.

— Ну, мать, — шутил отец, — скоро мы тебе купим четверть молока, а сами с хлопцами — по коням.

С переводом Ворошилова на Украину мы переехали в Харьков. Ехали туда долго. Прямая дорога была отрезана белыми. Из Москвы выехали вместе с Временным украинским правительством в Харьков. В 1919 году началось наступление Деникина на Харьков. Семья наша уехала в Орел, отец остался — он командовал боевым участком сумского направления. В Орле нам пришлось туго и с пищей, и с жильем. Кое-как устроились в какой-то халупе. Дверь была такая низкая, что даже нам, мальчишкам, приходилось при входе нагибаться.

Решили ехать обратно к отцу. После долгих мытарств нашли его в Сумах. Не успели поздороваться — слышим взрыв. Это наши части взорвали мост, чтобы остановить наступление белых на Сумы. Наш эшелон перешел на следующую станцию. Тут было невероятное скопление санитарных поездов, обозов. Белые стали обстреливать наш эшелон артиллерийским огнем. На станции люди метались в панике. Машинисты отцепили паровоз и собирались удрать. Отец выскочил из вагона с маузером в руке и задержал их. Начали выводить эшелоны на линию. Последним тронулся наш штабной поезд. Братишка стоял у открытого окна и после каждого пушечного выстрела восторженно кричал:

— Перелет!.. Недолет!

Отца отправили в Самару, затем отозвали в Серпухов, в Первую конную, потом в 1920 году послали в Таганрог формировать дивизию против поляков. Здесь я видел отца в последний раз. Накануне своего отъезда он проводил меня в Луганск, посадил в тачанку, и тут мы расстались. Никто из нас не думал, что больше не увидимся.

— Нет еще такой пули, которая могла бы сразить меня,— шутил отец, и невольно верилось этому.

Я сел в бронепоезд, шедший в Луганск на ремонт. Мать уехала с отцом на фронт, брата отправили в деревню. Так вся наша семья разъехалась в разные стороны.

Через полгода я узнал, что отец зарублен махновцами. Я не плакал, только сжал кулаки, стиснул зубы. На фронт! Отомстить убийцам! Бить беспощадно белых!

Через неделю мать и уполномоченный Первой конной Михайлов привезли тело отца в Луганск. Здесь и был похоронен Пархоменко. На его могиле я дал клятву бесстрашно итти по стопам отца — по-отцовски бороться с врагами народа и быть таким же, как он, бесстрашным большевиком.

После смерти отца нам выдали в штабе двух лошадей и воз ячменя. Мы уехали в наше родное село Макаров Яр и стали сеять хлеб. Однажды на село налетела банда Каменюка. Нам удалось спрятаться. Однако дольше жить в деревне было невозможно. Бандиты, которыми кишела в то время Украина, искали нас, чтобы убить. Пришлось перебраться в Луганск. Там я стал учиться в школе комитета незаможных селян, брат поступил в фабзавуч.

В 1921 году я вступил в комсомол. В 1923 году приехал в Москву продолжать учебу. Положение мое было трудное. Вспомнил я тут отцовские слова. «Если что случится со мной, — говорил отец, — обращайся к Сталину и Ворошилову».

Долго не хотел я беспокоить товарища Сталина. Но однажды все же решился и позвонил в Кремль, прямо на квартиру. Мне ответили. Я сказал, кто я и зачем мне нужен товарищ Сталин. В это время Сталин сам взял трубку. Я оробел и смутился.

— Знаешь, где находится ЦК?—спросил товарищ Сталин.— Приходи ко мне завтра.

И вот я у Сталина. Просить вдруг стало неудобно. Стою, молчу. А он, видно, поняв мое состояние, улыбается и расспрашивает обо всем: где я живу, чем занимаюсь, что поделывает

семья, — расспрашивает так, как умеет только Сталин. Сказал, чтобы я зашел через несколько дней. Я пришел в точно назначенное время. Сижу в приемной. Посетителей много — человек тридцать. Это было в период борьбы с контрреволюционным троцкизмом. Я знал, как много работает товарищ Сталин, и опасался, что он не успеет меня принять. Вдруг слышу:

— Пархоменко, войдите.

На письменном столе, за которым сидел Сталин, уже лежал запечатанный конверт. Товарищ Сталин протянул его мне.

— Пойдешь во ВЦИК, в секретариат, там все устроят. — Еще раз справился о нашей семье. Потом, когда отмечали мне пропуск, взял мою руку и долго держал в своей.

— Нет ли у нас бланка, чтобы прямо в Кремль пройти!— спросил он у секретаря и обратился ко мне:

— А знаешь ли ты, где Кремль и ВЦИК?

Я не хотел затруднять товарища Сталина и ответил, что знаю. Но он подробно объяснил, куда итти, где повернуть.

Эта незабываемая встреча с вождем партии и трудящихся родила во мне гордую мечту стать командиром Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В 1928 году я поступил в Военно-техническую школу военно-воздушных сил в Ленинграде. Окончив ее, работал авиационным техником. В 1931 году вступил в ВКП(б). Затем стал учиться в Военно-воздушной академии. Сейчас заканчиваю командный факультет. Брат мой тоже командир, учится сейчас в летной школе.

В день пятнадцатилетия Первой конной моя семья была приглашена в Кремль на празднование. Ворошилов представил нас Сталину. Знакомясь с моей матерью, товарищ Сталин сказал:

— О, мать молодая — и два сына-летчика!

И тут же вспомнил, как я приходил к нему в Центральный комитет.

Скоро я и брат заканчиваем учебу.

Мы так же, как и миллионы других, воспитаны великим Сталиным и любимым наркомом Ворошиловым на традициях наших отцов, на традициях партии Ленина — Сталина, на традициях Первой конной. Когда потребуют партия, рабочий класс и великий Сталин, мы поведем наши воздушные корабли в бой на защиту любимой родины, отвоеванной у эксплоататоров кровью наших отцов.

Мы беспощадно будем громить вражеские полчища, если они посмеют посягнуть на нашу любимую родину.

ПОДПОЛЬНАЯ ТИПОГРАФИЯ

Пекарня. Из окна видны ноги, обутые в короткие тупоносые сапоги. Через несколько секунд слышен их топот по лесенке.

— Кажется, снова немцы к нам жалуют, — говорю я хозяину. — Пиши убытки.

Вошли немецкие солдаты, взяли по четыре буханки свежего румяного хлеба и молча направились к выходу.

— А деньги? — робко напомнил хозяин.

Лицо его приняло умильное выражение. Он до ужаса боялся немцев... Один из солдат вернулся и смущенно положил на прилавок никелевую монету.

— Совесть заговорила. Видно, рабочий, — сказала я пекарю.

— Что вы там говорите про рабочих? — послышался из кассы уже далеко не робкий бас хозяина. — Опять со своей пропагандой!

Вечером я получила расчет.

★

Мне было восемнадцать лет — в эти годы люди не поддаются отчаянию. Я вышла. На улице екатеринославская буржуазия чувствовала себя празднично. По проспекту неслись лихачи и гуляла нарядная толпа. Позванивал дребезжащий открытый трамвай. По мостовой мерно шагал немецкий отряд. Из сада Английского клуба доносились звуки вальса Штрауса — это играл военный оркестр саксонцев.

«Пора за работу, — подумала я решительно, — довольно околачиваться...»

Екатеринославские большевики, ушедшие в подполье, организовали кружок революционно настроенной молодежи — «клуб Спартак». Клуб был бродячий. Чаще всего большевики собирались под разными предлогами в помещении бундовского клуба, существовавшего легально на основе устава, утвержденного немецким комендантом.

Бундовцы недвусмысленно косились на непрошенных гостей — коммунистов, но избавиться от них не могли: доносить боялись, а изгнать коммунистов собственными силами было невозможно — это значило разогнать всех рабочих.

Я направилась в бундовский клуб. Там всегда можно было встретить кого-нибудь из своих. Как только я вошла, меня встретили двое знакомых:

— Здравствуй, Мария!

— Здравствуй, Исачок! Здравствуйте, товарищ Макс Фарбер!

— Мария, мы тебя уже несколько дней разыскиваем.

Исачок и Фарбер были екатеринославские большевики. Я ушла с ними в дальний конец коридора, и там Исачок рассказал мне, в чем дело.

— Понимаешь, Мария, без типографии нам нечем дышать. Кассы со шрифтом уже раздобыли, они сложены у одного товарища на Казанской. Теперь остановка за квартирой. Можешь ли ты нам помочь в этом деле?

Я задумалась, перебирая в памяти своих немногочисленных знакомых. Такое ответственное дело можно доверить очень немногим. В Нижнеднепровске жил мой брат с женой— оба члены партии с 1907 года. Я решила посоветоваться с ними и немедленно отправилась туда.

Через несколько часов я вернулась, и мы с Исачком разработали подробный план действий.

Завтра кассы, шрифт и все типографские принадлежности должны находиться уже на новой квартире. Исачок наймет самого шикарного извозчика, парного, на «дутиках», — так назывались резиновые шины. Извозчику он скажет, что женился и перевозит жену в свой дом в Нижнеднепровске. Жена его богата, у нее много платьев, белья и других вещей. Придется, может быть, съездить туда и обратно раза два или три...

Так и сделали. И когда в шикарной пролетке мчались мы по проспекту, бульварные зеваки долго провожали нас глазами.

Извозчик остановился на углу проспекта и Садовой. Я сошла с фаэтона и остановилась у навеса фруктового погреба. Пока мальчик отвешивал виноград, груши и яблоки, я внимательно оглядела всю улицу.

Улица была залита солнцем. Тишина полная. Поблизости не было ни одного экипажа.

— Ну, пошел!

Кони рванули и понеслись. Вот и вокзал, а вот — ослепительное сияние Днепра. Медленно ползет пароход под мостом. Там, за мостом — Нижнеднепровск, где жизнь спокойнее и тише, где за версту можно заметить приближение патруля.

В Нижнеднепровске экипаж остановился у домика с вывеской «Акушерка». «Молодых», как видно, ждали. Мужчины и женщины выбежали нам навстречу. Радостные возгласы и поцелуи. Все начали громко суетиться:

— Макс, Исачок, давайте корзинку! Женщины, постерегите чемодан! Осторожно — здесь посуда!

Тяжелые корзины выгружались с такой легкостью, как будто и в самом деле они были набиты брюссельскими кружевами...

★

— До оборудования под типографию вот того домика во дворе будем печатать здесь, — сказал брат, когда все «приданое» было перевезено и мы отпустили извозчика. — Это — моя столовая. Здесь мы поставим цветы, накроем стол скатертью. Стол будет служить нам для печатания. А если случится тревога, недолго накрыть скатертью и поставить цветы.

У нас было боевое задание: напечатать воззвание к немецким солдатам.

Весь вечер и всю ночь шла разборка шрифтов. Утром пришли два товарища из Екатеринослава набирать и печатать.

Текст воззвания на немецком языке был набран в несколько часов. Еще несколько часов ушло на маскировку громоздкого оборудования. Кассы решили спрятать под перины двух детских кроватей, стоявших в этой же комнате.

Однако нечаянное происшествие, случившееся утром следующего дня, едва не погубило все дело. В комнату неожиданно с криком влетел мой маленький племянник Марк:

— Немцы, немцы идут к нам во двор!

Как раз в эту минуту я решала с невесткой немаловажный вопрос: кому быть «хозяйкой» квартиры.

— Мне пока не следует показываться в городе, — доказывала я. — Возможно, что меня кто-нибудь заметил, когда я перевозила шрифт. Будучи же хозяйкой, я и не должна никуда показываться. Буду помогать работать — накатывать и...

Крик мальчугана прервал этот разговор.

— Немцы? Что ты говоришь? Куда они идут?

Мы выглянули в окно. В калитку входили немецкие солдаты. Их было человек десять. Отрядом командовал фельдфебель.

Войдя во двор, немцы остановились в нерешительности. Один из них держал в руке какую-то бумажку, вероятно, с адресом. Он внимательно поглядел на вывеску «Акушерка» и кивнул головой стоявшему рядом молодому солдату:

— Да, это здесь. Приступайте к обыску.

— Но здесь два дома...

Действительно, во дворе было два дома. И в каждом, несомненно, были жильцы. Фельдфебель кинул взгляд туда и сюда. Дом напротив имел неприступный, суровый вид. У нас дверь была открыта настежь. Марк забыл ее затворить. В квартире все дышало уютом и довольством. Вероятно, поэтому немцы так решительно направились к дому напротив. Они стучали в окна и в дверь. Перепуганные жильцы долго не открывали. Только когда в дверь посыпались частые удары прикладов, она распахнулась, и немцы вошли внутрь.

★

Вся суматоха продолжалась не более десяти минут. Этого было достаточно. Кассы со шрифтом в один миг оказались под матрацами детских кроватей.

— Марк, скорей раздевайся, ложись в постель и сделай вид, что ты спишь.

А это что? Как раз подходящая вещь: готовый набор воззвания к немецким солдатам! Набор был моментально рассыпан, а шрифт в мешочке Марка положен к нему под подушку.

— Что там за шум? В чем дело? — донесся из спальни голос брата. Он только что проснулся. С вечера он чувствовал недомогание, полоскал горло и принимал аспирин.

— Лежи, как лежал, — приказала ему жена. — Немцы во дворе, сейчас придут к нам. Должно быть, плановый обыск. Мы все уже спрятали. Вот тебе еще пузырьки и грелка и, пожалуйста, лежи.

Исключительную инициативу проявила в этот момент наша мать.

— Дай мне все, что у тебя есть, Мария, все бумажки, которые могут тебя погубить. Я все вынесу, меня никто не заподозрит.

Я собрала все оригиналы, присланные из центра, и отдала их матери. Старушка спрятала пакет у себя на груди, заковыляла через двор, ни на кого не глядя, и медленно двинулась вдоль улицы по направлению к Днепру.

Через минуту в сенях раздался топот, и в комнату вошли

уже знакомые нам немецкие солдаты. У них был обескураженный, разочарованный вид: перевернув все в доме соседей, они ничего не нашли. Видно было, что энергия их уже иссякла.

— Прошу прощения, — сказал молодой солдат с нашивками. — Эти проклятые большевики доставляют нам столько забот. Приходится вот ходить с обыском к порядочным людям... Унтерзухунг, энтшульдиген зи [1].

— Что ж, мы понимаем, — ответила я, стараясь изобразить на своем лице самую милую улыбку. — Время военное. Иначе, конечно, и нельзя. Ну, что же, смотрите.

Опасливо покосившись на больного, немцы заглянули на всякий случай под кровать и пошли на кухню. Запах сдобного теста их окончательно расслабил.

— Кухен, — сказал один из солдат, и остальные мечтательно улыбнулись.

Я вспомнила пекарню.

— Кухен зинд зер гут [2], — сказала я, тоже улыбаясь, и протянула солдатам целое блюдо с великолепными сдобными коржиками. Лица солдат просияли. Забыв, зачем они пришли, солдаты принялись за угощение.

— О-о-о! — тянул рыжеусый саксонец, значительно подымая вверх указательный палец, и остальные вторили его одобрению.

Наконец они наелись и ушли.

Я закрыла дверь за солдатами и тут же в изнеможении опустилась на топчан. Нервное напряжение разрядилось слезами. Вскоре, овладев собой, я накинула на плечи пальто и вышла на улицу. Вдалеке по дороге к Днепру серели в облаке пыли мундиры немецких солдат.

«Случайность или донос?» На этот вопрос я так и не могла себе ответить.

Я прошлась по направлению к переправе. Пройдя квартал, столкнулась лицом к лицу со вчерашними наборщиками.

— Только что были у нас немцы, — сообщила я им. — С обыском. Должно быть, из контрразведки. Как быть — не знаю.

Наборщики остановились, пораженные.

— Что-нибудь нашли? — спросили они с испугом.

— Решительно ничего. Только воззвание к немецким солдатам придется набирать заново: я его рассыпала.

---

[1] Обыск, извините.

[2] Пирожные очень хорошие.

— Нетрудно второй раз набрать,— сказал один из них,— могло быть хуже. Зато в другой раз они к вам уже не придут.

Так закончился «пусковой период» большевистской подпольной типографии, созданной в Екатеринославе при немцах в 1918 году.

Здесь печатались листовки, приказы, прокламации и даже газета «Донецкий пролетарий». Редактор этой газеты товарищ Берг был захвачен гайдамаками на мосту и накануне прихода красных убит и сброшен на лед.

Типография существовала в домике с вывеской «Акушерка» до самого освобождения Днепропетровска.

В. ЧИБИЗОВ

ПИЯ ЗОЛОТИЛ[1]

(Бобруйское подполье)

Белополяки заняли Бобруйск.

Притаившиеся при советской власти ксендзы, попы, торговцы, помещики и паны выползли из всех темных щелей навстречу войскам пана Пилсудского. «Виват!» — раздавалось на главных улицах, а из рабочих кварталов доносились отчаянные вопли о помощи. Там шла дикая расправа над советскими людьми Бобруйска.

Бобруйский комитет партии большевиков ушел в подполье, и под его руководством рабочие и окрестные крестьяне готовили отпор интервентам. Верным помощником партии в подпольной работе был комсомол.

В низкой комнатушке серенького домика с крылечком, каких много на бедных улицах Бобруйска, сидели за столом молодые парни и девушки. Шло заседание комсомольского комитета. Говорил представитель партийной организации.

— Ребята, партийный комитет поручает вам ответственную работу — распространение литературы и листовок среди населения и польских воинских частей, чтобы знали все трудящиеся и все обманутые панами польские солдаты, что армия Пилсудского — это армия фабрикантов и поме-

---

[1] По материалам редакции «История гражданской войны».

щиков, армия врагов белорусского народа. Но это еще не все, ребята... Партийный комитет доверяет нам охрану партийных и комсомольских собраний от шпиков и жандармов. Для этого немедленно организуйте боевые группы. Будьте бдительны, присматривайтесь к людям. Ни одного непроверенного не допускайте к работе...

Комсомольцы слушали молча, переживая минуты гордого волнения за порученное им большое революционное дело.

— Завтра нужно приступить к работе, — просто сказал маленький Пиня Золотин. — Мы знаем, что многим из нас придется смотреть в лицо смерти. Может быть, панские собаки кого-нибудь и словят, будут бить, мучить и пытать, чтобы он выдал своих товарищей. Но никто из нас не выдаст.— Он взметнул свои карие глаза на друзей.

На следующий день Пиня с независимым видом бродил по городу. Он останавливался у витрин, глазел на заборы, заклеенные рваными афишами. Когда он отходил, на заборе или на витрине белел маленький листочек — листовка.

С базара шел еще совсем молодой торговец, продававший какое-то тряпье.

— Ну, как дела? — спросил Пиня, остановив его. «Торговец» с гордостью начал рассказывать, как ловко он подсовывает своим покупателям листовки.

— Знаешь, Пинька, наши прокламации пойдут прямо на фронт — к польским солдатам. Не веришь? Честное слово...

★

Не только польским солдатам подсунули ребята прокламации. Они не побоялись и жандармов. Листовки были брошены через окна в жандармские казармы.

Стена единственного в городе завода была за ночь вся украшена прокламациями. Польские солдаты соскабливали, а кстати, и читали их — это тоже входило в расчеты молодых конспираторов. Но это было еще не все. На заводской трубе гордо развевалось красное полотнище с надписью: «Вон, оккупанты, с нашей родины!»

Полицейские метались, как разъяренные быки, по заводскому двору, не зная, как добраться до красного знамени, — оно было недосягаемо.

На дворе стали собираться рабочие. Давно не видели они у себя красного знамени. Они молча смотрели на смешную возню полицейских вокруг трубы с красным полотнищем.

За спинами рабочих мелькали веселые глаза шустрого паренька Степы. Он с трудом сдерживал торжествующий смех. Степа прекрасно знал, как забраться на трубу...

★

Вскоре Бобруйский партийный комитет поставил перед комсомолом новую задачу — возобновить занятия в вечерней школе рабочей молодежи, существовавшей до оккупации. Ребята занимались небольшими группами. Партийный комитет выделил для них учителей. Это было очень смелое предприятие. 250 молодых борцов за социализм учились и работали в польском подполье.

Бедная квартира в рабочем квартале...

Посмотришь с улицы в окно — веселая вечеринка молодежи... На самом же деле в одной из комнат готовят воззвания, в другой — слушают докладчика. Вокруг дома гуляют девушки и парни. Это — охрана. На ответственном посту, недалеко от входа во двор, стоит руководитель охраны — Пиня Золотин.

Он напряженно всматривается в даль. Вот показались две девушки. Они идут на собрание. За девушками на почтительном расстоянии следуют два подозрительных субъекта.

Пиня весело направляется навстречу девушкам. Он громко кричит им:

— Долго вы себя заставляете ждать... Я уж собирался уходить...

И, весело балагуря, он увлекает девушек в сторону. Все дальше уходит по улице веселая тройка. За ними бесшумно крадутся шпики, уверенные, что их не заметили.

Поздно вечером, когда собрание кончилось, Пиня вернулся и весело рассказал товарищам, как он целых четыре часа водил за собой шпиков, затем распрощался с девушками и завернул в баню.

Вскоре начались аресты. Стало ясно, что в организацию забрался провокатор. Дефензива расклеила по городу объявление за подписью капитана и коменданта этапной станции Бразулевича, что Камионский, Федоров и Боброва «за организацию коммунистического комитета партизанских отрядов приговорены к расстрелу».

Усиленный конвой увел в крепость избитых, измученных руководителей большевистского подполья — Камионского и машиниста Федорова. Боброва была доведена до такого состояния, что не могла итти; ее принесли к месту расстрела на носилках. Стоя под дулами ружей, Камионский и Федо-

ров запели «Интернационал». К ним присоединился слабый голос привязанной к дереву Бобровой.

И тут случилось неожиданное: польские солдаты отказались стрелять. Обязанности палача выполнил офицер.

После этой казни по городу были расклеены большевистские прокламации. Пиня Золотин и Волчок под видом стекольщиков пробрались в крепость и разбросали воззвания среди польских солдат.

Недалеко от Бобруйска партизаны пустили под откос польский эшелон с военным снаряжением.

На третий день на реке всплыл разбухший труп офицера, расстрелявшего товарищей Камионского, Федорова и Боброву.

★

Ночами жандармы, сыщики и провокаторы из дефензивы рыскали по городу.

Пиня Золотин жил в маленьком домике, на окраине. Поздно ночью послышался легкий стук в дверь. Будто стучит товарищ... Пиня проснулся, прислушался. Стук повторился сильней и настойчивей. Пиня вскочил и бросился к другой двери.

В ту же минуту восемь жандармов ворвались в квартиру и затем кинулись за Пиней во двор. После жестоких побоев, окровавленного, они втащили его в комнату.

★

Нелегко пробиться в камеру суда. Польское командование то и дело меняет караул; боятся, как бы солдаты не заразились большевизмом, охраняя комсомольцев — Пиню Золотина и Блюменталя.

К вечеру кончилась комедия панского правосудия. Конвоиры вывели арестованных из камеры суда.

И снова появились на стенах лаконические объявления капитана Бразулевича о пяти очередных жертвах...

Ряд арестов, вызванных провокацией, не дезорганизовал подпольной работы в Бобруйске. Еще теснее сплотились вокруг комитета члены организации. Еще более окрепла опора в массах. На место выбывших товарищей влились в партию и комсомол новые. Даже те из рабочих, которые четыре месяца назад не принимали участия в подпольной работе, стали теперь оказывать большевистской организации ценные услуги.

Десятое июля 1920 года — памятный и исторический для Бобруйска день: красные полки мощным ударом опрокинули польские заставы, овладели переправой и с боем вступили в город. Бобруйск навсегда стал советским.

«УМИРАЕМ, НО ТОРЖЕСТВУЕМ...»

Одесса в руках интервентов и деникинских банд.

Партия большевиков, коммунистический союз молодежи — в глубоком подполье. Юные подпольщики не покладая рук работают в тяжелых условиях разгула контрреволюции, выполняя задания подпольного большевистского комитета.

Деникинская контрразведка долго тщетно старалась напасть на след смельчаков. Они ускользали в самый последний момент, искусно заметая свои следы. Контрразведчики, доведенные до бешенства, состязались в изобретательности, стараясь выловить молодых героев.

Вот, казалось бы, вчера ночью заводской район был опустошен, как после пожара, весь обыскан и... ничего не найдено. А сегодня, рано утром, на стене, на заборе, фонарях, тумбах — везде, где только можно, белеют листки прокламаций. Злобе деникинцев не было границ.

Но слишком настойчивы были поиски контрразведчиков, до самозабвения были отважны юные подпольщики, и белогвардейская лапа в конце концов настигла их. Было арестовано семнадцать человек. Комсомольцы проявили себя в деникинском застенке героями. Во время пыток сверхчеловеческой силой воли арестованные сдерживали крики и на все вопросы палачей отвечали молчанием. Комедия суда тянулась двое суток. Наконец 4 января девяти товарищам был вынесен смертный приговор через повешение, а остальных приговорили к каторге.

Пятого вечером приговор должны были привести в исполнение. Но и первый и второй караулы отказались вести арестованных на расправу. Юные герои прожили еще одну лишнюю ночь. И только 6 января ночью они были зверски убиты группой пьяных белобандитов. А на следующий день в подпольной газете «Одесский коммунист» появились следующие письма молодых героев.

1

«Девять коммунистов, осужденных 4 января 1920 года военно-полевым судом при штабе обороны г. Одессы на смертную казнь, шлют свой предсмертный прощальный привет товарищам. Желаем вам успешно продолжать наше общее дело. Умираем, но торжествуем и приветствуем победоносное наступление Красной Армии. Надеемся и верим в конечное торжество идеалов коммунизма. Да здравствует Красная Армия! Да здравствует Коммунистический Интернационал!

Осужденные:

Дора Любарская, Ида Краснощекина, Яша Ройфман, Лев Спивак, Борис Михайлович, Дунаевский, Василий Петренко, Миша Пильцман и Поля Барг».

2

«Дорогие товарищи! Я был арестован во вторник, т. е. неделю тому назад. При мне ничего не найдено. При аресте били, не веря, что я поляк. Весь вторник я провел в уголовном розыскном, ночь со вторника на среду провел в Петропавловском участке. Приблизительно до полудня был спокоен, т. е. думал, что меня отпустят скоро; через полчаса меня позвали на допрос. Там меня били около часу; били резиной, ногами, крутили руки и ноги; одну ногу вытянули к лицу, другую к затылку; поднимали за волосы; клали на пол и танцовали по телу; били в лицо, зубы, но так, чтобы не осталось повреждений. Наконец, взбешенный моим молчанием, Иваньковский, первая сволочь в мире, ударил меня револьвером по голове. Я упал, обливаясь кровью. Несколько раз падал в обморок. Под влиянием нахлынувшей апатии я сознался, что работал.

Мне грозит смертная казнь, если до того не случится чего-либо исключительного. Ночью я два раза пытался выброситься из окна четвертого этажа, но меня хватали и снова били. На рассвете меня опять вызывали на допрос, требуя, чтобы я назвал фамилии или адреса товарищей, работающих со мной. Снова били долгое время и ничего не добились, так как на все вопросы я отвечал незнанием. Велели подписать дознание в том, что я уже сознался. Я подписался,

после чего Иваньковский, махнув рукой, велел отправить меня в какой-нибудь участок.

Фактически я уже распрощался с жизнью, и, если волею случая останусь жить, это будет для меня приятный и неожиданный подарок, выигрыш жизни. Теперь, когда рана на голове зажила, когда боль во всем теле не так ощутительна и живительные силы снова овладели организмом, а ближайшие перепективы на воле так заманчивы, хочется жить, жить во что бы то ни стало. Без борьбы я не сдамся, без борьбы я не умру, и если все же придется умереть сейчас, то встречу смерть с высоко поднятой головой.

Прощайте. Ваш З и г».

3

«Дорогие товарищи!

Я уже писал вам, что пал жертвой провокации. Под влиянием пыток и избиений я сознался. Сегодня предстоит суд скорый, но неправый, меня, возможно, расстреляют. Ухожу из жизни со спокойной совестью, никого не выдав. Будьте счастливы и ведите дело до конца, что мне, к сожалению, не удалось.

Пишу в то время, когда осталось 24 часа жизни. Только что окончилось заседание военно-полевого суда, которое присудило меня и других товарищей к смертной казни через повешение. Настроение очень веселое, бодрое, ибо знаем, за что умираем. Я уверен, что мои младшие братья пойдут по моим стопам и отомстят, кому следует. Писать больше не хочется. Привет всем. Оставайтесь счастливы.

Борис (Туровский)».

4

«Милые родные, через 24 часа меня повесят в назидание потомству. Ухожу из жизни с полным сознанием исполненного долга перед революцией. Не успела много сделать. Что ж? Глубоко убеждена, что процесс семнадцати человек имеет большее значение для революции, чем смерть девяти человек из их числа. Милая сестра, не тужи обо мне, будь революционеркой, успокой маму. Завещаю твоему малышу сделать то, чего не успела сделать я на революционном поприще. Очень бодра, удивительно спокойна, и не только я, а и все остальные. Поем, ведем беседы на политические темы. После двух недель ареста сразу почувствовала себя сво-

бодной. Только жалею и тужу, что осудили многих слишком строго. Мне двадцать лет, но я чувствую, что за это время стала гораздо старше. Мое желание в настоящий момент, чтобы вы все, мне близкие, отнеслись к моей смерти так, как отношусь я, — легко и сознательно. Прощайте. Да здравствует коммунистическая революция!

Ида Краснощекина».

5

«Славные товарищи, я умираю честно, как честно прожила свою маленькую жизнь. Через восемь дней мне будет двадцать два года, а вечером меня расстреляют. Мне не жаль, что погибну так. Жаль, что мало мною сделано для революции. Только теперь я чувствую себя сознательной революционеркой и партийной работницей. Как вела я себя при аресте, при приговоре, вам расскажут мои товарищи. Мне говорят, что я была молодцом. Целую мою старенькую мамочку — товарища. Чувствую себя сознательной и не жалею о таком конце. Ведь я умираю, как честная коммунистка. Мы все, приговоренные, держим себя прилично, бодро. Сегодня читали в последний раз газету. Уже на Берислав, Перекоп наступают. Скоро, скоро вздохнет вся Украина, и начнется живая, созидательная работа. Жаль, что не могу принять участие в ней. Ну, прощайте, будьте счастливы.

Дора Любарская».

6

«Дорогие товарищи, еще несколько часов осталось жить. Бодро идем умирать, сознавая, что на воле остались товарищи, которые продолжают работать, и что дело великое близится к торжеству.

Яша Безбожный».

7

«Дорогие товарищи! Еще 24 часа осталось жить, но мы не унываем и не падаем духом. Умираем с полным сознанием, что правое дело, за которое мы погибаем, восторжествует. Надеемся, что наша смерть не пройдет даром. Рабочий класс увидит воочию, что принесла им Добровольческая армия. Прощайте.

Поля Барг».

М. САВИН

ЗА РОДИНУ[1]

В городском партийном комитете было тесно. Старики, молодые парни, девушки сидели на стульях, скамейках, на столах. Раскуривали цыгарки, переговаривались, с нетерпением ждали команды... Большинство было вооружено: кто винтовкой, кто охотничьим ружьем, а кто просто наганом.

— Ты, значит, на фронт?

— На фронт.

— А ты? — спросил кто-то восемнадцатилетнего комсомольца Хазанова. Хазанов смутился:

— Я... Я — тут.

Кое-кто из молодых заулыбался. Нашелся и шутник — парень в гимнастерке, туго затянутой ремнем.

— Он — дома, здесь теплее.

Рассерженный Хазанов подошел к парню и схватил ремень его винтовки:

— Может быть, поменяемся? Винтовку я умею держать.

Вокруг засмеялись. Шутник положил крепкую руку на плечо молодого комсомольца:

— Не волнуйся, дружок. Давай вместе бить врагов. Бей их покрепче в тылу, а я на фронте, тогда быстро раздавим белую гадину! Согласен?

Под окном раздалась команда: «Стройся!» Парень в гимнастерке побежал вниз по лестнице, за ним — другие. Помещение парткома опустело.

Над крышами домов рвались снаряды. Белые банды вступали в Николаев, и последний вооруженный отряд уходил из города, прикрывая отступление. Это было в конце июля 1919 года.

★

Город замер. Начались обыски, грабежи, убийства. Люди прятались в подвалах, в помойных ямах, зарываясь в мусор.

Деникинские солдаты вели к тюрьме арестованных рабочих, подталкивая прикладами. Проходили пьяные офицеры, ругаясь и безобразничая. Изредка проезжали грузовики с людьми, одетыми в штатское, под конвоем вооруженных

---

[1] По материалам редакции «История гражданской войны».

казаков. Агенты контрразведки, переодевшись в рабочие костюмы, шатались по улицам, знакомились с прохожими, вынюхивали нужные им сведения, и начинались новые аресты. Тюрьмы наполнялись.

Трудно было работать в подполье молодым комсомольцам Николаева.

В низеньком домике на Кузнечной сошлись юные подпольщики. Плотно занавесили окна, так, чтобы слабый свет лампы не проникал на улицу. За шатким столом сидела молодая комсомолка Тамара Мальт, бойкая, сероглазая, с пышными русыми волосами. За один год работы в комсомоле она стала неузнаваемой: смелой, с серьезным открытым взглядом, какой бывает у людей, имеющих большой опыт жизни и борьбы. Еще недавно она была робкой девушкой, помощницей зубного техника, от семьи которого терпела насмешки и оскорбления.

— Нам предстоит серьезное испытание, — говорила Тамара. — Партийный комитет доверяет нам, комсомольцам, большую ответственную работу. Надо на всех улицах города расклеить вот эти воззвания.

Она вытащила из-за ворота кофточки две пачки небольших листков бумаги и раздала их комсомольцам. Это были воззвания к населению, призывающие к борьбе против деникинских насилий и убийств. Каждому члену комсомола поручили отдельный квартал; «тройке» поручался район. Спрятав листовки, ребята разошлись по своим участкам.

Комсомольцы отважно выполняли задание. Одной «тройке» поручили расклеить воззвания вблизи деникинской охранки. Проходя по улицам, ребята заметили, что на углу Пороховской и Мясоедской спит часовой. Немедленно наклеили воззвание ему на спину. Тот проснулся, схватил было винтовку, но комсомолец остановил его:

— Смотри, начальник проехал. Спать на посту нельзя...

Часовой смущенно отошел в сторону. На спине у него белела наклеенная листовка.

★

Пришли хмурые осенние дни. Ночи темные — хоть глаз выколи. На квартире Тамары Мальт снова собрание. Комсомольцы получили новое задание от партийного комитета — связаться с партизанами. Они уже приготовились к походу. Выступал Хазанов. Чаще ребята называли его подпольной кличкой — Гриша.

— Товарищи, сейчас мы идем в деревню. Необходимо встретиться с партизанами и передать им то, что поручает партийный комитет. Это большая, серьезная и ответственная работа. Задание комитета мы, конечно, выполним. Смелости у нас достаточно. Но... надо быть осторожными и не попадаться в лапы врагу.

Заканчивая свою краткую речь, Гриша застегнул пуговицы пиджака и надел шапку.

— А теперь в дорогу! — добавила Тамара.

— Ясно! Пора! Пошли! — раздались голоса.

Хазанов первым открыл дверь, вышел во двор и через калитку — на улицу.

★

Каждое утро на заборах и каменных тумбах появлялись свежие воззвания к жителям Николаева и к деникинским солдатам. Это пугало деникинцев. Контрразведка трусила. Она не могла уже погасить огонь поднимающихся восстаний в уездах. Крестьяне целыми деревнями вступали в партизанские отряды. Они выгоняли помещиков, вернувшихся при помощи Деникина в свои имения. Партизаны готовили помощь трудящимся города.

Белые вызвали с фронта генерала Слащева. Это был зверь. Тысячи рабочих и крестьян были казнены им. Двигаясь со своей дивизией к Николаеву, он дал приказ, в котором обещал «осветить свой путь зарей на всю ночь». Он выполнил свое обещание. Там, где проходила дивизия Слащева, пылали села и деревни.

В ночь с 19 на 20 ноября юные подпольщики не спали. Они уже вернулись из деревень и по заданию партийного комитета готовились встретить генерала-палача сотнями новых воззваний. Но осуществить намеченного им не удалось: контрразведка выследила квартиры молодых героев.

Тамара Мальт сидела в своей маленькой комнатке и читала книгу; к ней постучали. Она не успела открыть дверь, как в комнату ворвалась группа вооруженных контрразведчиков. Офицер приказал произвести обыск.

Деникинцы перерыли все, что могли. Маленький сундучок был взломан, но в нем оказались только платья. В углу комнаты стоял ящик с книгами. Рыжий казак разбрасывал их по полу, вслух перечитывая заглавия: «Мать» Горького, «Война и мир» Толстого, «Мертвые души» Гоголя, стихи Некрасова... Офицер стучал кулаком по стенам, проверял пол и потолок.

Перерыли постель: под подушкой лежала книга. Взяв ее, офицер прочел название: «Государство и революция».

— Вы знаете, кто такой Ленин? — спросил он.

— Да, председатель Совета народных комиссаров.

— А еще?

— Учитель и вождь трудящихся.

— Вы у него учились?

— Да.

— А вы знаете, что такое партком?

— Да, партийный комитет.

— А вы знаете кого-нибудь из этого учреждения?

— Никого.

— Неужели никого? — Офицер иронически улыбнулся.

— Никого.

— Все врешь! — крикнул он. — Взять ее! Там расскажет!

Два здоровенных казака схватили Тамару за плечи и, ударив плеткой по спине, вытолкнули на улицу.

★

В тюремном подвале сыро и холодно. Открывается дверь, и двух человек бросают на каменный пол. Щелкает железный засов и снова тихо. Проходят минуты — одна за другой. Наконец с пола поднимается человек. Это Гриша.

Его трудно узнать: на лице перекрещиваются темные рубцы от казацких плетей, кровь застыла на щеке и в уголках рта. Он подошел к Тамаре, которая еще лежала неподвижно, и тронул ее за плечо. Она подняла голову:

— Гриша, это ты?.. Ну, как тебя? — Она посмотрела ему в лицо, широко раскрыв глаза.— Ты весь в крови, Гриша...

— Еще бы, так били, — проговорил Хазанов. — Били нагайками, плетью, кулаками по лицу. А когда падал, били каблуками. Все требовали назвать фамилии членов парткома. Я отвечал: никого не знаю.

— Да, — сказала Тамара, — эти три слова приводят их в бешенство. Офицер так ударил меня по голове, что я упала.

Она на минуту замолчала, потом продолжала:

— Но все это пустяки. Все-таки они просчитаются. Они думают: дети — нажать и все расскажут.

Загремел железный засов, и в подвал вошли пятеро вооруженных белогвардейцев.

— Ну как, надумали? — спросил вошедший поручик.

— Нами все сказано, что нужно было сказать, — не вставая, ответил Хазанов.

— Значит, не знаете ничего?

— Ничего.

— Дать им по десять!

Казаки набросились на Гришу и Тамару. Засвистела нагайка. Поручик захохотал:

— Ну как, еще не надумали?

Молчание. Офицер подошел к девушке:

— Какие красивые волосы. Русые, даже вьются... Как пышно они поднялись... А ну-ка, возьмите ее за волосы.

Девушку схватили за руки. Связав веревкой волосы, Тамару подвесили к потолку. Послышался слабый голос:

— Палачи!

Гриша бросился на казаков, но ударом рукоятки нагана был отброшен в угол. Палачи подошли к Хазанову.

— А ты ничего не надумал? — спросил поручик.

Гриша молчал.

Принесли большую раскаленную иглу. На Гришу набросились трое. Под ноготь его пальца медленно вонзилась игла. Юноша сжал зубы, все мышцы напряглись. Он лишился сознания, но не проронил ни одного слова.

★

В кафе «Литературка» — месте белогвардейских попоек — гремела музыка. Звенели бокалы, раздавались пьяные голоса и ругань. Белые встречали своего главаря — генерала Слащева. Он сидел в мягком кресле, пьяный, обрюзгший и мычал что-то непонятное. К нему подошел начальник контрразведки. Он почтительно наклонился и подал список. Слащев не мог подняться. К креслу придвинули стол. Генерал тупо посмотрел на бумагу. Ему дали ручку, и он с трудом нацарапал: «Расстрелять за то, что пошли против единой неделимой. Слащев».

В список было внесено 61 человек, среди них мужественная коммунистическая молодежь.

★

В два часа ночи загремели замки открываемых дверей, тюремные камеры и подвалы озарились светом. Поднялась суматоха. Кто мог — вскочил с нар. Начальник тюрьмы обходил камеры и по списку вызывал обреченных. Мно-

гие не хотели выходить. Подгоняя ударами плетей и прикладов, казаки силой тащили арестованных на улицу. Многих брали из больничных палат. Их выводили за ворота, сажали на грузовики и увозили по направлению площади.

Под утро в подвал, где сидели Гриша и Тамара, вбежали казаки.

— Встать! — послышалась команда. Никто не поднялся. Казаки схватили юных подпольщиков за плечи, потащили на улицу и втолкнули на грузовик. Гриша подал руку Тамаре:

— Тебе страшно?

— Нет. Жалею, что не успели сделать многое... — ответила девушка и замолчала. На ее глазах показались слезы. Она отвернулась в сторону, потом круто повернулась к Грише, откинув назад голову:

— Прощай!

Грузовик выехал на площадь. Здесь было место казни. Приговоренных, по восемь человек, ставили у стены и расстреливали залпами. Раненых рубили саблями, добивали. Казаки схватили за руки Гришу и Тамару и потащили к стене. Их поставили в трех метрах друг от друга. Гриша расстегнул ворот рубашки. Тамара стояла, высоко подняв голову. Залп не мог заглушить ее последних слов:

— Да здравствует коммуна!

Она медленно повалилась на землю.

Гриша слышал, что сказала Тамара, видел, как упал его товарищ, но был еще жив: пули только поцарапали его; он стоял, придерживая открытый ворот рубашки. К нему подошел офицер.

— Твоя жизнь будет сохранена. Скажи, кто работает в парткоме?

— Не скажу ничего.

Офицер подал команду приготовиться.

«Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир...»

Это пел Гриша, стоя среди окровавленных трупов. В дикой злобе офицер шашкой снес ему голову.

★

На «Площади коммунаров» в Николаеве теперь стоит памятник погибшим в суровые дни 1919 года. Советская молодежь никогда не забудет имен молодых героев. В грозный час будущей схватки она будет так же героически бороться, как ее старшие товарищи.

ИЗ-ПОД РАССТРЕЛА

В июле 1919 года конница Мамонтова прорвалась в тыл Красной Армии.

Нашей 2-й Петроградской бригаде было приказано пробиться сквозь части Мамонтова и двигаться по направлению к Воронежу. Усталые от долгих переходов и непрерывных боев с белыми, мы разместились на отдых в селе Круглом. Спать легли, как были, в шинелях, оружие положили в головах. Противник где-то недалеко бродил в степях. Только успели обогреться, как вдруг услышали винтовочные выстрелы, топот ног и нестройный гул голосов. Мы быстро, но без паники вскочили, разобрали винтовки, патроны, гранаты и выбежали на улицу. От холода и от волнения я дрожал, на ходу заряжая винтовку.

Во тьме морозной ночи собрались мы у амбара. Командир роты объяснил:

— Мы окружены бандой Мамонтова. Пользуясь темнотой, мы должны прорваться к своим в полном боевом порядке, без паники, одним ударом.

За деревней была слышна ружейная и пулеметная стрельба.

Прижимаясь к изгородям и избам, мы незаметно для противника выбрались на окраину села. Под ногами скрипел снег, мороз жег лицо и уши. На окраине — редкие дома, изгороди, риги, а дальше белой пеленой раскинулась степь. По ней разбросаны черные крапинки, двигавшиеся ломаными линиями. Ружейный и пулеметный огонь усилился. Мы развернулись в цепь. Дали один залп, второй — и с криком «ура» кинулись вперед на врага. Пули жалобно выли, стегали по изгородям, срезали ветви с деревьев и ударялись о мерзлую землю.

Я почувствовал, как меня кольнуло в шею что-то острое, горячее. Потемнело в глазах. На некоторое время я потерял сознание, потом в глазах прояснилось. Почувствовал резкую боль в позвоночнике, по спине текло что-то липкое и горячее. Стрельба велась где-то справа. По удаляющимся выстрелам я понял, что наши прорвались. Неужели придется умереть здесь, вдали от своих? Тут я услышал топот бегущих ног и голоса. Белые — подумал я и, собрав последние силы, пополз к видневшейся впереди постройке. Пальцы на правой руке окоченели, а левая болталась, как плеть, —

пришлось оставить трехлинейку под изгородью. Полз на четвереньках. Напрягая последние силы, вполз в полуоткрытую дверь риги и во тьме нащупал мягкую просяную полову. Рубаха, как холодная клеенка, прилипала к моему телу. Ныл позвоночник, нестерпимая боль тянула левую руку, кружило голову. Я провалился куда-то в бездну...

★

Когда очнулся, пахло кислым хлебом и овчиной, где-то скреблась мышь. Бред или сон? Может быть, я сплю?.. Отчетливо услышал старческий голос, который что-то бормотал: рядом храпел спящий человек. В углу перед образами горела лампада.

Я глухо застонал. Сохли губы, и жгло внутри, хотелось пить.

— Мотря, а Мотря! Слышишь, товарищ-то просит пить. Да быстрей вставай.

Храп прекратился. Заскрипели полати, плеснула вода, и я почувствовал, как мою голову осторожно приподняли.

— Соколик мой, вот, чай, ты исстрадался-то? Чей же ты будешь? — Старуха заботливой рукой поправила подушку.

Я не мог говорить и только гладил здоровой рукой узловатые пальцы старухи. Она вытерла глаза уголком косынки.

— Поправляйся, касатик, белые-то не увидели. Мы с Мотрей завернули тебя в тулуп и принесли в избу — замерз бы в риге. Вот так и мой Гришутка где-то погиб, царствие ему небесное. Выздоравливай да отомсти за моего сына.

У нее опять навернулись на глаза слезы.

Свет погашен. Я лежу с открытыми глазами и не могу уснуть. Где-то на печке ворочается и охает старуха, да шелестят тараканы. Тихо в избе, только на дворе воет и плачет ветер, словно по покойнику. Кошка, осторожно ступая, подошла ко мне и, тихо мурлыча, начала ласкаться нежной шерстью о мое лицо. Мне это напомнило детство и мою родину. Донец, бугры, копры рудников с вечно вертящимися шкивами — все это у белых осталось. Мать и сестра вот так же, наверно, молятся богу за меня...

Я старался отогнать назойливые мысли, хотел уснуть, но никак не мог.

Вдруг заскрипели полозья саней, во дворе злобно залаяла собака, и послышались мужские голоса. Потом ночную тишину разорвал выстрел, и лай собаки прекратился. У меня часто забилось сердце. Я съежился на своей постели. Громко, не по-хозяйски, стучали в дверь.

— Открывай, старая ведьма! Не откроешь — дверь выломаю!

Старуха, шепча молитву, от волнения не могла вздуть огонь. Мотря закладывала меня подушками, бормотала в страхе:

— Белые пришли, наверное, за тобой. Кто-то выдал.

Дверь с грохотом слетела с петель, и в избу ввалились белые.

— Где красный скрывается? Говори, старая карга! — Казацкая нагайка со свистом обвила худые плечи старухи. Та стала причитать:

— Соколики родимые, вы же в бога веруете! Не бейте меня.

— Вот он, господин офицер! Ишь, как замаскировался,— сказал казак, поднимая тулуп и открывая меня.

Деникинцы стали хлестать плетьми Мотрю и старуху. Женщины плакали навзрыд, защищаясь руками от ударов.

Меня стянули за ноги с полатей. Я рухнул на холодный глиняный пол, от боли сжав зубы. Офицер ткнул меня носком сапога в бок:

— Чего притворяешься, красноперый молокосос? Вставай! — И потянул за раненую руку. Я вскрикнул. В открытую дверь избы вливался холодный воздух, мне стало лучше, но от ударов сильнее почувствовал боль в позвоночнике. Подталкивая сзади прикладами, выволокли меня на двор. Я был в одном нижнем белье и дрожал на морозе; под босыми ногами таял снег. Грубо втолкнули в сани, и полозья заскрипели. Ветер обжигал незащищенное мое тело. По дороге деникинцы останавливались около изб, делали обыск и трогались дальше. Те из крестьян, кто был посмелей, украдкой подходили к саням, где я лежал, заглядывали и говорили жалостно:

— Совсем еще молодой, жалко. Замерзнет. Мороз, почитай что, градусов сорок.

Наконец подъехали к штабу, который помещался в поповском доме.

— Господин полковник, привезли еще одного красноперого, — доложил офицер стоявшему на крыльце военному.

— Ведите его ко мне, — приказал полковник. Ввели в штаб, в отдаленную комнату. На столе лежали наган и кривая офицерская сабля. Две тарелки — в одной огурцы, в другой жареное сало, начатая бутылка водки. Полковник сел за стол, выпил стакан водки и, нахмуря брови, исподлобья посмотрел на меня:

— Фамилия?
— Дулин.
— Какой части?
— 2-й Петроградской особой бригады.
— Доброволец?
— Да.
— Откуда?
— Из Лисичанска.
— Стерва. Вольноопределяющийся, шахтер?.. Зозуля, всыпь ему и—в чулан. Завтра на рассвете отправьте в расход.

В чулане было холодно. В темном углу стонал человек. Это был местный коммунист, оставшийся здесь для подпольной работы.

— Все легкие отбили, — говорил он с трудом и сплевывал черные сгустки крови.

Товарищ поделился со мной рваным полушубком. Остаток ночи казался вечностью. Стараясь согреться, мы прижались плотно друг к другу, дрожали всем телом, как выброшенные на мороз щенки.

Но вот запели деревенские петухи, и в щели стал пробиваться рассвет. Топот ног и удары прикладов вывели нас из оцепенения.

— Чего скрючился и перебираешь ногами, как путаный мерин?

Снова сани. Занедевевшая, маленькая, хромая лошаденка мелкой рысью увозила нас куда-то за село. На других санях сидели шестеро казаков и офицер. Я лежал на мерзлом сене и думал: неужели конец? Душистое сено напомнило мне родной луг Донца. Наконец сани остановились.

— Чего улегся? Не на именины привезли, вставай! — толкнули прикладом.

Внизу блестела замерзшая река Оскол. За рекой — сосновый бор, дальше — маленькие домики; синие дымки из труб таяли в морозном воздухе. Какое красивое место, вот где придется умереть. Не думал никогда, что так будет. Я с трудом вылез из саней. Боли не чувствовал, только горели обмороженные ноги, и я стоял на них, как на ходулях.

— Вот сюда, к этому обрыву. Да смотрите, не вздумайте удирать — пули догонят. Повернитесь лицом к реке.

Я решил смотреть в лицо убийцам. Резко повернулся к ним, товарищ последовал моему примеру.

Шеренга ощетинилась острыми штыками, и я увидел тупые и полупьяные, ничего не выражающие лица. Бросились в глаза казацкие кубанки набекрень, наискось белые тря-

почки. Некоторые из деникинцев были одеты в английские шинели, поверх накинуты казацкие бурки; другие были в поддевках, подбитых белыми смушками. У одного из них долго не открывался затвор, другой в рукавицах неловко вынимал патроны из подсумка. Офицер нервно топтался на месте, держа наготове наган. Он ругался, торопил казаков. Мой товарищ не выдержал.

— Стреляйте скорее, гады, чего тянете? — Потом посмотрел в последний раз на замерзшую реку, на избы за рекой, смерил глазами высокий обрыв и расстояние до него.

— Смирно! — прорезала морозный воздух команда. Мы с товарищем взялись за руки и гордо подняли головы. Штыки не держались на одной линии. «Волнуются», подумал я.

— По краснопёрым и совдепии пальба шеренгой. Шеренга, пли! — Что-то огненное оторвалось от дул ружей, кольнуло меня в грудь и кинуло куда-то.

★

Железное кольцо давит грудь. Рушится здание, падают стены. Я горю в огне, задыхаюсь от дыма и гари, хочу кричать и не могу... Красные раки длинными клешнями рвут все тело... От страха и боли я мечусь из стороны в сторону...

★

С трудом открыл глаза. Трещат горящие дрова, булькает вода в чугуне. Что со мной? Где я?.. Колет в груди и невыносимо ломит позвоночник. Хочу позвать, но губы запеклись и с трудом шевелятся. Ловлю обрывки мыслей. Неужели опять бред?.. Блеснул свет, и надо мной наклонилось старушечье морщинистое лицо, оно расплылось в приятную улыбку.

— А, соколик родной, пришел в себя? А мы уже боялись, что ты не очнешься. Мотря, зови лекаря Ивана Афанасьевича, да смотри, тайком.

Скрипнула дверь.

— А твоего-то товарища, нашего коммуниста, убили душегубы насмерть. Мужиков не пускали смотреть, а мы на зорьке пошли как будто на речку белье мыть. Ну, тебя из сугроба-то и вытащили... После был бой, отступили белые...

Запахло иодом и еще какими-то лекарствами. Слышу незнакомый мужской голос.

— Жив будет, — говорит этот голос. — Пуля легких не

задела, пробила бок, а вторая разорвала ухо. Это не беда. Вот только плохо, что ноги обморожены. Левая рука тоже пройдет. При ранении позвоночника задет нерв. Ничего, парень молодой, выживет.

Забинтованный, как египетская мумия, но облегченный от боли, пригретый заботливым уходом и лаской, я вскоре выздоровел и вернулся в свою часть.

М. САВИН

ОСВОБОЖДЕНИЕ «СМЕРТНИКОВ»[1]

Тысяча девятьсот двадцатый год.

Над Симферополем нависла январская ночь. В маленькой квартире по Малобазарной улице собираются подпольщики. Лица у всех озабоченные.

— Вот и стража явилась, — улыбаясь, сказал член областного комитета партии Исаак Спер, качнув головой в сторону. В комнату вошли шестеро комсомольцев с винтовками, одетые в солдатские шинели. За ними шел Коля в форме офицера.

— Настоящий поручик! — сказал кто-то. Но шутки сейчас были неуместны. Предстояло серьезное и опасное дело. Исаак поднял руку и сказал:

— Каждому из нас ясно одно: надо освободить первый участок, где находятся наши товарищи, приговоренные к смерти. Задача трудная. Вблизи участка — казначейство и дом губернатора, охраняемые офицерским военным караулом. Недалеко юнкерское училище, а рядом расположен автоброневой отряд. Если что — принимать бой. В участок входим под видом привода новых арестованных. А теперь — к делу.

— Поручик, вы поведете «арестованных», — обратился он к Коле.

Девять человек выстроились во дворе — по три человека в ряд. Конвойные взяли винтовки наперевес.

— Шагом марш! — скомандовал Коля.

Двор рабочего клуба опустел. Через двадцать минут к участку подходила группа арестованных, окруженных конвойными.

---

[1] По материалам редакции «История гражданской войны».

В дежурной комнате участка был беспорядок. На скамейках лежали ремни, шинели стражников, сами стражники беспечно спали на нарах. В углу стояла пирамида винтовок. За большим канцелярским столом дремал дежурный помощник пристава. Перед ним лежали браунинг и нагайка. Он не заметил, как открылась дверь и в комнату вошла группа людей. Исаак Спер подошел к столу, а Коля, вяло козырнув, предложил дежурному принять арестованных.

— У меня полно, принять не могу.

— А куда же их деть? — возразил Коля.

— Ведите во второй участок.

Исаак нагнулся к дежурному и тихо сказал:

— Среди арестованных есть крупные птицы. Как-нибудь до утра надо разместить.

— Ну, хорошо, приму, — согласился дежурный и приказал двоим стражникам начать обыск арестованных. Спер и Коля переглянулись, давая знак остальным.

— Вы арестованы! — сказал Исаак и, схватив со стола браунинг, наставил его на дежурного.

— Ни с места! — крикнул Коля на стражников. Те застыли на нарах.

Спер, отобрав ключи от дежурного, пошел открывать камеры. Комсомолец Волович проверял караул.

В коридоре послышались уверенные шаги и легкое бряцание шпор. В дежурную комнату вошел полковник Соколов. Увидев двух офицеров и не понимая, в чем дело, закричал:

— Рапорт!

— Руки вверх! — скомандовал в ответ Коля и направил наган на полковника. Соколов схватился было за кобуру, но маленький комсомолец Лозинский задержал его руку:

— Успокойтесь, вы арестованы.

Полковник сел на стул и, наклонив голову, спросил:

— Значит, уже началось?

— Началось, господин полковник. Разрешите ваше оружие, — сказал командир комсомольской дружины и обезоружил Соколова.

Из закрытых камер выходят «смертники». Одетые по-летнему, они дрожат от холода. Лица у них в крови и синяках. Избитый Ефим едва передвигает ноги. Когда он увидел комсомольцев, глаза его заблестели, он крепко пожал им руки и тихо проговорил:

— Я знал, что вы придете за нами.

— Одевайтесь, товарищи, — сказал Спер, указывая на шинели стражников. — А вы, — обратился он к полковнику, — сядете на их место.

Соколов замыкал шеренгу арестованных стражников, направляющихся по камерам. Ефим подошел к полковнику.

— Прошло ваше время, мерзавец, — сказал он и, не вытерпев, ударил Соколова по уху.

Закрыв камеры, Исаак вошел в дежурную комнату и сказал:

— Пора.

Все были готовы и стояли с винтовками. Вооруженный отряд выстроился у ворот отделения и двинулся по тихим улицам Симферополя. Выйдя за город, он направился в ближайший лес, где собрались партизаны, ожидающие пополнения.

ЕК. ГРИГОРОВИЧ

МОЛОДЕЖЬ КРЫМСКОГО ПОДПОЛЬЯ

Шел 1920 год. Разгромленная врангелевская армия отступала в Крым.

Партия большевиков попрежнему продолжала вести работу в крымском подполье. Первым помощником ее был комсомол.

Одним из видов работы комсомольцев являлось распространение листовок. Эту работу молодежь проводила с большой смелостью, умудряясь расклеивать большевистские прокламации под самым носом контрразведки. После провала ялтинской типографии, в которой печатались листовки, на помощь партийной организации пришли комсомольцы. В типографию «Труд», где была сильная комсомольская ячейка, перебросили шрифты из других типографий. Утром, до прихода хозяина, ребята успевали отпечатать заказ партийной организации. В то время, когда юноши хозяйничали у машин, девушки дежурили на улице, чтобы внезапно не «накрыли» работающих. Никому и в голову не могло притти, что эти девочки с косичками заняты таким рискованным делом.

К годовщине Февральской революции надо было отпечатать в течение суток большое количество листовок. Утром

на совещании юных большевиков обсуждался вопрос, как и где их печатать. Один из комсомольцев предложил совершить налет на типографию «Рекорд», где он сам работал, причем ручался за успех.

Тут же был составлен план, распределены роли. В два часа дня хозяин типографии «Рекорд», которому пригрозили наганом, был заперт у себя в конторе. Рабочие быстро выполнили заказ подпольной организации. Все это время на дверях типографии висело объявление: «Закрыто по случаю смерти хозяина». Когда листовки были отпечатаны, комсомольцы отпустили рабочих домой, а напуганному хозяину приказали молчать до утра.

Часть листовок предназначена была для распространения в народном доме, где меньшевики устроили вечер, празднуя годовщину Февральской революции. Комсомольцы приготовили им хороший сюрприз.

В переполненном зале душно, накурено, публика ждет открытия собрания. В этом же здании, в подвальном помещении, собрались комсомольцы. По одному выходят ребята в зал, спрятав листовки под рубашкой, стянутой ремнем.

Едва на трибуне появился докладчик-меньшевик, как во всем здании погасли огни и зазвучали звуки «Интернационала». Поют все собравшиеся, а над головами, как чайки над бушующим морем, кружатся большевистские листовки. Их хватают в темноте, прячут в карманы, за пазуху.

Председатель собрания, меньшевик, надрываясь, требует света и порядка. Но когда, наконец, вспыхнул свет, зал оказался почти пустым. Докладчику ничего не оставалось делать, как уйти самому.

В партийную среду нередко проникали провокаторы. Таким, например, был пробравшийся в подпольный областной комитет Аким Ахтырский. Жертвами подлой его работы стали Исаак Спер, Горелик, Юра Дражинский, Волович, Лозинский и другие руководители большевистского подполья.

Волович, по кличке «Зиновка», возглавлял комсомольскую военную организацию. Это был жизнерадостный кудрявый парень, сын бедного екатеринославского ремесленника. Он был прекрасным товарищем, храбрым бойцом, выдержанным и убежденным революционером. В Екатеринославе во время уличных боев с петлюровцами Волович, сидя у пулемета, один отражал целую колонну петлюровцев и обратил их в бегство. Не менее храбро дрался он на

григорьевском фронте. Очутившись в Симферополе, Волович начал работать в боевой дружине.

Организованная им комсомольская разведка сыграла большую роль в подпольной работе. «Зиношка» был хорошим конспиратором: одетый офицером Ольвиапольского полка, он умел проникать в среду белых, не вызывая у них подозрений.

Будучи арестован, юноша-революционер подвергался зверским пыткам в застенках контрразведки. Ему растравляли раны раскаленными шомполами, били прикладами. Но палачи не смогли сломить мужества Воловича.

В последнем своем слове на суде он с юношеским пылом бросил в лицо палачам:

— Вы захватили начальника боевой дружины, но сама дружина жива и скоро даст о себе знать. Недолго вам упорствовать, ваши дни сочтены. Смерть витает над вашими головами [1].

Ему было девятнадцать лет, когда его в ночь с 6 на 7 мая 1920 года вместе с Гореликом повесили на фонарных столбах близ городской тюрьмы.

Незабываемой остается худенькая фигура семнадцатилетнего Моси Лозинского.

Несмотря на юношеский возраст, это был революционер до мозга костей — смелый, решительный. Мося — пионер крымских партизан, один из первых повстанцев. Он был начальником боевой пятерки. Вместе с Воловичем и Старосельским он участвовал в подрывной группе, которая готовила аккумуляторы для взрыва бронепоезда белых. Именно он положил первую пироксилиновую шашку на железнодорожный путь Симферополь — Севастополь. Боевик-подрывник, он в свои семнадцать лет, когда настала минута смерти, сумел ее встретить с гордо поднятой головой.

— Я требую вынесения мне такого же приговора, как и другим товарищам. Я коммунист, всегда боролся и буду бороться против врагов рабочих, — заявил он в своем последнем слове на военно-полевом суде, хотя у него было много шансов на помилование. Дерзкая отвага юноши-героя привела судей в бешенство, и Лозинскому был вынесен смертный приговор.

В апреле 1920 года симферопольская контрразведка вырвала из рядов юных большевиков двух замечательных девушек — Фаню Шполянскую и Женю Жигалину. Женя

---

[1] «Памятник борцам пролетарской революции», 3-е изд., стр. 243.

родилась в Каховке. Ей было двадцать лет. Она окончила гимназию и мечтала учиться дальше, но университетом Жени стала работа в подпольной разведке, в Красном кресте и татарской секции Крымского облисполкома, подготовлявшей вооруженное восстание среди трудящихся татар.

Женя была очень красива. Черные, гладко зачесанные волосы оттеняли молодое цветущее лицо с большими темными глазами; высокая, стройная, прекрасно сложенная, она дышала здоровьем. Во врангелевской контрразведке Женя подвергалась жестоким пыткам, насилиям и издевательствам. Товарищи, видевшие ее во время допросов, рассказывают, что все лицо ее было в кровоподтеках, зубы выбиты. Путем зверских пыток контрразведчики надеялись вырвать от нее сведения о работе и связях среди татарских масс, выступления которых врангелевцы особенно боялись. Но Женя с беспримерной стойкостью перенесла все истязания, не дав палачам никаких сведений.

По ночам ее таскали на допрос в контрразведку, где она подвергалась насилиям пьяных офицеров.

Через месяц еще недавно цветущая девушка заболела скоротечной чахоткой. Теперь ее трудно было узнать: побледневшая, осунувшаяся, с выбитыми зубами, с кровавыми рубцами от шомполов на всем теле, доживала Женя последние дни. Она потеряла голос и могла говорить только шепотом.

Выступая на суде, Женя смело называла судей кровопийцами. Она заявила, что никакой пощады не просит и что на ее место встанет много подобных ей. Суд лишил ее слова, но она продолжала говорить.

Военно-полевой суд, разбиравший дело о татарской секции, вынес смертный приговор ее руководителям, в том числе и Жене Жигалиной.

В контрразведке же сидела восемнадцатилетняя Фаня Шполянская — работница типографии, арестованная в Собачьей балке на совещании военной группы. Маленькая, с веселыми, искрящимися смехом глазами, Фаня выглядела подростком. С беспечной улыбкой глядела она в лицо опасности, выполняя различные боевые поручения партии и комсомола. В подполье ее вовлек член областного комитета партии Горелик, который ценил ее как безгранично преданного работника. Став всеобщей любимицей, Фаня росла и развивалась на боевой работе.

После провала Горелика Фаня стала работать по заданию члена областного комитета Акима Ахтырского. Скоро

девушка полюбила его. Только очутившись в тюрьме, Фаня узнала тяжелую истину — Аким был провокатор. Сначала она не хотела этому верить, но, убедившись в предательстве Ахтырского, страстно его возненавидела.

После провала партконференции в Коктебеле, симферопольской и феодосийской организаций Аким больше не скрывал гнусного своего лица. Он сам допрашивал в контрразведке арестованных коммунистов и даже собственноручно избивал их. В то же время он делал попытки освободить Фаню, приходя к ней в камеру, обещая ей любовь и сытую жизнь. Но Фаня с презрением выгоняла провокатора.

На суде она встретила смертный приговор с улыбкой, поразив палачей своим мужеством. Выслушав приговор, она громко сказала:

— Убивая нас, вы надеетесь этим задушить революцию, не замечая за своими спинами страшного призрака. Но скоро придет день, когда вы будете сидеть на скамье подсудимых и отвечать за свои преступления. Приговаривая нас к смерти, вы не спасете себя от Красной Армии. Мы умрем, но таких, как мы, на свободе — миллионы.

Усиленный конвой жандармерии и шпиков сопровождал заключенных по дороге из суда в тюрьму.

— С воинским почетом нас провожают, — шутили приговоренные к смерти.

Вот они поравнялись с кафе «Чашка чая». Толпа сидящих за столиками золотопогонников и накрашенных дам с злорадным любопытством глядела на смертников. Фаня, проходя мимо, не выдержала. Глаза ее гневно вспыхнули, и она, подняв кулак, крикнула:

— Белая сволочь, недолго вам торжествовать! Красная Армия под Перекопом.

В ответ на дерзкий возглас поднялся рев пьяных голосов. Кафешантанные «герои» готовы были разорвать бесстрашную девушку, но этому помешал конвой. Она была обречена на расправу «по закону».

Фаня и Женя были выделены из группы присужденных к повешению. Их родственники хлопотали о замене девушкам смертной казни тюремным заключением. Им «смягчили» приговор: повешение было заменено расстрелом.

Когда на другой день сестра Шполянской пришла к ней с передачей, Фаня просила присылать побольше еды.

«Есть такие, которые ничего не получают, — писала она. — А мне пришли, если можно, цветов. Я еще помню о жизни».

Это было за день до казни.

На рассвете 26 мая Жигалину и Шполянскую увезли за город.

Дребезжала телега, подпрыгивая на ухабах дороги. Следом ехали конная стража и не проспавшиеся после ночного кутежа офицеры. Девушки вздрагивали от холода, в последний раз вдыхая свежий воздух весеннего утра.

Подвода остановилась среди степи. Девушки сошли на землю.

Фаня была спокойна, как будто она выехала на прогулку.

— Мы вам покажем, как умирают коммунисты, — сказала она, обращаясь к палачам.

Обе подруги взялись за руки и запели «Интернационал».

— Замолчать! — раздался охрипший голос офицера. Но девушки продолжали петь. Тогда палачи, обнажив шашки, кинулись на них.

Когда на востоке заиграли лучи солнца, в овраге недалеко от Симферополя вырос свежий, наскоро притоптанный ногами бугорок земли.

Х. КАЛМЫКОВ

В ЛАПАХ У ВРАГА

Гражданская война охватила Кавказ. Почти все кабардино-балкарские красные отряды состояли наполовину из молодежи.

Смелая молодежь вместе со старшими товарищами героически боролась на фронтах и отдавала свою жизнь за свободу и счастье народа.

Мой старший брат Бетал Калмыков под руководством товарищей С. М. Кирова и Серго Орджоникидзе объединял вокруг партии большевиков народы Кабарды и горной Балкарии. Контрреволюционер Серебряков дорого оценил голову Бетала. Белобандиты неистовствовали в терроре. Они расстреливали не только членов семей большевиков, но даже их друзей. Вся наша семья была обречена на смерть и, уходя от опасности, должна была скитаться по всему Северному Кавказу.

В 1919 году 11-я Красная Армия, отрезанная от центров снабжения, наполовину скошенная эпидемиями тифа и испанки, вынуждена была отступить к Астрахани.

Узнав о трудностях, которые переживала 11-я армия, Бетал с партизанами поспешил на помощь к Серго Орджоникидзе, находящемуся в это время в Пятигорске. В дороге Бетала известили, что армии пришлось отступить из Пятигорска и что Орджоникидзе ушел по направлению к Прохладной. Бетал направился туда и сообщил семье о немедленном отступлении с 11-й армией. Мы выехали и вскоре встретились с Беталом и партизанами.

В селе Лафишево мы расстались с 11-й армией, партизанским отрядом и Беталом. Они торопились в Нальчик для оказания сопротивления Серебрякову, наступавшему через Баксанский район.

Мы продолжали отступать дальше, чтобы не оказаться в руках белых. Остановку сделали в селении Даркох (Северная Осетия), где жили больше месяца.

Но скоро и Даркох был занят деникинскими войсками. С раннего утра наш дом был оцеплен охранниками. В штабе деникинских войск в этот момент обсуждался план наступления и велись разговоры о захвате нашей семьи. Во время обсуждения плана в штаб белых проник наш товарищ. Он постоянно сообщал нам все новости, касающиеся нас и фронта.

Однажды, когда вся семья сидела за завтраком, в дом вбежал этот товарищ. Он, задыхаясь, сообщил:

— К вам едет отряд белых.

Мужчины быстро оделись и скрылись в густом лесу, расположенном возле селения. Товарищ закрыл ворота на замок, обнажил кинжал и стал около калитки, не допуская офицеров в дом. Мы спрятались в подвал. Не успели офицеры ворваться в дом, как в лесу открылась сильная стрельба. Деникинцы бросились на выстрелы. Воспользовавшись их уходом, мы перебрались в соседнюю саклю. Ночью отец, брат и зять с обмороженными руками и ногами вернулись из леса. Решили перебраться в горы, а затем через Малую Кабарду, Чечню и Ингушетию — в Грузию.

Деникинцы и серебряковцы оцепили все дороги и заградили нам путь в Грузию.

Ночью бушевала метель... Ветер стонал протяжно и жалобно, как раненый человек.

Выехали из селения глубокой ночью. Впереди ждали зимний лес и горы. Ветер выл всю ночь. Мы ехали по горным тропинкам и к утру были далеко в горах. Пищи у нас не было. Мы голодали... Шли без отдыха. Подводы скользили

на крутых подъемах и опрокидывались. Тяжелый и опасный путь измучил нас.

Только забравшись глубоко в горы, мы почувствовали себя в некоторой безопасности.

Доносились глухие орудийные выстрелы. Это шел жестокий бой между белогвардейцами и красными частями южнее Даркоха.

Пройдя горный перевал и лес, мы вышли на территорию Малой Кабарды. Дорога нам была совершенно не знакома, и мы попали в Буташово вместо селения Астемирово, куда стремились. Там, по нашим сведениям, находился мой брат Талиб с товарищами, и с их помощью мы хотели выбраться за пределы области.

Подъезжая к этому селению, мы наткнулись на вооруженный отряд, которым командовал предатель — офицер Хапачев. Он стал настойчиво допытываться у нас, не являемся ли мы семьей Калмыкова.

— Я послан, — говорил он, — помочь вам.

Мы ответили ему, что никакого отношения к семье Калмыкова не имеем.

— Я сегодня виделся с Талибом Калмыковым и по его просьбе выехал вам навстречу, — настаивал Хапачев. Однако, несмотря на все его уверения, мы решили продолжать наш путь до селения Астемирово.

Поняв, что хитрость ему не удалась, предатель подослал своего отца, чтобы тот пригласил нас к себе как «почетных гостей». Когда и это на нас не подействовало, Хапачев сообщил, что ехать дальше нельзя, так как у аула Астемирово идет сильный бой.

Все же мы поехали дальше. Скоро заметили, что из Буташова, догоняя нас, скачут всадники. Они быстро приближались, и мы на всякий случай приготовили оружие.

Всадники раскололись на две группы: одна продолжала скакать прямо, другая повернула влево. Расстояние между нами и преследователями сокращалось. С двух сторон, окружая нас, мчались конники.

Из-за детей и женщин мы не могли сопротивляться. Белобандиты быстро приближались.

Окружив нас, они скинули с плеч ружья и взяли их наперевес.

Командир отряда, оглядев нас, спросил:

— Почему вы не приняли приглашения Хапачева? Он вам предан и желает только добра. Вы же все время

отказываетесь. Если вы не принадлежите к семье Калмыкова, то кто же вы такие?

Не дожидаясь ответа, он немедленно приказал изменить направление. Мы вынуждены были повернуть назад и ехать к Хапачеву.

Хапачев принял нас любезно. Он продолжал утешать, обещая помощь на случай, если мы будем с ним искренни.

— Я постараюсь облегчить вашу участь и спасу вашу жизнь. Только вам следует быть со мной откровенными. А я, в свою очередь, буду просить прощения для вас у самого Серебрякова. Кстати, Серебряков завтра будет в Муртазове, куда мы и поедем.

Мы молчали. Он продолжал:

— Я обещаю помощь в знак благодарности Калмыкову, который спас мне состояние.

Мы знали, что Калмыков действительно спасал дома Хапачева, но только не для него, а для освобожденного народа.

Хапачев разместил женщин с детьми у себя в доме, а мужчин — в другом. Он рассчитывал таким путем выпытать у женщин о Бетале и о расположении красных частей. В то же самое время он разослал по всей Малой Кабарде извещение о поимке семьи Калмыкова. На следующий день утром нас погнали в Муртазово. Отряд конников сопровождал нас.

В Муртазове нас встретили пристава Астемиров, Муртазов и Куныжев. Пристав Малой Кабарды князь Астемиров, заложив руки за спину и шевеля огромными усами, злобно зарычал:

— А-а-а! Бог Большой и Малой Кабарды соизволил спуститься на землю. Рад вас видеть, желанные гости. А ну-ка, подходите ближе, зараза большевистская!

Астемиров добивался узнать, где находится Бетал. Резкие наши ответы вызвали возмущение и злобу белых. Астемиров заорал в бешенстве:

— Молчать, сволочи! Вы хотели разрушить наше дворянское сословие...

Белые палачи стали нас пытать, сечь плетьми. После пытки мы подверглись тщательному обыску. Даже доски на бричках были отбиты, и распороты хомуты.

Затем белобандиты принялись за женщин. Мерзавец Куныжев, ругаясь, ударил мать в грудь так, что она упала на пол. Он ударил ее еще раз ногой. При падении у матери выпала из рук карточка ее любимого сына — Бетала. Она хотела было поднять карточку с пола, но Куныжев вырвал фотографию и крикнул:

— Ты еще не потеряла сознания? Мы тебе сейчас преподнесем на штыках голову твоего Бетала.

Вслед за этим пристав Астемиров приказал раздеть и обыскать всех женщин. Наконец издевательства кончились. Все женщины и дети были отправлены в тюрьму.

О том, как обращались там с мужчинами, трудно себе представить...

Главари белых требовали от нас выдачи Калмыкова и руководителей красных партизан. За отказ сделать это снова начинали пытать. Издевались без конца, при народе, чтобы всякий видел и боялся. Любопытные, затаив дыхание, наблюдали в окна за происходящим. Большинство зрителей было охвачено ужасом, гневом и возмущением, но ничем не могло нам помочь.

Некоторые белобандиты нашли более удобным бить при допросе ногами в живот. Люди от таких ударов падали, палачи их поднимали с земли и снова продолжали зверски избивать. Наконец, окружив тесным кольцом, враги погнали нас в тюрьму. Обессилев, мы падали на землю, но жгучие удары поднимали и гнали вперед.

Еще раз, жестоко избив, нас бросили в холодный карцер.

Озверевшие белобандиты кричали:

— Нечего нам вести большевистских главарей! Мы их сами прикончим здесь же, не доезжая до Нальчика.

Всю ночь мы обдумывали план побега. Утром стало видно, что лица и руки у мужчин в кровоподтеках и синяках.

После нового обыска нас погнали в Нальчик под конвоем целого отряда во главе с офицером Баждуговым. Приближаясь к аулу Мисостово, мы заметили впереди на дороге густую толпу всадников.

Навстречу нам из Нальчика двигался так называемый дворянский полк в количестве трех тысяч человек, состоявший из виднейших кабардинских князей и дворян.

С криком «ура», выхватив шашки, всадники помчались к нам и окружили плотной стеной. К нам вплотную подъехал командир полка. В одной руке он держал плеть, в другой — маузер.

— Попались, большевистские руководители! — крикнул он и ударил Хажбекира Хажимахова плетью по лицу. На наши головы и плечи градом посыпались нестерпимые удары. Офицеры стегали нас изо всей силы, нагайки рассекали одежду.

Не имея сил держаться на ногах, пленники падали на снег.

Офицеры срывали платье с испуганных и беззащитных женщин.

После долгих издевательств белые выделили из своей среды двадцать четыре человека для рытья могил и столько же добровольцев-палачей, которые охотно согласились быть нашими убийцами. Стоя у вырытых ям, мы с секунды на секунду ожидали смерти. Около часа нас держали под дулами винтовок. Все мы были раздеты почти догола, но странно, мы не чувствовали холода, хоть и стояли на морозе. Только спустя час последовало распоряжение отменить расстрел. Взамен того снова нас принялись стегать нагайками. Женщины не выдержали этих сверхчеловеческих издевательств. Почти все они лежали без чувств на снегу.

Ночью пригнали нас в селение Мисостово. Здесь в сельском управлении стали отделять мужчин от женщин и детей. Я и старший брат Назыр, как несовершеннолетние, вначале не были включены в список приговоренных к расстрелу. Теперь в Мисостове старшина Хагундоков Мухамед-Мурза включил меня и Назыра в смертный список.

Только общее возмущение собравшихся жителей заставило убийц вычеркнуть мое имя из списка. Мы стали протестовать и требовать, чтобы вычеркнули также и несовершеннолетнего Назыра. Тогда Хагундоков набросился на меня и на Хасета — моего младшего брата. Он ударил брата прикладом и пробил ему голову, а меня избил до потери сознания.

Еще бо́льшим пыткам подвергались бывшие с нами старшие родные и товарищи. Жестокость врагов не имела предела. Мерзавец Хагундоков велел снять крышу с помещения, в котором заперли «смертников». Была январская морозная ночь, и мы леденели от холода. Казалось, кровь застывала в жилах. Коченели руки и ноги, все тело. Хагундоков велел отобрать у всех арестованных одежду, и люди сидели в одних рубашках. Когда утром нас вывели наружу, то многие не могли говорить и еле-еле двигались. Почему нас не расстреляли раньше, когда поймали? Было ясно, что эти человеческие отбросы хотели предварительно подвергнуть нас самым невероятным мученьям и пыткам.

Глава Нальчикского округа Хамид Чижоков производил обход тюрьмы. Придя в женскую камеру, он стал допрашивать арестованных. Мать моя со слезами начала умолять его помиловать четырнадцатилетнего Назыра. Чижоков усмехнулся и приказал привести Назыра в женскую камеру. Когда его привели, Чижоков спросил:

— Умеешь ты стрелять?

— Да, умею, — ответил мальчик.
— В кого стрелял?
— В того, в кого надо было.
Взбешенный Чижоков крикнул:
— Уведите, пока я его тут же на ваших глазах не пристрелил! — Обращаясь к матери, он сказал с любезным видом:
— Сударыня, вам поздно заботиться о сыне. Он уже достаточно взрослый. Не могу удовлетворить вашу просьбу. Вам придется заботиться о себе и о других детях, если только найдем возможным оставить вас в живых. Вина не наша, вы сами вырастили сыновей, опасных для дворянства и княжества. Ваша просьба будет пересмотрена при условии, если вы выдадите для народа вашего старшего сына Бетала... — Он засмеялся. — Сегодня я допрашиваю вас в последний раз. Большевикам осталось недолго существовать. Они сломя голову бегут, спасая самих себя. Итак, ваша судьба зависит от вас самих. Выбор за вами.
После ухода Чижокова в женскую камеру зашли двенадцать вооруженных в сопровождении гармониста. Шестеро из них были добровольцы из местной белогвардейщины, остальные — русские солдаты и офицеры. Один из офицеров сказал матери:
— Мы пришли для расстрела семьи большевика Калмыкова.
Гармонист заиграл на гармони, и озверелые, разнузданные палачи принялись плясать тут же в камере, на глазах полуживых от ужаса и горя женщин. После пляски офицер сообщил:
— Мы сейчас временно покидаем вас для расстрела ваших любимцев. Вам предстоит такая же участь. Разрежем животы всем женщинам и, если среди вас найдется беременная женщина, достанем ребенка из живота и наденем на штык в качестве боевого флага.
Камера, в которой я находился, была расположена против камеры отца. Нас разделял узкий тюремный коридор. В стороне находилась камера, в которой помещались наши женщины с детьми. Отец, надеясь, что я, может быть, останусь в живых, воспользовавшись отлучкой охранников, просил меня передать Беталу следующее:
— В последние минуты жизни я не сомневаюсь в победе советской власти и в торжестве большевиков над гнусными разбойниками, насильниками, кровопийцами. Я спокоен и уверен в том, что ты так же будешь непоколебимым в борьбе

с врагами за освобождение карахалка [1] от гнета князей и дворян. Передай Беталу и всем мое завещание любить трудовой народ, чутко подходить к каждому и уметь узнавать врага там, где он прячется за хитрой маской.

Наш разговор был прерван приходом часового. Видимо, все же он подслушал наш разговор, так как отец перед расстрелом получил еще сто ударов шомполами.

Вскоре всех арестованных повели на расстрел в Атажукинский сад.

★

Отец был среднего роста, коренастый, широкоплечий. Он был очень добрый, отзывчивый, внимательный. Каждый, кто обращался к нему за помощью или за советом, никогда не уходил от него неудовлетворенным. Среди сельчан и далеко за пределами аула отец пользовался большим уважением. Его задушевности и гостеприимству не было предела, поэтому отовсюду к нам всегда стекались гости. Особенно он любил детей, не только своих, но и чужих. Дети его также очень любили. Всегда по четвергам он отправлялся на базар, для того чтобы купить ребятам подарки: пряники, конфеты, баранки. Летом он мешками покупал яблоки, груши, сливы, абрикосы и огурцы специально для раздачи малышам. Он относился ко всем людям с особой теплотой и бережностью.

Перед расстрелом отец обратился к своим убийцам с такой речью:

— Солдаты! Вас заставляют делать гнусное, подлое дело. Не допускайте этого. Не стреляйте в детей! Оставьте им их молодые жизни. Все равно расстрелами и пытками белым не уничтожить карахалка. На место одного убитого станут сотни, тысячи, и они доведут дело до победного конца.

Арестованных поставили в ряд, спиной к вырытым ямам. Брат не выдержал и закричал:

— Палачи! Цельтесь скорее!

Все, за исключением брата, были убиты наповал. Брат, окровавленный и полуживой, пролежал всю морозную ночь на груди у отца. На следующий день добровольцы-белобандиты добили его железной лопатой и закопали в землю.

Я и мой младший брат Хасет временно были освобождены

---

[1] Карахалк—кабардинская беднота.

от расстрела и направлены в распоряжение местных властей под строжайший надзор лиц, взявших нас на поруки.

Местные власти заставляли наших родных и близких платить за нас беспрерывно, постоянно увеличивая сумму залога.

Отпуск под залог на поруки был искусственным способом ограбления родных и знакомых. С другой стороны, враги держали нас в качестве заложников.

В результате наши родные и знакомые окончательно разорились. Тогда местные власти стали арестовывать и расстреливать лиц, вносивших за нас залог.

Мне с братом пришлось уехать в нагорное село, где жили родственники.

★

Жителям аула, где мы скрывались, было запрещено оказывать какую-либо помощь нашей семье. Местная власть арестовывала и грабила тех, кто пытался помочь чем-либо партизанам, скрывавшимся в лесу. Все же, несмотря на запрещение, население передавало нам кое-какие продукты.

Однажды я с младшим братом Хасетом поехал к сестре в Заюково; там нас снабдили целым возом овощей. На обратном пути нас нагнало несколько всадников в бурках. Головы у них были повязаны башлыками, и лица почти закрыты.

Один из всадников спросил меня, где находится Бетал Калмыков. Не зная, кто эти всадники, я промолчал.

Всадник сбросил башлык и открыл лицо. Это был конокрад из нашего аула. Белобандиты слезли с лошадей и принялись бить нас плетьми, допрашивая, где Бетал и его брат Талиб. Обещали отпустить живыми, если мы расскажем правду.

Избив до полусмерти, бандиты привязали нас к арбе и уехали. Все овощи, которые мы везли, были порезаны на мелкие куски и разбросаны по земле.

Случайные проезжие нашли меня с братом связанными, в бессознательном состоянии. Нас развязали, смыли кровь, приласкали, как могли, и отвезли в Кубу, где находились мать и сестры. Увидев наши почерневшие, опухшие лица, они поняли, в чем дело, и горько заплакали.

★

По заданию Калмыкова для организации связи прибыл к нам с фронта начальник партизанского отряда товарищ Щуков. С ним я встречался в подполье. Несмотря на детский воз-

раст, я и Хасет получали от товарищей важнейшие задания и удачно выполняли их. Мы всегда доставали сведения, которые взрослые не могли получить сами. За Щуковым белые установили слежку, жизнь его была постоянно в опасности. Наша задача заключалась в том, чтобы узнавать местонахождение белых, их планы и мероприятия; кроме того, мы добывали продовольствие и уводили у белых лошадей. Мы хорошо знали, что каждый наш шаг грозил жестокой смертью. Но ненависть к классовому врагу преодолевала страх. Все поручения выполнялись точно, аккуратно, с честью. За все это время только один из подпольщиков, возвращаясь от нас к Беталу, был схвачен белыми и расстрелян.

Весной 1919 года, когда весь Северный Кавказ был занят карательными отрядами, Щуков и другие товарищи из Чечни, Ингушетии и Грузии несколько раз приезжали к нам в селения Куба и Заюково. Мы прятали красных партизан на чердаке под сеном.

Во время нашей жизни в Кубе князьями и местными властями было три раза вынесено постановление уничтожить нас. Только благодаря своевременному предупреждению со стороны мы оставались в живых.

Однажды князья и дворяне решили поднять меня и брата Хасета на штыки. Узнав об этом, Щуков прибыл тайком с тремя красными партизанами. Он хотел переправить нас к себе, но этому помешала бурная река Баксан. Мы не могли переправиться через нее вплавь, а мосты охранялись белыми. Тогда мы расстались со Щуковым и под видом батраков ушли в аул Заюково, в старую крепость, оттуда перебрались на высокогорное пастбище, где и остались жить.

★

С севера бьют орудия, снаряды разрываются уже вблизи. В панике мечутся белые бандиты, седлают коней, скачут по дорогам в беспорядке, уходя из станиц и аулов. Точно огромная тяжесть спала у меня с сердца. Хотелось смеяться, прыгать, кричать от восторга.

Накануне наш дом был окружен белобандитами. Ворвавшись во двор к моему двоюродному брату, где я спрятался в собачьей конуре, они стали искать меня, чтобы расправиться напоследок. Однако долго задерживаться они не могли: со стороны Пятигорска наступали большевики.

После того как аул был очищен от белых, я немедленно отправился верхом на лошади навстречу красным войскам. Узнав, что красные партизаны во главе с Беталом наступают со стороны Малой Кабарды на Нальчик, я поскакал к матери, а от нее — к двоюродному брату. Затем все вместе мы отправились в Нальчик встречать родных, долгожданных бойцов.

Въезжая в город, я увидел своего дядю — командира партизанского отряда.

Я моментально соскочил с подводы и подбежал к нему. Он крепко обнял и поцеловал меня, и мы отправились к остальным, которые, к моему удивлению, в первый момент меня не узнали. Даже родной брат Талиб не узнал. Старший брат Бетал находился в это время в ревкоме на заседании. У меня нехватало терпения дождаться его, каждая минута казалась вечностью. Я стоял на лестнице и разглядывал всех, входящих в помещение. Наконец, вижу, поднимается Бетал. Я на него пристально смотрел, но он прошел мимо меня, не сказав ни слова.

Я стоял неподвижно, совершенно растерянный. Вдруг дверь открывается, выходит Бетал и спрашивает меня:

— Что тебе нужно, мальчик?

— Бетал, неужели ты не узнаешь меня?

Только тогда он обнял меня, стал целовать и отнес на руках к себе на квартиру. Я был одет очень плохо: в дырявых чувяках, набитых для тепла соломой, в чужой рваной шубе, которая была так длинна, что мне приходилось приподымать ее, чтобы не запутаться. Меня раздели, вымыли, досыта накормили. Бетал вызвал к себе сапожника, который снял мерку с моей ноги. Через день я уже был в чистой хорошей одежде, а главное, в новых сапогах, каких никогда в жизни еще не носил.

Одна радость сменялась другой. Вскоре я отправился домой в аул праздновать победу вместе со всеми партизанами. Музыка играла лезгинку, и партизаны беспрерывно танцовали. Веселье было безудержным. Здесь же произошла горячая встреча партизан, пришедших с севера, и партизан, вернувшихся из Малой Кабарды.

Вскоре я и мой младший брат, вызванные Беталом, переехали жить в пансион, где были собраны дети расстрелянных революционеров. Впоследствии этот пансион получил название Ленинского партийного учебного городка.

В ГОРАХ ДАГЕСТАНА

В детстве я пас быков. В наших условиях это дело очень трудное: клочки полей, расположенных террасами, крутые склоны гор — вот и все пастбище. Разве уследишь за глупыми животными? Чуть отвернулся — и заберутся на скудную полоску крестьянина. Часто приходилось выслушивать брань и попреки крестьян, но я принимал их как заслуженные и ничуть не обижался.

Злило другое. Бывало, недосмотришь — быки уже на зеленых лужайках, расположенных вокруг шоссейной дороги. Эти лучшие земли принадлежали русским чиновникам. Мне, чтобы попасть на вершины гор, каждый день приходилось гонять стадо мимо этих земель. Тут смотри в оба.

Помню, как однажды с горы навстречу стаду мчалась, звеня бубенцами, пара лошадей. Это ехал начальник округа. Быки мои шарахнулись в сторону. Линейка остановилась. Сидевший на ней офицер приказал что-то кучеру. Тот слез и побежал ко мне, ожидая, что я удеру. Куда тут! Ноги мои отказались двигаться. Перепуганный, я замер на месте, ожидая беспощадной лупцовки. Здоровенный детина подбежал и, вместо того чтобы ударить, спросил мое имя.

— Магомет, сын Али, — ответил я.

Офицер уехал, а на следующий день моего хозяина оштрафовали на один рубль серебром. Дорого обошелся мне этот рубль.

В другой раз, играя, я нечаянно разбил окно в квартире русского офицера. Тот вскочил и, громыхая саблей, побежал за мной. Я опять потерял способность двигаться и соображать. Офицер поймал меня и жестоко избил. А это у горцев не прощалось и смывалось только кровью.

★

Мне было шестнадцать лет, когда я ушел из родного аула. В нем я не видел радостной жизни и покидал его без сожаления. Годы работы на людей ничего мне не дали, кроме глухой ненависти к этим людям. Везде я видел несправедливость. Хозяева обсчитывали, надменные русские чиновники обманывали и били,— все эти люди презирали трудящихся и сидели у них на шее. Ненависть моя была бессильной. Я затаил злобу и ушел.

Спасаясь от голода, я примкнул к партии горцев, направлявшихся на заработок в Грозный.

Там не раз приходилось мне быть свидетелем беспощадной расправы жандармов с рабочими. И когда пошли слухи о борьбе горцев и русских рабочих с буржуазией, я не выдержал — убежал с промыслов с твердым решением отомстить офицеру, избившему меня.

Летом в 1919 году в Дагестане хозяйничали деникинцы.

Большевистские руководители, о которых я много наслышался по дороге, скрывались в Левашах, в моем родном ауле. Когда я приехал туда, большевистские «пятерки» вели подготовку к восстанию. Аул должен был выставить по одному человеку на десять «дымов» [1].

Выборы происходили на «учаре» — месте собраний «джамата» [2].

Молодежь с восемнадцатилетнего возраста бросала жребий, кому итти в партизаны. Желающих было очень много, а среди них и я, но мне еще не было восемнадцати лет!

Помог случай. Хотя сейчас я в нем странного ничего не вижу, но тогда поразился, как это можно отказаться от такой чести — быть партизаном. Дело в том, что одному моему соседу выпал жребий итти в отряд. Он, заметив, что я стремлюсь попасть туда, отвел меня после собрания в сторону и начал просить итти вместо него, предлагая деньги.

Я презирал этого жалкого труса, готов был ударить его кинжалом, но сдержался.

Деньги, конечно, я отверг.

И вот я был принят в партизанский отряд, вооружен и снабжен всем необходимым за счет общества.

Отряд, примерно в сто человек, почти целиком состоял из добровольцев, отобранных по жребию. Главные силы направились по шоссейной дороге на Темир-Хан-Шуру. Но, чтобы обеспечить тыл, несколько сот человек было послано на левое крыло фронта — к Дешлагару.

Среди них был и наш отряд. Между станцией Инчхе и Дешлагаром мы простояли около десяти дней. Врага не было видно. Только летавшие над нами самолеты напоминали о его близком присутствии. Но бомбы, которые они сбрасывали, почти не беспокоили нас. Первое время одно появление аэропланов наводило панику, но потом, когда увидели

---

[1] Дым — хозяйство.

[2] Джаамат — общество.

почти полную безвредность этих невиданных жужжащих птиц, мы успокоились, даже стали подсмеиваться над ними.

В это время у селений Кадар и Дургели наши главные силы потерпели поражение. Пришлось временно отступить.

Часть нашего отряда поехала в Баку, выдавая себя за эмигрантов, другие направились через дешлагарский лес в Леваши.

Штаб и большевистское руководство уже покинули аул, а деникинцы еще не пришли. Аул притаился, сжался, как овчарка под ударом пастушечьей палки.

В полдень напряженную тишину прорезали крики «едут!» На «учаре», у большой мечети, собралось все оставшееся мужское население. Молодежь считала позором для революционного аула сдаться без боя. Но старики, видя, как ничтожны наши силы, решили не сопротивляться.

Молодежь ушла в горы, туда, где возле аула Герхмахи стоял партизанский отряд Алибека Богатырева.

В отряд меня приняли, но надо было достать лошадь и оружие.

Под вечер к аулу подъехал вооруженный отряд белых, человек в пятьсот. Командовал этим отрядом сын шейха Магомет. Имея большой запас оружия, отряд возвращался из Меджилиса, где чинил расправу над красными партизанами Кюринского округа.

Нас было значительно меньше, но неожиданность нападения и отвага помогли нам почти без боя обезоружить белобандитов.

Все, в том числе и я, получили оружие и лошадей. Но командование наше, видя, что всюду победили деникинцы, решило на время спрятать оружие и распустить отряд.

Часть партизан пошла в эмиграцию, часть—в глухие аулы высокогорных районов. А я вернулся к себе в Леваши.

К Левашам подошел днем, так, чтобы никто не мог подумать, что я скрываюсь. Дома, забравшись на крышу сакли, я мог видеть все, что творилось в ауле, где полными хозяевами были белоказаки.

По узким улицам аула то там, то здесь мелькали незнакомые фигуры. Это победители искали добычу. Я видел, как во дворе соседней сакли два мародера, бренча саблями по неровному каменному склону, ловили кур. Было смешно смотреть, как они, расставив руки, носились по узкому дворику. Я не выдержал и рассмеялся.

Громкие голоса заставили меня посмотреть в другую сторону. По улице шла группа деникинцев. Двое из них с тру-

дом тащили бочонок вина. Остальные, предвкушая попойку, о чем-то громко разговаривали. Что они говорили — я не понимал, так как не знал тогда русского языка. Не успели пройти одни грабители, как появились новые. Руки каждого были чем-нибудь заняты. Один нес кувшин с молоком, другой нагрузился чуреками. Тащили одежду, кувшины, миски, серебряные пояса, оружие.

Вся добыча стаскивалась на площадь. Казаки хвалились друг перед другом награбленным; тут же на площади разводили костры, резали кур, баранов и жарили их. На следующий день я решился поближе рассмотреть своих врагов.

Старшина аула Магомет Али-Гаджи до вступления белых в Леваши относился к нам довольно доброжелательно, но сейчас изо всех сил старался выслужиться перед деникинцами.

Когда я проходил по площади, он стоял у лавки. Увидев меня, он подозвал к себе чауша (глашатая) и что-то сказал ему. Я понял, что разговор идет обо мне. Быстро повернувшись, я направился в аул. Сердце колотилось — неужели арестуют? Слышу за собой шаги.

— Эй, Магомет! — кричит чауш. — Старшина велит тебе взять мешок и сходить за картошкой для солдат.

— За какой картошкой? — стараясь не выдавать своего волнения, спросил я.

— А вон там, за аулом накопаешь.

— У меня своей нет, а чужую копать нельзя. За чужой я не пойду.

— Как не пойдешь? — закричал старшина. — Да как ты смеешь, сукин сын, большевистская морда, не слушаться моего приказания? Арестовать его!

Меня схватили и посадили в окружную тюрьму.

В общей камере я встретил Мусу Карабудагова — большевистского руководителя даргинского [1] народа.

Мусу тяготило вынужденное бездействие. Он часто вел разговоры с часовыми — то агитировал их, то ругался и угрожал. Но на часах стояли русские казаки, и старания Мусы ни к чему не приводили.

Казаки не считали нужным давать нам пищу. Пищу арестованным приносили родственники. Но у меня, кроме старой тетки, никого не было. Хорошо, товарищи щедро делились со мной всем, что получали.

---

[1] Даргинцы населяют горные районы Дагестана — Левашинский, Акушинский, Сергокалинский и Дахадаевский.

Часто вызывали нас на допрос. Допрашивал сам начальник округа Магомедов — крикливый и грубый человек.

— Молокосос! — кричал он на меня. — Не успел еще из пеленок вылезти, а туда же шарлатанишь, достойным людям не подчиняешься. Я знаю, как проучить вас. Ты у меня другое запоешь.

Он кричал, грозил и, в конце концов, ничего не добившись, запирал снова меня в камеру.

Прогулок не было. Теснота, духота — невыносимые. Грязь и насекомые не давали покоя. Так мы сидели дней двадцать пять. Тяжесть тюремной жизни облегчалась для меня лишь частыми беседами с Мусой Карабудаговым. Он много рассказывал об Уллубии Буйнакском и Махаче Дахадаеве — руководителях революции в Дагестане. В крохотное окошечко камеры были видны далекие снеговые горы — хребты Кавказа. Муса подолгу смотрел на них и, обняв меня за плечи, тихо говорил:

— Магомет, люби эти горы и людей, живущих в них. Много видели горы Дагестана, много вынес на своих плечах дагестанский народ. Много впереди трудностей, но партия большевиков указала нам верную дорогу и ведет по ней. Наш народ еще темен, некультурен, и каждый человек, ясно видящий намеченный путь, дорог нам. Ты, Магомет, уже получил боевую закалку. Иди смело вперед. Мы скоро, скоро победим.

Никогда не забыть мне этих бесед с Мусой. Они открыли мне глаза, и теперь я уже сознательно рвался к борьбе. Но стены тюрьмы были крепки.

Товарищи, приносившие нам передачу, сообщили, что недалеко от Левашей в местечке Завгура, близ селения Муги, стоит сильный партизанский отряд.

Вскоре деникинцы под нажимом партизан покинули Леваши.

Караул наш разбежался. Мы вышли на свободу и вступили в партизанский отряд.

Спустя несколько дней до нас дошли слухи, что белые наступают с Дешлагара и грозят в Левашах не оставить камня на камне, уничтожить всех — женщин, стариков и детей.

Но недаром у нас работали большевики. Как по сигналу, поднялись все соседние аулы и пошли на Дешлагар, где у селения Ая-Кака разыгралась решающая битва за советскую власть в Дагестане.

В Мекегинском ущелье 25 августа партизанские отряды встретились с белыми бандами. Партизаны расположились по обе стороны ущелья.

Каменные ограды садов служили нам хорошим прикрытием. Я первое время был в передовых рядах окопов. Вместе со мной лежал еще один молодой паренек. Он не выпускал из рук винтовки и при малейшем шорохе на противоположной стороне стрелял. К вечеру огонь усилился. Заговорили неприятельские пулеметы и артиллерия. К нам в укрытие пришел командир Левашинского отряда.

Увидев паренька с винтовкой, он возмутился:

— Зачем пустили этого мальчугана в самое опасное место? Дай сюда винтовку и иди в тыл.

Командир выхватил у ошеломленного парня винтовку и лег на его место. Не успели мы заступиться за своего товарища, как раздался оглушительный взрыв и столб земли засыпал наше заграждение. Первым, стряхивая с плеч комья земли и протирая глаза, приподнялся командир. Все стали оглядываться — живы ли? Смотрим, наш паренек лежит посредине окопа, весь засыпанный землей.

Командир хотел подойти к нему, но мальчик поднялся сам. Он наклонился, и мы увидели, как мальчик из кучи земли извлек обрубок своей правой руки.

— Дай винтовку, — обратился он к командиру. Тот молча протянул винтовку. Паренек взял ее здоровой рукой и направился к выходу из заграждения, но вдруг повернулся, оглянул всех и сказал:

— Товарищи, держитесь, идите только вперед. Я... — Дальше он не мог говорить. Силы оставили его, и он, выронив винтовку, упал.

Мы пришли в себя, подхватили мальчугана и вынесли с линии огня. Старый командир, уходя, сказал нам:

— Никогда не прощу себе того, что отнял у него винтовку. С такими героями мы обязательно победим...

И мы победили.

Видимо, для того чтобы лучше использовать артиллерию, белые стали отходить.

Это было нами воспринято как отступление. По рядам пронесся слух: «Беляки бегут!» Вид отступающего врага поднял еще больше дух партизан. С криками «алла, алла!» мы ринулись на белых. Вооруженные винтовками, пиками, просто палками и кинжалами, в наступлении крича свой боевой клич, мы вложили в стремительность этой атаки всю свою вековую ненависть к притеснителям.

Оглушенные неожиданным нападением, один за другим смолкали вражеские пулеметы и пушки. Белые дрогнули. Небольшая речушка на дне ущелья сделалась красной от

крови. Мало уцелело в этом бою беляков. И какие богатые трофеи достались нам! На каждого теперь было по три-четыре винтовки.

Мы вернулись в Леваши с триумфом.

В ая-какинском бою я впервые услышал пулеметные выстрелы. «Вот это оружие», подумал я и решил стать пулеметчиком. Нами было взято около сорока пулеметов, а пулеметчиков среди нас не имелось. Теперь стали набирать из молодежи желающих стать пулеметчиками. Только начали мы овладевать пулеметом, как открылся темир-хан-шуринский фронт и нас послали туда.

Там, на линии Аркас-Араканы, продержались до марта 1920 года. Затем перешли в наступление, выгнали казаков из Темир-Хан-Шуры и в Петровске соединились с 11-й армией, навсегда освободив Дагестан от ненавистных белых. Прошел всего один год, а я из подпаска превратился в сознательного бойца — пулеметчика Красной Армии.

Теперь, спустя двадцать лет, работая на ответственной партийной работе, я с благодарностью вспоминаю воспитавшего меня первого даргинского большевика — Мусу Карабудагова, отдавшего свою жизнь за революцию.

А. МАЛКОВ

РАСПРАВА НА ИШИМЕ[1]

1

Холодная сибирская весна 1919 года. В деревне Лужки Кокчетовского уезда праздновали пасху. По ночам жгли костры, ходили с разноцветными фонариками. На Ишиме еще не закончился ледоход, но молодежь, сбросив шубы, гуляла и пела от зари и до зари. Где-то неподалеку зверствовал атаман Белецкий. Может быть, поэтому ничего не жалели, ели доотвала, пили, — придут колчаковцы — все равно заберут.

Всю пасхальную неделю гудел колокольный звон.

---

[1] По материалам редакции «История гражданской войны».

На берегу Ишима у костра собиралась по вечерам молодежь из деревень Симоновки, Давыдовки и Лужков. Она решила организовать партизанский отряд и присоединиться к красным частям. По слухам, красные подходили с каждым днем все ближе и ближе.

На пятый день пасхи, рано утром, к деревне подъезжала группа кавалеристов. Алеша — четырнадцатилетний подросток — первый заметил их.

— Колчаковцы! — пронеслась тревожная весть, и толпа, собравшаяся было у околицы, стала быстро редеть.

Остались немногие, в их числе и Алеша. С крыши крайней избенки он увидел красное знамя и алые бантики на винтовках кавалеристов.

— Наши! — закричал он.

Через несколько минут крестьяне гурьбой потянулись навстречу отряду.

Передние кавалеристы поравнялись с толпой. К ним донеслись приветствия. Ребятишки ошалело орали:

— Красные, красные!.. Наши!..

В стороне на вороном рысаке ехал командир отряда. Грузное тело его, казалось, придавило лошадь. Лицо с закрученными усами было хмуро. Окинув взглядом толпу, он остановил лошадь и закричал, приподнимаясь в стременах:

— Хлеборобы! Товарищи, я рад тому, что вы любите нашу армию, вышли ее встречать. Наша доблестная армия героически борется с врагами, но враг многочислен, силы наши истощаются. Нам необходимо пополнение. Призываю всех партизан-добровольцев вступить в наш отряд. Просим не отказать в постое.

Командир повернулся к отряду, что-то сказал и махнул плеткой в сторону деревни. Серая колонна людей зашевелилась. Строй моментально нарушился. Задние обгоняли передних. С гиком скакали они по улице, стараясь захватить лучшие квартиры.

Алеша до вечера толкался на улице, разглядывая красноармейцев. В каждом доме разместилось по два-три новых постояльца. Хозяева угощали гостей мясными щами, яйцами, куличами. После обеда группа конных ординарцев разъехалась по соседним селам призывать в отряд население. У народного дома в Лужках приклеили объявление. Оно призывало вступать в ряды Красной Армии...

Перед вечером, когда Алеше надоело смотреть, как военные играют в чехарду, он пошел ночевать к бабке-просвирне. У большой просвирниной избы толпились военные.

Командир отдавал какие-то распоряжения маленькому, юркому своему помощнику. До Алеши долетели слова:

— Выставить караул к дому. Выслать за деревню патрули. Солдатам быть наготове.

В другой половине избы, где жила просвирня, Алеша застал невероятный беспорядок. Мешки муки, ящики яиц и сухарей, различного рода посуда — все это было грудой свалено на полу. Просвирня ползала вокруг ящиков, осматривала, целы ли яйца, и причитала:

— Разорили старуху вконец. Грабители пожаловали, а матушка вчера говорила, что белые придут.

Алеша хотел вступить в спор, но махнул рукой, наскоро поел и юркнул в постель.

2

Всю ночь не давали Алеше спать буйные песни в комнате командира. Только под утро удалось уснуть. Встал он поздно — просвирня уже обедала. Кое-как умывшись, Алеша заглянул сквозь дверную щель в комнату командира. Он увидел на столе батарею бутылок, остатки закусок и разбросанные на полу окурки. Сам командир храпел на диване.

С улицы донеслась боевая песнь. Алеша выбежал на крыльцо. Около дома толпились вооруженные красноармейцы. Они напряженно всматривались в даль, откуда с песней, строем приближалась группа молодежи.

— Давыдовская молодежь идет, — крикнул на ходу Алеша.

Еще издали он увидел знакомые лица ребят. В переднем ряду шла Феня. Она улыбалась и приветливо кивала головой знакомым лужковским девушкам. Витя нес знамя. Серьезно озабоченный, сбоку отряда шел Миша и время от времени командовал:

— Ать-два-три...

Все тридцать парней и среди них одна девушка уверенно, с поднятыми головами отбивали шаг по широкой улице.

Лужковские крестьяне с уважением смотрели на стройные ряды молодежи.

Местные парни, уязвленные тем, что они не успели сорганизоваться первыми, забегали по домам, наспех сколачивая отряд. Возле штаба давыдовцы по команде остановились. Командир отделился от караула и, козырнув Мише, принял рапорт:

— Вверенный мне партизанский отряд деревни Давыдовки из тридцати человек прибыл для вступления в ряды

Красной Армии. Горим желанием сразиться с колчаковцами. — Громкий голос Миши был далеко слышен.

К месту, где остановился отряд, торопливо подходили вооруженные красноармейцы. Они молча оцепили прибывшую молодежь.

Через некоторое время на крыльцо вышел командир роты.

— Командир партизанского отряда и его помощники, пожалуйте в штаб.

Миша кивнул головой Вите и Фене. Вслед за командиром роты они вошли в штаб. За ними прошло еще несколько военных.

Алеша вернулся в избу и прильнул к дверной щели, сквозь которую ему хорошо была видна комната командира. То, что увидел мальчик, поразило его: на груди командира висел георгиевский крест, а на плечах блестели золотые погоны. Он грузно сидел на диване, куря сигару.

Алеша видел, как побледнел Миша, как на полпути к козырьку замерла его рука.

— Все это подозрительно, — указывая пальцем на погоны и неожиданно бледнея, крикнул Миша. — Кто вы? В вашем лице я вижу...

— Атамана Белецкого... Вы не ошиблись. Грызуны шли на запах сыра и попали в капкан.

Атаман встал; на его красном, мясистом лице с отвисшими губами проступили белые пятна.

— Итак, красные дьяволята, вы в отряде атамана Белецкого. Вы посмели пойти против законного правительства, и вас ожидает смерть.

— Мы не сомневаемся в этом. От врагов пощады не просим, — спокойно и зло ответила Феня.

— Я вас заставлю просить пощады!

Атаман ближе и ближе подходил к Мише. Брови его сдвинулись, зрачки сузились.

— Кто из вас главарь?.. Молчите?.. Струсили?.. Кто возглавляет отряд?

— Я, — не дрогнув ни одним мускулом, отозвался Миша.

В следующее мгновение он отпрянул в сторону. Тяжелый кулак атамана обрушился на стоявшего позади конвойного и свалил его на пол.

Удачно увернувшись от удара, Миша схватил со стола стакан и ударил им Белецкого. Атаман упал на диван с залитым кровью лицом.

Завязалась неравная борьба. Трое конвойных и адъютант

Белецкого набросились на безоружных ребят. Феня подбежала к окну и, выбив стекло, крикнула на улицу:

— Товарищи, спасайтесь! Мы в ловушке!

В ответ за окном послышался шум.

Давыдовцы бросились к крыльцу, но штыки преградили им путь. Полукольцо белогвардейцев ощетинилось штыками винтовок. Прижатая к стене, безоружная молодежь была взята под конвой. Феню, Витю и Мишу вывели со связанными за спиной руками. Обреченных построили четверками. На крыльцо вышел адъютант Белецкого. В руке он держал лист бумаги — приказ атамана о расстреле.

Алеша стоял в толпе собравшихся крестьян и плакал. Вначале робко, а затем все настойчивее стали раздаваться голоса:

— За что расстреливать?

— Не имеет права этого делать.

Маленький щупленький адъютант читал приговор:

«Именем верховного правительства за бунт и нападение на атамана Белецкого... всех тридцать расстрелять на Ишиме».

Толпу потряс душераздирающий вопль. Молодежь, старики, дети — все плакали.

— Не плачьте, товарищи. Наступит время расплаты с ними. Вспомните тогда нашу смерть, не будьте мягки к врагам! — Слова Фени вызвали еще больший плач.

Белогвардейцы начали прикладами разгонять народ.

Подталкиваемый конвойными, Миша крикнул:

— Товарищи, мы боролись за жизнь, которую указал нам Ленин. Нас расстреляют золотопогонники, но вы и ваши дети достигнете той жизни, которую Ленин называет коммунизмом.

Мнимые красноармейцы, подталкивая арестованных прикладами, повели их к Ишиму.

3

Алеша пробрался оврагами к сопке, у подножья которой, образуя десятиметровую кручу и бушующий водоворот, металась река.

Он притаился в кустарнике, на вершине сопки. Он видел, как подвели осужденных к самой круче. Остановясь на обрыве, адъютант посмотрел вниз на клубящуюся пену и захохотал:

— Хорошая ванна для мальчиков.

Отряд в тридцать офицеров расставил свои жертвы по берегу цепочкой. Адъютант махнул платком. Колчаковцы взяли ружья наизготовку.

Крайним, рядом с Феней, стоял Миша. Повернув голову к Фене, он бросил ей несколько слов. Алеша видел, как Феня вполоборота тоже что-то сказала соседу. Один за другим каждый из «смертников» на секунду повертывал голову к рядом стоящему. Какая-то команда от Миши передалась по шеренге.

— Что за сговор! — закричал адъютант. — Приготовься! Раз... два...

Что это? Алеша увидел, как осужденные почти одновременно рывками оттолкнулись от берега и камнями попадали в водную пучину.

Нестройная трескотня выстрелов последовала вдогонку.

Надежд на спасение было очень мало, в полой воде бушевавшей реки все тридцать были обречены на гибель.

Некоторые из них долго боролись с водной стихией. Гребя ногами, они поддерживали тело на поверхности воды. Взбешенные офицеры бежали по берегу, стреляя вдогонку плывущим. Наконец отряд удалился.

С замирающим сердцем наблюдал Алеша эту дикую расправу. С вершины сопки ему было видно все водное пространство. Его внимание привлек человек на поверхности воды. Судя по тому, что тело его перемещалось к противоположному берегу, Алеша понял, что человек плывет. Вот он достиг берега, поросшего кустами. Алеша видел, как вынырнули плечи, и человек, цепляясь зубами за кусты, пропал в них.

Мальчик прошел по берегу к тому месту, где лежало несколько лодок, столкнул одну из них в воду и, рискуя попасть в водоворот, перебрался на другой берег.

В примеченном им кустарнике со связанными за спиной руками лежал Витя. Из простреленной ноги его сочилась кровь.

— Иди в Симоновку, — прошептал Витя. — Расскажи обо всем, что видел. Они тоже собирались присоединиться к Красной Армии.

Перед тем как уйти, Алеша разорвал свою рубашку и, как мог, перевязал рану юноши. Витя горячо пожал ему руку:

— Торопись, малыш. Иначе будет поздно.

Алеша исполнил поручение Вити. Отряд симоновской молодежи встретился ему на пути к Луккам. В коротких

словах Алеша рассказал о расправе на Ишиме. Отряд вернулся обратно. Тотчас же несколько человек было послано за Витей. Ночью его принесли в деревню.

Вскоре под натиском партизан отряд атамана Белецкого вынужден был уйти из уезда. В ответ на зверства белогвардейцев в уезде организовалось несколько молодежных партизанских отрядов. Симоновский, давыдовский и лужковский комсомольские отряды помогали Красной Армии бороться с Колчаком.

Ставший активным партизаном, Алеша передал нам рассказ о погибших на Ишиме товарищах.

М. САВИН

КОМСОМОЛЕЦ-ГЕРОЙ[1]

Комсомольца Афанасьева знали многие московские рабочие. Он был организатором молодежи Сущевско-марьинского района Москвы.

1918 год. Контрреволюционные силы буржуазии и помещиков стремились нанести смертельный удар молодой советской власти. Повсюду организовывались заговоры и восстания. Партия большевиков призывала к защите Советской республики. Москвичи спешили к Театральной площади — на митинг. Там выступали вожди революции, выступали рабочие, женщины и подростки. На грузовик поднялся низкорослый паренек, расправил плечи и закричал:

— Товарищи! Враги ползут, как гады, на нашу Советскую республику. Они хотят вернуть буржуев и помещиков на нашу землю. Не выйдет это!

Говорил Афанасьев — восемнадцатилетний комсомолец Щепетильниковского трамвайного парка. Он поднял руку, призывая к тишине.

— Я записываюсь добровольцем в Красную Армию и иду на передовые позиции, — закончил он свою коротенькую речь.

---

[1] По материалам редакции «История гражданской войны».

★

Теплое июльское утро. У военкомата толпы людей, записывавшихся добровольцами. Афанасьев с группой своих товарищей стоял в стороне. Они уже оформились и оживленно беседовали.

— Значит, на восточный?

— Да, сегодня в четыре часа отправляемся.

— Дадим же белочехам перцу, пусть знают наших!

Подали команду:

— Стройся!

Все суетились, перекликались, призывая своих. Строились и ряд за рядом уходили на вокзал. Вскоре состав, доотказа нагруженный добровольцами, отошел от перрона Казанского вокзала. Девушки, провожая друзей, махали платками:

— Скоро и мы поедем, встретимся! На смену вам! До свиданья!

В вагонах было весело. Играла гармошка. Далеко разносились песни и смех. Часы проходили незаметно. На одной из станций в вагон вошел командир:

— Здесь находится комсомолец Афанасьев?

Афанасьев встал и поправил гимнастерку.

— Я.

— Вы, товарищ Афанасьев, назначаетесь в город Саратов, — сказал командир и внимательно посмотрел на комсомольца.

— Слушаю, товарищ командир, назначаюсь в город Саратов.

★

Через несколько дней Афанасьев уже работал в Чрезвычайной комиссии Саратова. Но ему хотелось с винтовкой в руках, на фронте, в упор бить врага. Однажды среди своих новых товарищей он услышал разговор о том, что в Саратове формируется добровольческий отряд, в составе которого укомплектовывались особые пулеметные десятки из выдержанных коммунистов и комсомольцев. Афанасьев пошел в штаб:

— Хочу на фронт. Отпустите.

За столом сидели три человека. Они переглянулись. Один из них сказал:

— Хорошо.

Афанасьев вышел из штаба на улицу и радостно крикнул:

— На фронт! На фронт еду!

Вскоре стало известно, что Афанасьев назначается начальником пулеметного десятка.

В первых числах августа полк, сформированный в Саратове, двинулся в путь. Враг был недалеко.

— Ты хорошо знаешь пулемет? — спросил Афанасьев своего соседа — молодого комсомольца из Саратова.

— Немного знаю, — ответил тот.

— Учи меня. Сейчас же учи, как нужно обращаться с этой машинкой, — почти скомандовал Афанасьев. Он еще совсем не знал пулемета, да и видел его впервые.

За короткое время командир пулеметного десятка уже знал основные части пулемета, умел самостоятельно применить его в боевой обстановке.

— Подойди теперь любая банда, решето из нее сделаю, — смеясь, говорил он.

★

Разведка донесла, что противник расположен по ту сторону небольшой речки — в нескольких километрах от стоянки полка. Предстоял упорный бой с неравным врагом. Красноармейцы готовились к бою — проверяли винтовки и наполняли вещевые мешки патронами. Вдруг издали раздался орудийный выстрел, второй, третий. Над головами бойцов посыпалась шрапнель. Противник начал обстрел из тяжелых орудий. Вблизи поднимались столбы огня, дыма и земли. Падали раненые и убитые. Снаряды один за другим взрывали место расположения полка.

Началась паника. Отдельные бойцы стали отходить, постепенно увлекая за собой и других. Белые, воспользовавшись замешательством бойцов, повели наступление.

Полк вынужден был отойти к переправе.

На подступах к мосту, прикрывая отступление, остался пулеметный десяток Афанасьева. Десять героев прижались к земле. Что с ними? Почему они не стреляют? Может быть, они убиты?.. Прямо на них бежали сотни белогвардейцев. Все ближе, ближе... Вдруг — «та-та-та» — заговорили пулеметы.

— Ложись! — скомандовал белый офицер. Но было уже поздно. Солдаты падали один за другим, скошенные метким пулеметным огнем. Офицер тоже схватился за грудь и упал.

— Мы сделаем из вас решето! — кричал командир боевого десятка.

Враг не выдержал и в беспорядке стал отступать, оставляя сотни убитых и раненых.

На следующий день в ротах полка зачитывался приказ: «Боевому десятку за проявленный героизм в последнем бою у моста объявить благодарность».

Вскоре комсомольца Афанасьева назначили комиссаром молодежного кавалерийского полка.

Афанасьев был чутким, отзывчивым комиссаром. Он не только умел требовать от красноармейца исполнения его обязанностей, но и ухитрялся всегда доставать все, что было нужно бойцам. Молодой комиссар сразу завоевал авторитет. Во время боя он неожиданно появлялся там, где бойцы начинали уже сдавать. В одной из схваток командир молодежного полка был убит. Афанасьев занял его место. Он бросался на противника первым, и все мчались за ним. Не один раз в горячем бою кто-нибудь тревожно кричал:

— Комиссар убит!

Но комиссар снова вырастал перед полком верхом на коне, с поднятой над головой шашкой.

В полку было не совсем спокойно: кулацкие сынки, пробравшись в ряды красноармейцев, вели среди них агитацию. Отдельные несознательные бойцы роптали:

— Нет сапог, нет хлеба...

Полк получил приказ двинуться в бой. Оборванные, голодные бойцы, несмотря на зимнюю стужу, выступили охотно и быстро — только в одном эскадроне произошла заминка. Об этом донесли комиссару. Афанасьев поскакал к эскадрону. Часть эскадрона отказывалась итти в бой. Раздавались крики:

— В чем итти? Три дня не ели! Ему, небось, тепло...

Молодой комиссар спрыгнул с лошади и подошел к кавалеристам. Снял с себя общипанный полушубок, бросил его на снег, снял ботинки, башлык.

— Кто замерз — бери, — сдержанно сказал он.

Это привело всех в смущение. Никто не тронулся с места.

Через несколько минут комиссар, одевая свои изодранные ботинки, с улыбкой заметил, что кто-то подбросил ему свежие теплые портянки. Запахнув полушубок, Афанасьев вскочил в седло и крикнул:

— Пошли!

Часть послушно двинулась форсированным маршем, догоняя ушедший вперед полк.

Через час уже кипел бой. Красноармейцы, впереди которых мчался на коне комиссар, рубили остатки белого эскадрона.

★

В мае 1919 года противнику удалось прорвать расположение наших войск и пробраться в тыл. Был разбит штаб нашей дивизии. Для ликвидации прорыва был переброшен кавалерийский полк.

На станции Деркуль произошла горячая схватка с белыми. Полк не выдержал натиска превосходных сил врага и отступил. Лошадь Афанасьева была убита. Тогда он бросился к оставленному пулемету и стал стрелять до тех пор, пока не вышли все патроны. Белогвардейцы хотели взять смелого пулеметчика живым. Афанасьев выхватил наган. Трое бросившихся на него казаков тут же поплатились жизнью. Сабельный удар в спину свалил на землю героя...

Так погиб комсомолец Афанасьев.

ВЛ. КОСТРОМИН

БОЙЦЫ ВОЛОЧАЕВКИ[1]

Чан

Перед штурмом командир обходил части. Торопливо, по-зимнему, вечерело. Мороз усиливался. Красноармейцы жгли костры. Командир подходил к огню и коротко беседовал с бойцами. У одного из костров его взгляд, пристальный и теплый, остановился на двух бойцах. Широкоплечий обветренный красноармеец в лохматой рыжей папахе разогревал у костра замерзшую краюшку хлеба и шутливо разговаривал с молодым китайцем. Китаец добродушно улыбался в ответ, раскладывая вокруг крохотные мешочки с рисом, сахарным песком, бобами и другими припасами. Мешочки были на 50—100 граммов — не больше. Китаец осторожно перетряхивал содержимое их, туго затягивал и прятал за полу полушубка.

Боец в рыжей папахе, заметив взгляд командира, обернулся к нему:

— Это у нас Чан — Иван, значит, по-нашему, товарищ командир. Вояка, у-у-у, что надо. Третий месяц с нами ходит.

---

[1] По материалам редакции «История гражданской войны».

Китаец ласково улыбался, мигая глазами.

— Не мерзнешь? — спросил командир, делая шаг к китайцу.

Китаец быстро вскочил на ноги, закивал головой, явно не понимая, о чем его спрашивают, потом схватил винтовку, прицелился в сторону опутанной проволокой Волочаевки и что-то быстро проговорил по-своему.

— Это он говорит, что будет стрелять, пока не выбьет белых из Волочаевки, — объяснил боец в рыжей папахе.

— Молодец, — сказал командир и похлопал китайца по плечу.

Штурм был удачен. Позиции были отбиты у врага. Командир обходил линию неприятельских проволочных заграждений на подступах к Волочаевке. Следы боя были ужасны. Трупы висели на проволоках, лежали между рядами заграждений. Над всем этим стояла непривычная жуткая тишина. Командир молча шел от одного участка к другому, не меняя серьезного выражения лица. Вдруг он остановился возле трупа, висевшего на проволоке, и показал сопровождавшим на него рукой. С простреленной головой, раскинув руки, на проволоке висел Чан. Видно было, что он удачно прошел через два ряда проволочных заграждений, но на третьем японская пуля настигла его. Полушубок китайца расстегнулся. Под проволокой, на снегу, валялись мешочки. Один из них развязался, и желтые маленькие крупинки рассыпались по сверкающему насту.

После минутного раздумья командир круто повернулся и быстро зашагал дальше.

Санька

Против белых и интервентов поднялся народ. В лютые зимние морозы к таежной станции Ин подъезжали рабочие и партизанские эшелоны. Вследствие недостатка обмундирования бойцы были одеты в свое платье и мало походили на военных. Многие из них только теперь наскоро выучились обращаться с оружием. Но каждый сознавал необходимость драться и дрался поистине геройски. Под Волочаевкой в сорокаградусные морозы рабочие и крестьяне шли под пулеметным огнем во весь рост, рубили проволочные заграждения шашками, бросали на них последнюю одежду, рвали голыми руками.

Вместе с другими под Волочаевкой погиб Саша Удальцов. У него был скорее талант актера. Он умел подражать

пиле, высвистывал по-соловьиному, виртуозно передразнивал любого и в тяжелую минуту веселил товарищей.

В отряде его звали просто Санькой, любили и ценили за храбрость. В бою 11 февраля 1921 года все видели, как он храбро бросился вперед, когда другие остановились перед японскими пулеметами. Когда кончился бой, его не было среди вернувшихся. Удальцова считали убитым.

— Погиб Санька, — говорили бойцы.

На рассвете у самых блиндажей противника затеялась перестрелка. Она была коротка. Беляки сосредоточили перекрестный огонь двух пулеметов на одной точке.

В ответ были слышны редкие винтовочные выстрелы. Вдруг они прекратились, и перестрелка затихла.

— Чего это беляк зашевелился? — говорили бойцы. — Какая его муха укусила?

Скоро наши пошли в атаку. Три линии проволочных заграждений были пройдены без труда. Кто-то заботливой рукой расчистил путь. На четвертой линии был обнаружен труп Саньки, весь изрешеченный пулями... Всю ночь он резал проволоку...

Благодаря подвигу молодого героя красные части прошли через проволочные заграждения и опрокинули врага.

Маленький барабанщик

Осенью 1922 года героический отряд Петрова-Тетерина шел с боями от Хабаровска на Благовещенск. На этом пути к отряду пристал мальчуган — иззябший, оборванный, голодный.

Щербатый и добродушный Трофим из 2-й роты, положив свою большую волосатую руку на плечо мальчика, с презрительной жалостью сказал:

— Эх ты, замухрышка! Сидеть бы тебе у мамки под юбкой.

Мальчик не обиделся. Он лишь покорно посмотрел на Трофима своими невыразительными глазами. Бойцы пробовали его расспросить, чей он, откуда, но мальчик молчал. Бойцы чувствовали, что мальчик теперь не отстанет от них. Его пробовали хоть как-нибудь расшевелить. Один из бойцов, сделав пальцами рога и скорчив страшную рожу, ткнул мальчика в живот, но и это не произвело на него впечатления. Красное от холода лицо осталось спокойно, синие губы сомкнуты.

— Сдать его властям, да и только. Нечего с ним возиться. Ребенок — маета известная, — с сердцем сказал старый партизан с рыжей бородой.

— Погоди, старик. Сдать не хитро, — возразил Трофим.

После недолгих споров мальчик был поручен Трофиму. Тот сначала не знал, что делать с мальчишкой, но как-то его вдруг осенило.

В отряде был барабан, и Трофим вручил этот барабан мальчику. Мальчик очень скоро освоился с барабаном и стал одним из необходимейших людей в отряде.

В походе он четко и бойко отбивал такт. И бойцы приноравливали шаг к его ударам. Под барабан легче было итти, дорога казалась недолгой, а походная жизнь менее утомительной.

Особенное значение барабанщик имел в боях. Заняв где-нибудь удобное местечко, он в продолжение всего боя выбивал мерную дробь. Пули свистели над его головой, ему угрожала опасность быть взятым в плен, но мальчик не замечал ничего и продолжал барабанить. И эта дробь действовала на бойцов необыкновенно сильно. Она точно вливала в них бодрость, мужество и отвагу. После боя бойцы благодарили мальчика.

Особенно трудно было ему зимой. В сильные морозы постоянно угрожала опасность обморозить руки. Но он неизменно выбивал свою дробь, подбадривая этим бойцов.

В самые лютые январские морозы отряд дрался за станцию Ин, недалеко от Волочаевки. Взятие Ина было важным этапом не только в операции под Волочаевкой, но и в общей кампании борьбы с белыми в районе Хабаровска. Бой длился долго. У маленького барабанщика коченели на морозе руки и отказывались держать палочки, но он через силу продолжал выбивать дробь. Иногда он замолкал, и бойцы обеспокоенно оглядывались назад — не зашел ли в тыл противник, не окружили ли. Мальчик знал, что его молчание сильно тревожит бойцов, и, собравшись с последними силами, снова начинал барабанить.

После захвата станции первая помощь была оказана барабанщику. У него были обморожены обе руки.

О занятии Ина донесли в штаб. Сам командующий приехал поздравить отряд с победой. Отряд выстроился на смотр. На правом фланге, выступив вперед, стоял барабанщик, держа на барабане огромные забинтованные руки. Командующий обошел отряд, осмотрел бойцов, потом подошел к маленькому барабанщику, поправил на нем ушанку и сказал громко, так, что все услышали:

— Герой!

И. МАШУКОВ

СЫН РОДИНЫ

Виталий Баневур приехал во Владивосток из Москвы в разгар золотой приморской осени. Выломанные окна, покосившиеся или сорванные вывески, искалеченные снарядами углы домов. Улица была запущена — ветер гнал обрывки бумаги, гремели консервные банки. Люди с мрачными лицами сновали торопливо. Город хранил свежие следы недавних ожесточенных боев.

— Идут! — услышал вдруг Виталий чье-то восклицание. Он вздрогнул и ускорил шаг.

По мостовой, поблескивая раскосыми глазами, шли японские солдаты в мундирах цвета хаки. Впереди шагал маленький офицер, сабля его волочилась по камням. Он шел по улице, провожаемый недружелюбными взглядами толпы.

— П-о-бедители... — протянул кто-то со злобной иронией.

Волна ненависти к интервентам, к этому, с иголочки одетому, японскому офицеру захлестнула людей. Перед каждым встали страшные картины, которые невозможно вычеркнуть из памяти: дикая ружейная и пулеметная стрельба, избиение мирных прохожих, ограбленные жилища, трупы убитых на вокзале...

Поздним вечером Виталий появился в знакомой квартире. Во дворе стояли вооруженные японцы. Осторожно, чтобы не привлечь их внимания, он обошел двор и, зайдя с переулка, тихо постучался в прикрытое ставнями окно приземистого деревянного домика. Сидевшие за столом, уставленным бутылками и закусками, поднялись при виде Баневура.

Они тепло приветствовали делегата IV Всероссийского съезда РКСМ.

Сколько раз впоследствии приходилось этому высокому худощавому парню в старенькой кепке пробираться через тайгу, скрываться в лесу! Много раз смерть смотрела ему в глаза...

Однажды было объявлено, что партизанские отряды Анучинского района должны соединенными силами выбить японских интервентов и белых из Ивановки, где они засели в блиндажах за тройным рядом колючей проволоки. Отрядам приказали уничтожить белых при их отступлении на Лифинку. В Лифинке находилась офицерская рота при двух орудиях, охранявшая тракт. Перед подрывниками была

поставлена задача — поднять вражеские орудия на воздух, а отряду, скрытому в кустах, вдоль тракта, по сигналу внезапно обрушиться на офицеров.

Однако белые через своего шпиона Кузнецова, бывшего есаула, узнали о намерениях партизан и окружили место их расположения — деревню Кондратенково. Белые прошли незамеченными через тайгу и залегли близ деревни с юга и запада. С севера надвигалась семеновская кавалерия. По расчетам белых, партизаны неминуемо должны были двинуться на восток, по болоту, залитому осенним половодьем.

Но белогвардейцы ошиблись. Утром 17 сентября партизанские отряды тихо и незаметно вышли из Кондратенкова и двинулись на Ивановку. В деревне остались только работники штаба и больные.

Виталий находился в штабе, когда семеновские кавалеристы с диким воем ворвались в деревню. Первой его мыслью было уничтожить и спрятать важные документы. Он рвал и жег их, пока не уничтожил все, что могло представлять интерес для врага. Затем, выбежав из домика, Виталий бросился в огород. Он готов уже был скрыться в кустах, когда услышал за своей спиной тяжелый топот и угрожающий крик:

— Стой, стрелять буду!

Он обернулся. Размахивая блестящим клинком, за ним мчался казак на взмыленной лошади. Тяжелый удар по голове оглушил Виталия и свалил с ног. На мгновение он потерял сознание.

...В доме, где еще сегодня утром был партизанский штаб, Виталий увидел за столом пожилого, обрюзгшего человека, с полковничьими погонами на плечах.

— Коммунист? — спросил он.

— Да, — твердо ответил Виталий.

Полковник был явно смущен. Он не ожидал от юноши такой твердости.

— Ну вот и прекрасно, — силясь улыбнуться, произнес он. — Мы с вами столкуемся. Вам представляется весьма удобный случай счастливо продолжать свою жизнь. Вы такой молодой... нам нужно только знать, — продолжал он, — какой дорогой будут возвращаться в Кондратенково красные?

— Об этом мне не докладывали, — быстро ответил Виталий.

— Но ведь вы и так знаете?

— Нет.

— Тогда, может быть, вы скажете, куда ваш завхоз спрятал золото?

— Я вам ясно сказал, что я коммунист и не скрываю своих убеждений. Вам должно быть известно, что коммунисты государственных тайн не выдают.

Полковник вскочил, стул с грохотом опрокинулся. Поднялся и Виталий. Побледневшее лицо его оставалось спокойным.

...Ночью белые покидали Кондратенково, боясь неожиданного налета партизан. Пленных переправили вброд через реку Супутинку. На берегу им приказали остановиться. К Виталию подбежали два казака, скрутили ему руки веревкой, а свободный конец привязали к хвосту лошади.

— П-о-шел! — раздалось в темной, осенней ночи.

Лошадь рванулась. Виталию обожгло руки. Он упал лицом в липкую, холодную грязь, затем поднялся и, подгоняемый нагайками казаков, задыхаясь, побежал за лошадью.

Всю ночь продолжался этот страшный бег. Утром белые остановились на отдых в детской колонии, в двенадцати километрах от Никольска. Виталия бросили в подвал. Он провел в нем целый день без воды и пищи, а ночью пытки снова возобновились. Ему выворачивали руки, били по голове. Палачи старались вырвать из уст Виталия сведения о партизанских отрядах. Но Баневур не произнес ни одного слова. После мучительных пыток он был парализован и не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой.

...Утром на восходе солнца к нему вошли два казака. Они взяли полумертвого Виталия и унесли к Мохнатой сопке, на левый берег речки Супутинки.

Озверелые палачи вырезали на его груди пятиконечную звезду, а затем, искромсав кинжалом грудную клетку, вырвали его пламенное сердце. Они издевались над героем и тогда, когда он был уже мертв. Офицеры стреляли в неподвижное, распростертое тело.

★

Гроб медленно опускается в сырую, каменистую землю. Прощальные залпы гремят над тайгой. Застыли суровые лица. В печальных звуках похоронного марша слышится невыразимое горе и торжество близкой победы. Начальник штаба

произносит надгробную речь. Он говорит о славном комсомольце Виталии Баневуре, преданном сыне своей родины. Крестьянки плачут, утирая слезы кончиками платков.

— Победа будет за нами. Ускорим же ее, отомстим за нашего славного товарища! — призывает начальник штаба.

Комсомольцы поднимают вверх винтовки...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Майор Яровой — Комсомольская рота 5
В. Горбункова — Коля Руднев 11
А. Мельчин — Мюрид революции 21
Ю. Яковенко — Саша Горовиц 49
Б. Горский — Георгий Цаголов 64
М. Попова — С Чапаевым 73
Е. Волошина — Командир Мищенко 88
А. Мельчин — Павел Мусоров 95
Н. Ловоацкая — Разведчица 102
Капитан Дедов-Двядушинский — Записки комсомольца. 109
Капитан И. Пархоменко — По стопам отца . . 117
Злобовская — Подпольная типография 124
В. Чибизов — Пиня Золотин 129
«Умираем, но торжествуем...» 133
М. Савин — За родину 137
Дулин — Из-под расстрела 143
М. Савин — Освобождение «смертников» 148
Ек. Григорович — Молодежь крымского подполья . 150
Х. Калмыков — В лапах у врага 155
М. Алиев — В горах Дагестана 166
А. Малков — Расправа на Ишиме 172
М. Савин — Комсомолец-герой 178
Вл. Костромин — Бойцы Волочаевки 182
И. Машуков — Сын родины 186

БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ

АННОТАЦИЯ

Сборник «Героическая юность» рассказывает о героизме советской молодежи на фронтах гражданской войны и в белогвардейском подполье.

Воспоминания участников гражданской войны, бывших комсомольцев, рассказы о погибших героях воскрешают перед читателями образы юных командиров и бойцов Красной Армии, руководителей партизанских отрядов, бесстрашных разведчиков и работников подполья.

Девять одесских комсомольцев, замученных белогвардейской охранкой, погибшие смертью храбрых молодые командиры Николай Руднев и Асланбек Шерипов — останутся навсегда в памяти молодого поколения нашей великой родины.

Образы молодых героев, воспитанных коммунистической партией и комсомолом, показанные в сборнике, говорят о том, что Ленинский краснознаменный комсомол и в будущих боях будет верным помощником партии Ленина—Сталина.

Сборник подготовлен к печати комсомольской группой секретариата «Истории гражданской войны» в составе:
А. МЕЛЬЧИНА, В. ГОРБУНКОВОЙ,
М. САВИНА, А. МАЛКОВА
в подарок к 20-летию ВЛКСМ.